

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

ОРЕЛ СТРЕЛКА ШАРПА

ЗОЛОТО СТРЕЛКА ШАРПА

The Big Book. Исторический роман

Бернард Корнуэлл

**Орел стрелка Шарпа.
Золото стрелка Шарпа**

«Азбука-Аттикус»

1981

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Корнуэлл Б.

Орел стрелка Шарпа. Золото стрелка Шарпа / Б. Корнуэлл —
«Азбука-Аттикус», 1981 — (The Big Book. Исторический роман)

ISBN 978-5-389-21332-6

В начале девятнадцатого столетия Британская империя простиралась от пролива Ла-Манш до просторов Индийского океана. Одним из строителей этой империи, участником всех войн, которые вела в ту пору Англия, был стрелок Шарп. В романе «Орел стрелка Шарпа» полк, в котором служит герой, терпит сокрушительное поражение и теряет знамя. Единственный способ восстановить честь Британских королевских войск – это захватить французский штандарт, золотой «орел», вручаемый лично императором Наполеоном каждому полку... В романе «Золото стрелка Шарпа» войска Наполеона готовятся нанести удар по крепости Алмейда в сердце Португалии. Британская армия находится на грани поражения, и Веллингтону необходимы деньги, чтобы продолжать войну. За золотом, брошенным испанской хунтой в глубоком тылу противника, отправляется Шарп. Его миссия осложняется тем, что за сокровищем охотятся не только французы, но и испанский партизан Эль Католико, воюющий против всех...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21332-6

© Корнуэлл Б., 1981
© Азбука-Аттикус, 1981

Содержание

Орел стрелка Шарпа[1]	6
Предисловие	7
Глава первая	8
Глава вторая	17
Глава третья	25
Глава четвертая	30
Глава пятая	36
Глава шестая	43
Глава седьмая	54
Глава восьмая	62
Глава девятая	69
Глава десятая	75
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Бернард Корнуэлл Орел стрелка Шарпа. Золото стрелка Шарпа

Bernard Cornwell SHARPE'S EAGLE

Copyright © 1981 by Bernard Cornwell SHARPE'S GOLD

Copyright © 1981 by Bernard Cornwell Published by arrangement with David Higham Associates Limited and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

© В. А. Гольдич, И. А. Оганесова, перевод, 1998

© Г. Л. Корчагин, перевод, 2008

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Орел стрелка Шарпа¹

Посвящается Джусуди

Каждый мужчина презирает себя за то, что не был солдатом.
Сэмюэль Джонсон

¹ Перевод В. Гольдича и И. Оганесовой.

Предисловие

В 1809 году британская армия, как и сейчас, была разделена на полки, но большая их часть имела номера, а не названия; так, например, Бедфордширский полк назывался 14-м, а Коннаутские рейнджеры носили номер 88 и так далее.

Сами солдаты не любили цифры, но им пришлось ждать до 1881 года, когда были официально признаны названия. Я совершенно сознательно не дал Южному Эссекскому – выдуманному мной – полку никакого номера.

Основной боевой единицей был батальон. Большинство полков состояли по меньшей мере из двух батальонов, однако в состав некоторых, вроде Южного Эссекского, входил только один. Поэтому в «Орле стрелка Шарпа» эти два слова часто заменяют друг друга, если речь идет о Южном Эссекском. На бумаге в батальоне обычно числилось около тысячи человек, но болезни и потери, плюс недостаточное пополнение часто приводили к тому, что батальоны отправлялись в бой, насчитывая всего пятьсот или шестьсот солдат.

Батальоны делились на десять рот. Две из них, легкой пехоты и гренадерская, считались элитными; в частности, роты легкой пехоты действовали настолько эффективно, что создавались целые полки, состоящие из таких рот, как, например, 95-й стрелковый.

Батальоном обычно командовали подполковник, два майора, десять капитанов, лейтенанты и прапорщики. Никто из этих офицеров не проходил специальной подготовки; она являлась привилегией офицеров инженерных и артиллерийских войск. Примерно один офицер из десяти получал повышение. Обычно продвижение по службе происходило по старшинству, а не в соответствии с достоинствами офицера, но человек богатый – при условии, что он отслужил в своем звании определенный срок, – мог купить очередное звание и таким образом ускорить для себя получение следующего чина. Подобная система могла бы привести к весьма несправедливым продвижениям по службе, однако не следует забывать: если бы ее не существовало, самый удачливый военный, сэр Артур Уэлсли, позднее герцог Веллингтон, ни за что бы не смог так быстро получить столь высокий чин и не создал бы самую блестящую армию, какой когда-либо обладала Англия; армию, в которой Ричард Шарп сражался с французами в Португалии, Испании, а затем и Франции в 1808–1814 годах.

Глава первая

Пушки было слышно издалека, задолго до того, как они показались на окраинах города. Дети цеплялись за юбки матерей, пытаясь понять, откуда берутся эти страшные звуки. Стук лошадиных копыт, звон упряжи, гроыхание мелькающих колес по разбитым мостовым перекрывали гул многих тонн меди, железа и дерева. И вот они появились – всадники на могучих конях, орудия и артиллеристы, такие же бравые, как и покрытые пороховой гарью массивные дула. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять – они пришли с севера, где солдаты переправляли тяжелые орудия через разлившиеся реки, а потом тащили вверх по раскисшим от бесконечного дождя склонам холмов, дабы враг был разбит.

Матери поднимали маленьких детей повыше, показывали на орудия, с гордостью объясняли: храбрые британские воины заставят Наполеона пожалеть, что он не остался пасти свиней на Корсике, – ведь на большее он не способен.

А кавалерия! Португальцы ликовали, завидев гарцующих коней и всадников в великолепной форме. Изогнутые, сверкающие на солнце клинки вынуты из ножен специально для того, чтобы произвести впечатление на жителей Абрантиша, высыпавших на улицы и площади города: пыль, летящая из-под копыт, – совсем небольшая цена за великолепное, невиданное зрелище. Горожане не уставали повторять друг другу, что эти бравые парни погонят французов через Пиренеи, назад на парижские помойки. Разве сможет кто-нибудь оказать достойное сопротивление такой армии? Британские солдаты прибывали сюда с севера и юга, из портов западного побережья; чеканя шаг, маршировали на восток по дорогам, ведущим к испанской границе, туда, где их ждал враг. Португалия станет свободной, Испания вновь обретет гордость, Франция будет унижена, а бесстрашные воины вернутся в свои кабачки и пивные, навсегда покинув Абрантиш и Лиссабон, Коимбру и Порту.

Впрочем, сами британские воины не были в этом так уверены. Конечно, Северная армия маршала Сульта разбита, но, шагая в стущающихся южных сумерках, они раздумывали о том, что ждет их за Каштелу-Бранку, последним португальским городом перед испанской границей. Скоро они снова встретятся с солдатами в голубой форме, ветеранами Йенского и Аустерлицкого сражений, героями европейских кампаний, французскими полками, обратившими в бегство лучшие армии мира. Горожане приходили в восторг при виде кавалерии и артиллерии, однако специалисту сразу становилось ясно, что войска, собирающиеся вокруг Абрантиша, плачевно малочисленны, а французская армия на востоке – пугающе велика. Британская армия, вызвавшая благоговение у детишек Абрантиша, не произведет столь сильного впечатления на французских маршалов.

Лейтенант Ричард Шарп дожидался новых приказов в месте расквартирования своей роты на окраине города и наблюдал за тем, как кавалерия, оставив зрителей позади, вложила в ножны сабли. Потом он решил заняться грязными бинтами, которыми была перевязана рана у него на бедре.

Когда последние несколько дюймов бинта наконец были оторваны, на пол шлепнулась парочка червей. Сержант Харпер наклонился, чтобы поднять их, а затем взглянул на рану.

– Все зажило, сэр. Просто отлично.

Шарп только проворчал что-то неразборчивое. Сабельная рана превратилась в девятидюймовый шрам, чистый и розовый на фоне более темной кожи. Он поднял последнего толстого червяка и протянул Харперу, чтобы тот его спрятал.

– Ах ты мой красавчик, какой упитанный! – Сержант Харпер закрыл коробочку и посмотрел на Шарпа. – Вам повезло, сэр.

«А ведь он совершенно прав», – подумал Шарп. Французский егерь чуть не убил лейтенанта, клинок уже опускался, когда пуля из ружья Харпера вышибла француза из седла, а

его злобная гримаса мгновенно превратилась в маску боли. Шарп отклонился назад, пытаясь избежать удара, направленного прямо в шею, и сабля угодила в бедро, оставив еще один шрам, как память о шестнадцатилетней службе в британской армии.

Рана не была глубокой, но Шарп не раз видел, как солдаты умирали от куда менее серьезных, став жертвой заражения крови, когда нога или рука начинали гнить и отвратительно вонять, а доктора были бессильны что-либо сделать; их пациенты медленно умирали в грязных хижинах, которые назывались госпиталями. Горсть червей могла принести пользы больше, чем любой армейский костоправ: черви поедали пораженные ткани, и рана затягивалась быстрее.

Шарп встал и наступил на раненую ногу.

– Спасибо, сержант. Совсем как новенькая.

– Я очень рад, сэр.

Шарп надел кавалерийские рейтузы, которые носил вместо форменных зеленых брюк 95-го стрелкового полка. Он гордился зелеными рейтузами с черными кожаными вставками, снятыми с убитого прошлой зимой полковника наполеоновской императорской гвардии. Наружная часть каждой штанины была украшена двадцатью серебряными пуговицами, которые пошли в уплату за еду и выпивку, когда небольшой отряд стрелков Шарпа отступал на юг через галисийские снега. С полковником ему повезло; в обеих армиях было совсем немного таких высоких людей, как Шарп, рейтузы сидели отлично, а мягкие, удобные сапоги из черной кожи, казалось, были сшиты на заказ под английского лейтенанта.

Патрик Харпер не мог похвастаться таким же везением. Сержант был выше Шарпа на добрых четыре дюйма. Огромному ирландцу никак не удавалось найти подходящие штаны, чтобы заменить старые, выцветшие, многократно заштопанные форменные брюки, которые гораздо больше сгодились бы для огородного пугала.

«Вся рота выглядит одинаково, – подумал Шарп. – Форма в дырах, а сапоги в буквальном смысле подвязаны обрывками кожи». И до тех пор, пока основной батальон остается дома, в Англии, вряд ли удастся найти интенданта, готового взять на себя ответственность и выдать им новую форму или сапоги.

Сержант Харпер протянул Шарпу форменный мундир:

– Хотите принять венгерскую ванну, сэр?

Шарп покачал головой:

– Пока еще терпимо.

В мундире было не так уж много вшей, и Шарпу не хотелось подвергать его окуливанию специальным дымом, после чего он как минимум несколько дней будет отвратительно вонять. Темно-зеленый мундир 95-го стрелкового полка, знак принадлежности к элитным войскам, был таким же поношенным, как и у остальных солдат роты, но лейтенант ни за что не расстался бы с ним. Британская пехота носила красные мундиры, а ее лучшие, отборные части с гордостью одевались в зеленое, и даже после трехлетней службы в 95-м полку Шарп все еще гордился своей формой. Мундир, содержимое заплечного ранца и карманов – вот и все имущество Ричарда Шарпа, не знавшего другого дома и семьи, кроме полка, в котором служил. Он не ведал иной жизни и был уверен, что умрет на поле брани.

Вокруг талии лейтенант повязал красный офицерский шарф, а поверх надел черный кожаный ремень с застежкой в виде серебряной змейки. После года, проведенного на полуострове, только этот шарф и палаш указывали на его офицерский чин; впрочем, палаш, как и рейтузы, не соответствовал предписанным правилам. Офицеры-стрелки и легкие пехотинцы должны были иметь кривые кавалерийские сабли, но Шарп терпеть не мог этот вид оружия. Он предпочитал длинный, прямой клинок, какими пользовались в тяжелой кавалерии. Опасное оружие, плохо сбалансированное и грубое, но Шарпу нравилось ощущать в руке яростный клинок, который мог с легкостью противостоять изящным саблям французских офицеров и выбить из рук солдата мушкет или штык.

У Шарпа было и другое оружие. Вот уже десять лет он сражался вместе с солдатами в красных мундирах, сначала как рядовой, потом сержантом и достойно пронес свой мушкет по равнинам Индии. Он стоял в ряду стрелков, шел в атаку с примкнутым штыком и до сих пор предпочитал воевать с ружьем в руках. Больше всего Шарп любил винтовку Бейкера, она сразу выделяла его среди других офицеров. Шестнадцатилетние прапорщики в ярких новеньких мундирах опасливо поглядывали на высокого черноволосого лейтенанта с перекинутым через плечо штуцером и шрамом на лице, который, когда Шарп не улыбался, придавал ему выражение мрачной насмешливости. Кое-кто мог усомниться, что рассказы о Серингапатаме и Ассайе, о Вимейро и Люго правдивы, но одного взгляда насмешливых глаз обычно хватало, чтобы рассеять любые сомнения. Мало кто из вновь прибывших офицеров задумывался о том, что на самом деле означало это ружье, никто из них не знал, в каком суровом сражении Шарп, начинавший свою карьеру простым стрелком, одержал победу.

Сержант Харпер выглянул в окно, что выходило на площадь, залитую полуденным солнцем:

– Вон идет счастливчик, сэр.

– Капитан Хоган!

Харпер не обратил внимания на замечание. Они с Шарпом уже давно были вместе, пережили много опасностей, и сержант прекрасно знал, какие вольности может позволить себе в присутствии сурового офицера.

– Он кажется еще более веселым, чем обычно, сэр. Наверное, есть для нас работенка.

– Я молю Небеса, чтобы нас послали домой.

Харпер, чьи огромные руки уверенно и аккуратно разбирали замок ружья, сделал вид, будто не расслышал последних слов. Он знал, что имел в виду лейтенант, но говорить на эту тему было опасно. Шарп командовал остатками стрелковой роты, которая прошлой зимой оказалась отсеченной от арьергарда армии сэра Джона Мура во время отступления к Корунье. В ту страшную зимнюю кампанию на севере Испании, когда погода стояла такая, что невольно вспоминались рассказы о России. Солдаты умирали ночью, во сне, их волосы примерзали к земле, другие, обессилев, погибали на глазах у товарищей. Дисциплина в армии упала, и пьяные английские солдаты становились легкой добычей для французской кавалерии, которая, подстегивая выбивающихся из сил лошадей, преследовала британцев по пятам. Весь этот сброд спасли от верной гибели несколько полков вроде 95-го, сохранивших дисциплину и продолжавших сражаться.

Закончился 1808 год, наступил 1809-й, а кошмарная битва продолжалась – битва, в которой плохо соображающие от постоянного холода солдаты зарывались в снег, старались не пропустить приближения французских драгун и стреляли отсыревшим порохом. Однажды, когда вьюга выла, словно разъяренное чудовище, рота Шарпа оказалась отрезанной кавалерией французов. Погиб капитан, потом лейтенант, ружья ни за что не хотели стрелять, вражеские сабли поднимались и опускались, влажный снег заглушал все звуки, кроме воинственных воплей драгун и страшного свиста сабель, входящих в тело, а над кровавыми ранами стелился пар. Лейтенанту Шарпу и еще нескольким солдатам удалось уйти в горы, где их не могли догнать всадники, но когда буря закончилась и погиб последний смертельно раненный солдат, надежды на воссоединение с армией не осталось. Второй батальон стрелков 95-го стрелкового полка отплыл домой, в то время как Шарп и его тридцать солдат, затерянные в Испании и всеми забытые, шли на юг, подальше от французов, в надежде присоединиться к небольшому британскому гарнизону в Лиссабоне.

С тех пор Шарп не раз просил, чтобы их отослали домой, но стрелков было мало, они высоко ценились, а новый командующий армией, сэр Артур Уэлсли, не хотел расставаться даже и с таким небольшим отрядом. Поэтому они остались, влились в тот батальон, который в данный момент нуждался в подкреплении, снова отправились на север, по своим собственным

следам, и вместе с Уэлсли отомстили за сэра Джона Мура, изгнав маршала Сульта и его бывалых солдат из северной Португалии.

Харпер знал, что душу его командира переполняет ярость из-за того, в какое положение они попали; Ричард Шарп был беден как церковная крыса, ему никогда не наскрести достаточно денег для приобретения следующего чина. Чтобы стать капитаном, даже в обычном батальоне, Шарпу пришлось бы заплатить полторы тысячи фунтов – он скорее мог рассчитывать воссесть на трон Франции, чем собрать такую сумму. У него была только одна надежда на продвижение – по старшинству в своем собственном полку: заменить офицера, который погиб или получил повышение и чей собственный чин тоже не был куплен. Пока Шарп оставался в Португалии, а родной полк находился дома в Англии, о нем забывали, его обходили другие, снова и снова, и несправедливость происходящего постоянно питала возмущение Шарпа. Он видел, как молодые офицеры покупали чины капитанов, затем майоров, а он, опытный и храбрый солдат, оставался на обочине, потому что был беден и сражался здесь, вместо того чтобы спокойно сидеть в Англии.

Дверь с шумом распахнулась, и в комнату вошел капитан Хоган. Один из немногих военных инженеров, служивших в Португалии, в голубом мундире и белых брюках он был похож на военно-морского офицера и утверждал, будто его форму так часто принимают за французскую, что свои стреляют в него чаще, чем враги.

Хоган сбросил свою яркую шляпу и кивнул на ногу Шарпа:

– Воин снова в строю? Как нога?

– Отлично, сэр.

– Червяки сержанта Харпера, да? Ну, мы, ирландцы, дьявольски умные ребята. Одному Богу известно, что бы вы, англичане, без нас делали.

Хоган вытащил табакерку и взял большую понюшку табака. Дожидаясь, когда сержант чихнет, Шарп взглянул на капитана. Невысокого роста, средних лет, Хоган ему нравился. Вот уже месяц стрелки сопровождали инженера, который составлял схемы дорог и горных перевалов, ведущих в Испанию.

Ни для кого не было секретом, что Уэлсли планировал со дня на день выступить в Испанию, следуя вдоль реки Тежу, которая, словно копье, указывает на столицу союзников, Мадрид; и Хоган, кроме составления бесконечных карт, занимался укреплением мостов и следил за состоянием дорог, которым предстояло выдержать тонны меди и дерева, когда полевая артиллерия покатит навстречу врагу. Хорошая работа, в приятной компании – если только не шел дождь и не начиналась стрельба, а французские гусары с обезумевшими глазами не нападали на стрелков. Сержанту Харперу удалось каким-то образом сохранить свой порох сухим, и Шарпу все еще становилось не по себе при мысли о том, что могло произойти, если бы его ружье тогда не выстрелило.

Сержант собрал части ружейного замка и направился к двери, но Хоган жестом его остановил.

– Оставайся, Патрик, у меня есть для тебя дело, даже язычнику из Донегола оно понравится. – Капитан вынул темную бутылку из рюкзака и вопросительно посмотрел на Шарпа. – Вы не возражаете?

Шарп покачал головой. Харпер был хорошим человеком; все, за что брался, он делал прекрасно. За три года знакомства Шарп и Харпер стали друзьями – настолько, насколько возможна дружба между офицером и сержантом. Шарп не мог себе представить, что во время сражения рядом с ним не окажется могучего ирландца, а сержант предпочитал воевать рядом со своим командиром. Вместе они составляли самую лучшую пару, какую Хогану доводилось видеть на поле боя.

Капитан поставил бутылку на стол и вытащил пробку.

– Бренди. Французское, из погребов самого маршала Сульта, мы его взяли в Порту. С наилучшими пожеланиями от генерала!

– От Уэлсли? – спросил Шарп.

– От него самого. Он спрашивал про вас, Шарп. Я сказал, что вы лечитесь, а иначе были бы вместе со мной.

Шарп промолчал. Хоган неторопливо разливал выпивку.

– Не будьте таким несправедливым, Шарп! Он хорошо к вам относится. Неужели вы думаете, что он мог забыть Ассайе?

Ассайе. Шарп прекрасно все помнил. Поле, усеянное мертвыми телами, возле индийской деревушки, где он получил свой офицерский чин.

Хоган подтолкнул к нему маленькую кружку с бренди.

– Вы же прекрасно знаете, Уэлсли не может присвоить вам чин капитана Девяносто пятого полка. У него нет таких полномочий!

– Я знаю. – Шарп улыбнулся и поднес к губам кружку.

Однако Уэлсли обладал достаточной властью, чтобы послать его домой, где лейтенант получил бы реальный шанс на повышение. Он отбросил эту мысль, зная, что обида все равно скоро вернется. Шарп завидовал Хогану, который, как и всякий инженер, мог получить повышение только по старшинству. А это означало, что Хоган, все еще остававшийся капитаном, хотя ему уже исполнилось пятьдесят, не мог пожаловаться на несправедливость, поскольку купить новый чин в инженерных войсках было невозможно.

Шарп подался вперед:

– Ну же? Какие новости? Мы все еще остаемся в вашем распоряжении?

– Да. И у нас есть задание. – В глазах Хогана загорелся огонек. – Просто отличное задание, надо сказать!

Патрик Харпер ухмыльнулся:

– Значит, предстоит серьезная заваруха.

Хоган кивнул:

– Ты прав, сержант. Мы должны отправить в иной мир большой мост. – Он вынул из кармана карту и разложил ее на столе.

Шарп молча наблюдал за мозолистым пальцем, следовавшим вдоль реки Тежу от моря к Лиссабону, мимо Абрантиша, в котором они сейчас находились, и дальше, в Испанию. Палец остановился там, где река делала большую, уходящую на юг петлю.

– Вальделаказа, – сказал Хоган. – Там есть старый мост, еще римский. Генералу он не нравится.

Шарп сразу понял почему. Уэлсли намерен вести свою армию вдоль северного берега Тежу, в сторону Мадрида; река будет прикрывать правый фланг. Французы могут воспользоваться несколькими мостами, перейдя через которые они получают возможность атаковать британскую армию с тыла, но все эти мосты находятся в городах, таких, как Алькантара, где испанцы держат гарнизоны, охраняющие эти самые мосты. Вальделаказа даже не отмечена на картах, а раз нет города, значит и гарнизона испанцы там не оставили; следовательно, французы смогут перейти реку и учинить страшную панику в арьергарде британской армии.

Харпер наклонился поближе и посмотрел на карту:

– А почему на карте ничего не отмечено, сэр?

Хоган презрительно фыркнул:

– Я удивлен, что на карте есть Мадрид, а ты говоришь о Вальделаказе!

Он был совершенно прав. Карта Томаса Лопеса – а других карт Испании просто не существовало – была классическим образцом буйного воображения испанца.

Хоган ткнул пальцем в карту:

– Мост практически не используется. Он в очень плохом состоянии. Нам сказали, что по нему вряд ли сможет проехать телега, не говоря уже о пушке, однако его можно привести в порядок, и тогда «старые штаны» сумеют очень быстро зайти к нам в тыл.

Шарп улыбнулся. «Старые штаны» – так стрелки издавна называли французов, Хогану эта кличка понравилась, и он с удовольствием употреблял ее в разговоре.

Инженер заговорщически понизил голос:

– Мне говорили, что это странное место. Разрушенный монастырь и мост. Местные называют его Эль-Пуэнте-де-лос-Малдитос. – Он кивнул, словно привел какой-то серьезный довод.

Шарп выждал несколько секунд, потом тяжело вздохнул:

– Ну хорошо. Что же это означает?

– Меня удивляет, что вы спрашиваете! – Хоган победоносно улыбнулся. – Это означает «Мост Проклятых». Кажется, давным-давно мавры вывели из монастыря всех монахов и расправились с ними. Там водятся привидения, Шарп! Духи мертвых!

Шарп наклонился к карте, чтобы рассмотреть ее повнимательнее. Учитывая толщину пальца Хогана, мост должен был находиться в шестидесяти милях от границы, примерно столько же нужно было пройти до границы от Абрантиша.

– Когда выходим?

– Тут у нас небольшая проблема. – Хоган аккуратно сложил карту. – Мы можем отправиться завтра, но не должны переходить границу без формального разрешения испанцев. – Он откинулся на спинку стула и взял в руки кружку с бренди. – Кроме того, нам нужно дожидаться сопровождения.

– Сопровождения! – вскричал Шарп. – Мы – ваше сопровождение.

– Нет, – покачивая головой, возразил Хоган. – Это политика. Испанцы позволят нам взорвать свой мост, но только если с нами вместе пойдет испанский полк. Очевидно, это вопрос национальной гордости.

– Гордость! – Шарп не скрывал своего возмущения. – Если с вами пойдет целый полк испанцев, зачем, черт побери, нужны мы?

– О, вы мне очень даже нужны, – добродушно улыбнулся Хоган. – Дело обстоит не так просто.

Его перебил Харпер. Сержант стоял у окна и, не обращая внимания на разговор, разглядывал маленькую площадь.

– Здорово! Сэр, так я готов чистить ружье хоть каждый день!

Шарп выглянул в маленькое окошко. На черном жеребце сидела девушка, одетая в черное: черные брюки, черная куртка и широкополая шляпа, которая отбрасывала тень на лицо, но не скрывала поразительной красоты. Большой рот, темные глаза, вьющиеся волосы цвета пороха... Тут девушка заметила, что на нее смотрят. Она чуть улыбнулась, затем, отвернувшись, что-то сказала слуге, державшему за уздечку мула, а потом принялась смотреть на дорогу, ведущую от площади к центру Абрантиша.

Хоган тихонько присвистнул:

– Вот это да! Таких нечасто встретишь. Интересно, кто она?

– Жена какого-нибудь офицера, – предположил Шарп.

Харпер покачал головой:

– Кольца не видно, сэр. Но она кого-то ждет... Повезло же ублюдку!

«Наверное, это очень богатый ублюдок», – подумал Шарп.

В армии всегда были женщины и дети, которые следовали за войсками. Каждому батальону разрешалось взять на войну за морем шестьдесят жен, но никто не мог помешать другим женщинам примкнуть к числу «официальных» спутниц; местные красотки, проститутки, прачки и портнихи – все они жили за счет армии.

Эта девушка явно была не из их числа. От нее веяло большими деньгами и благородным происхождением; наверное, она родилась в знатной лиссабонской семье. Шарп решил, что незнакомка, скорее всего, любовница какого-нибудь богатого офицера, часть его снаряжения – вместе с великолепными лошадьми, монтонскими пистолетами, серебряными столовыми приборами и гончими, которые послушно следуют за лошадьё. Шарпу было известно, что таких девушек немало и они стоят больших денег... Он снова почувствовал, как в его душе просыпается зависть.

– О господи! – воскликнул Харпер, который по-прежнему смотрел в окно.

– Что такое? – Шарп наклонился вперед и не поверил своим глазам.

По площади маршировал батальон британской пехоты – такого Шарп не видел вот уже двенадцать месяцев. Год, проведенный в Португалии, превратил армию Уэлсли в кошмар из сновидений хорошего сержанта: солдатская форма выгорела и была залатана кусками коричневой ткани, столь любимой португальскими крестьянами, волосы неприлично отросли, а пуговицы и значки давно перестали блестеть. Сэра Артура Уэлсли это не беспокоило; каждый солдат должен был иметь шестьдесят пуль и ясную голову, а если его брюки стали коричневыми вместо белых, это никак не влияло на исход сражения.

Маршировавший на площади батальон явно только что прибыл из Англии. Мундиры были ярко-алого цвета, португеза ослепительно-белой, сапоги блестели так, что в них можно было смотреться, точно в зеркало, туго застегнутые гетры и – Шарп глазам своим не поверил – печально знаменитые «ошейники»: четыре дюйма жесткой, покрытой лаком черной кожи, которая сжимала шею и предназначалась для того, чтобы подбородок солдата торчал вверх под необходимым углом. Шарп уже и не помнил, когда в последний раз видел эту штуку. После начала боевых действий солдаты «теряли» их, а вместе с ними пропадали и ссадины, появлявшиеся на коже под подбородком.

– По-моему, они что-то напутали – Виндзорский замок совсем в другой стороне, – заметил Харпер.

Шарп покачал головой:

– В это просто невозможно поверить!

Тот, кто командовал батальоном, наверняка превратил жизнь своих солдат в ад, иначе они не выглядели бы столь блистательно после долгого пути из Англии в переполненных, вонючих кораблях и тяжелого, бесконечного марша под палящим солнцем. Оружие сверкало, снаряжение казалось новеньким, с иголки, а лица налились кровью из-за давящих ошейников и яркого немилосердного солнца. Во главе каждой роты выступали офицеры, которые, как заметил Шарп, великолепно держались в седле. Флаги были спрятаны в начищенные кожаные футляры и охранялись сержантами, чьи алебарды сверкали так, что на них было больно смотреть. Солдаты маршировали идеально, глядя прямо перед собой: создавалось впечатление, что это не обычный батальон, а взвод королевских гвардейцев в Виндзоре.

– Кто это такие? – Шарп пытался вспомнить, какие полки имеют желтые значки на форме, но ему ничего не приходило в голову.

– Южный Эссекский, – ответил Хоган.

– Как вы сказали?

– Южный Эссекский. Совсем новый полк. Организован недавно полковником сэром Генри Симмерсоном, кузеном генерала сэра Банестра Тарльтона.

Шарп тихонько присвистнул. Тарльтон участвовал в американской кампании, а теперь заседал в парламенте и был злейшим военным оппонентом Уэлсли. Шарп слышал, что Тарльтон сам хотел возглавить британскую армию в Португалии и ужасно завидовал назначению более молодого генерала. Тарльтон обладал солидными связями и являлся очень опасным противником для Уэлсли, а Шарп достаточно разбирался в политике верховного командования, чтобы понимать: присутствие кузена Тарльтона в армии вряд ли доставит Уэлсли удовольствие.

– Это он? – Шарп показал на тучного офицера, который гарцевал на серой лошади в центре батальона.

Хоган кивнул:

– Да, это сэр Генри Симмерсон, сохрани его Господь, а еще лучше – нет.

У полковника сэра Генри Симмерсона было красное лицо со свисающими щеками, испещренными пурпурными венами. Его глаза – Шарп даже с такого расстояния смог их разглядеть – казались маленькими и красными, а по обе стороны подозрительного, неприветливого лица торчали здоровенные уши, похожие на выступающие части лафета. «Точно свинья, взгромоздившаяся на круп лошади», – подумал Шарп.

– Я никогда о нем не слышал.

– И неудивительно. Он не совершил ничего примечательного. – Хоган говорил с откровенным презрением. – Крупный землевладелец, член парламента, мировой судья и, да поможет нам Бог, полковник ополчения. – Казалось, капитан и сам удивлен резкости своих оценок. – Он не успокоится до тех пор, пока эти несчастные ребята не станут самым великолепным и самым проклятым батальоном в армии. Впрочем, я думаю, его ждут жестокие разочарования, когда он обнаружит разницу между настоящей армией и ополчением.

Как и все офицеры регулярной армии, Хоган не слишком уважал вторую армию Британии. Ополчение использовалось исключительно на территории самой Британии, и ополченцам не приходилось по-настоящему сражаться, голодать, спать под открытым небом и дождем. Ополчение главным образом участвовало в парадах, раздуваясь от сознания собственной значимости.

– Вообще-то, жаловаться не следует, – рассмеялся Хоган. – Нам повезло, что здесь появился сэр Генри.

– Повезло? – Шарп посмотрел на седеющего инженера.

– О да. Сэр Генри прибыл в Абрантиш только вчера, но успел всем нам рассказать, что является грандиозным специалистом по ведению военных действий. Он еще не видел ни одного живого француза, но уже прочитал генералу лекцию о том, что нужно делать, чтобы одержать над врагом победу! – Хоган снова рассмеялся и покачал головой. – Может быть, он чему-нибудь научится. Первая же серьезная битва прочистит ему мозги.

Лейтенант посмотрел на солдат, которые, словно заводные куклы, маршировали по площади. Медные значки на киверах сверкают в солнечных лучах, но лица лишены всякого выражения. Шарп любил армию – его дом, убежище, приютившее сироту шестнадцать лет назад, – но больше всего он любил ее за возможность снова и снова доказывать себе, что он нужен и приносит пользу. Он ворчал, возмущался поведением богачей и тех, кто обладает привилегиями, но признавал: армия помогла ему выбраться из канавы, повязала офицерский шарф. Шарп не мог представить себе никакой другой работы, которая дала бы шанс низкороденному ублюдку, скрывавшемуся от закона, стать уважаемым человеком.

Впрочем, ему повезло. Все шестнадцать лет, проведенных им в армии, продолжались непрерывные войны – во Фландрии, Индии и Португалии. Страна нуждалась в людях вроде него, которые реагировали на опасность, как азартный игрок на колоду карт. Шарп подозревал, что возненавидел бы армию мирного времени – с парадами и постоянной муштрой, мелкой завистью и бесконечным наведением блеска... Южный Эссекский как раз и был такой мирной армией, от которой лучше держаться как можно дальше.

– Полагаю, полковник любит пороть своих солдат?

– Порки, дополнительные парады в качестве наказания и бесконечная муштра. – Хоган поморщился. – Сэр Генри просто обожает все это. Он утверждает, что в его подчинении могут быть только самые лучшие солдаты и офицеры. И так оно и есть. Как они вам?

– Господи спаси нас от Южного Эссекского. – Шарп мрачно рассмеялся. – Я ведь немного прошу, не так ли?

– Боюсь, тут у вас ничего не выйдет. – Хоган улыбнулся.

Шарп посмотрел на инженера, и внутри у него все сжалось. А тот только плечами пожал:

– Я же говорил вам: дело обстоит не так просто. Если испанский полк идет в Вальделаказу, сэр Артур считает, что ради соблюдения дипломатических норм он должен послать и британский полк. Продемонстрировать мощь или что-то в этом роде. – Хоган взглянул на ровные ряды солдат, а потом снова на Шарпа. – Сэр Генри Симмерсон и его brave ребята отправляются с нами.

– Иными словами, мы должны будем подчиняться его приказам, – простонал Шарп.

– Не совсем. – Хоган поджал губы. – Строго говоря, приказывать вам буду я.

Слова прозвучали официально, точно инженер временно поменял профессию и превратился в адвоката. Шарп бросил на него удивленный взгляд. Могла быть только одна причина, по которой Уэлсли отдал Шарпа и его стрелков в подчинение Хогану, а не Симмерсону, и заключалась она в том, что генерал не доверяет сэру Генри.

Шарп по-прежнему не понимал, какая может возникнуть в нем нужда; Хогана будут защищать два полных батальона – по меньшей мере, полторы тысячи человек.

– Генерал предполагает, что нам придется встретиться с французами?

Хоган пожал плечами:

– Испанцы говорят, что у французов на южном берегу целый полк кавалерии, усиленный артиллерией, они с самой весны охотятся за партизанами. Уэлсли думает, что противник попытается воспрепятствовать нам.

– Я все равно не понимаю, мы-то зачем?

– Возможно, вы мне и не нужны. – Хоган улыбнулся. – Но на ближайший месяц не намечено никаких военных действий; французы сначала позволят нам углубиться на территорию Испании и только потом пойдут в наступление, в Вальделаказе может возникнуть заваруха. Я хочу иметь рядом кого-нибудь, кому мог бы доверять. Так... на всякий случай.

Шарп улыбнулся. Хорошенькое дело, нянчиться с полковником ополчения, который возомнил себя всезнающим!

– Для вас, сэр, с удовольствием.

Хоган улыбнулся ему в ответ:

– Кто знает? В жизни всякое бывает. Тем более что она поедет с нами.

Шарп проследил за взглядом Хогана и увидел, что девушка, одетая во все черное, помахала рукой какому-то офицеру из Южного Эссекского. Как показалось Шарпу, блондину в безупречной форме, на коне, который, вероятно, стоил больше, чем чин самого всадника. Девушка подстегнула свою лошадь, слуга на муле последовал за ней; они присоединились к батальону, шагавшему по дороге в Каштелу-Бранку. Площадь снова опустела, пыль оседала в лучах палящего солнца, а Шарп откинулся на спинку своего стула и расхохотался.

– Что тут смешного? – спросил Хоган.

Шарп указал рукой, в которой держал кружку с бренди, на потрепанный мундир и рваные брюки Харпера.

– Боюсь, сэру Генри не очень понравятся его новые союзники.

Лицо сержанта по-прежнему оставалось мрачным.

– Господи, спаси Ирландию.

– Аминь. – Хоган поднял свою кружку.

Глава вторая

Бой барабанов был далеким и приглушенным, временами смешивался с городским шумом, но звучал настойчиво и угрожающе, и Шарп обрадовался, когда он стих. Они добрались до Каштелу-Бранку через двадцать четыре часа после Южного Эссекского. Было почти невозможно заставить мулов Хогана идти по дороге, изрезанной глубокими колеями в тех местах, где незадолго до них прошла полевая артиллерия. Теперь мулы, нагруженные бочками с порохом, запалами в промасленных тряпках, лопатами, кирками, ломami и прочим снаряжением, необходимым Хогану для взрыва моста, покорно тащились за стрелками и техниками, которые пробирались по запруженным людьми улицам к центру города.

Когда отряд вышел на залитую ярким солнцем площадь, подозрения Шарпа на предмет барабанного боя подтвердились. Кого-то пороли. Совсем недавно. Жертвы нигде не было видно, и Шарп, глядя на стройные шеренги Южного Эссекского, вспомнил, как много лет назад пороли его самого. Невозможно забыть, скольких сил стоила ему борьба с болью, когда он старался не показать офицерам, что кнут причиняет ему страдания. Он унесет с собой в могилу шрамы от того кнута. Зато Симмерсон вряд ли понимал, какому жестокому наказанию подвергает солдат своего батальона.

Хоган остановил лошадь в тени дворца епископа.

– Сейчас, кажется, не совсем подходящий момент для разговора с нашим добряком-полковником.

Солдаты разбирали четыре деревянных треугольника, стоявших у дальней стены площади. Значит, наказанию подверглись четыре солдата. «О господи, – подумал Шарп, – четыре человека!»

Хоган развернул лошадь так, что оказался спиной к батальону.

– Я должен хорошенько запереть порох, Ричард. Иначе украдут все до крошки. Встретимся здесь же.

Шарп кивнул:

– Мне все равно нужна вода. Значит, через десять минут?

Люди Шарпа, побросав оружие и ранцы, тяжело опустились на землю у стены. Настроение у стрелков резко испортилось из-за напоминания о том, какая участь могла постигнуть и их, если бы они не находились под командой Шарпа.

Сэр Генри выехал на центр площади. Его голос зазвучал так звонко, что Шарп и стрелки прекрасно все слышали:

– Я приказал выпороть четырех солдат, потому что другие четверо дезертировали.

Шарп удивленно поднял голову. Дезертиры? Так быстро? Он посмотрел на батальон, на ничего не выражающие лица и подумал о том, сколько еще храбрых солдат мечтают сбежать от сэра Генри Симмерсона.

Полковник привстал на стременах.

– Кое-кому из вас известно, как эти мерзавцы спланировали свое преступление. Кое-кто помог им. Однако вы предпочли хранить молчание, поэтому я подверг наказанию четверых солдат, чтобы вы не забывали о своем долге.

Голос Симмерсона оказался неожиданно пронзительным, совершенно неподходящим такому огромному человеку. Держался полковник спокойно, говорил уверенно, не спеша, а потом вдруг повернулся всем телом направо, налево и взмахнул рукой, точно собирался указать на каждого солдата, находящегося под его командованием.

– Вы будете самыми лучшими!

Он завопил так громко, что сидевшие на ограде монастыря голуби с шумом взлетели в воздух. Шарп ждал продолжения, но его не последовало – полковник развернул лошадь и поехал прочь, а безумный крик еще долго висел над притихшей площадью.

Шарп встретился взглядом с Харпером, и сержант пожал плечами. Что тут скажешь – лица солдат Южного Эссекского говорили о том, что Симмерсон потерпел поражение; они просто не знали, как быть лучшими. Шарп наблюдал за покидающими площадь ротами и видел на лицах солдат лишь мрачное отчаяние.

Шарп верил в дисциплину. Солдат, дезертировавший перед лицом врага, заслуживает смерти, некоторые проступки и в самом деле должны быть наказаны поркой, а если ты попался на мародерстве, тебя повесят – законы известны всем. Лейтенант считал, что правила должны быть предельно простыми, и от своих людей требовал трех вещей. Они должны сражаться, как он – с безжалостным профессионализмом. Воровать можно лишь у врага и у мертвых, да и то если тебе грозит голодная смерть. Напиваться без разрешения запрещено. Простой кодекс, вполне понятный людям, которые оказались в армии потому, что не смогли преуспеть ни в чем другом. И кодекс этот отлично работал. За нарушение полагалось неизбежное наказание, и Шарп знал, что хотя его люди хорошо к нему относятся и охотно идут за ним в сражение, они боятся гнева своего командира, если речь идет о выполнении законов. Шарп был настоящим солдатом.

Он пересек площадь и направился вдоль переулка в поисках фонтана и вдруг заметил лейтенанта Южного Эссекского, который ехал на своей лошади в сторону того же окутанного тенью прохода между зданиями.

Это был тот самый офицер, который помахал рукой девушке в черном, и Шарп почувствовал необъяснимое раздражение, какую-то смутную ревность. Форма лейтенанта была великолепно скроена, кривая сабля легкой пехоты стоила больших денег, не говоря уже о превосходной черной лошади, на которой он сидел. Шарп презирал врожденное высокомерие человека, принадлежавшего к высшим кругам общества, его богатство и привилегии и злился, потому что сознавал: презрение основано на зависти.

Шарп отошел в сторону, чтобы пропустить всадника, а затем поднял голову и приветливо кивнул. Ему показалось, что он разглядел худошавое, красивое лицо, обрамленное светлыми волосами. Шарп надеялся, что лейтенант не обратит на него внимания; он не очень-то владел искусством светской болтовни и не хотел вступать ни в какие разговоры в этом вонючем переулке; позднее его обязательно представят офицерам батальона.

Надеждам Шарпа не суждено было сбыться. Лейтенант остановился и вперил в стрелка грозный взгляд:

– Разве вас не учат, как положено приветствовать офицера? – Голос лейтенанта был таким же роскошным, как и его форма.

Шарп промолчал. Он потерял свои эполеты во время зимнего сражения, поэтому светловолосый лейтенант принял его за рядового. Ничего удивительного: в переулке царил полумрак, а глядя на Шарпа с закинутым на плечо ружьем, трудно было не ошибиться. Шарп посмотрел на голубоглазое лицо и уже открыл было рот, чтобы ответить, когда лейтенант взмахнул хлыстом и ударил его по лицу:

– Проклятье, отвечай!

Шарп почувствовал, как его охватывает гнев, но остался стоять неподвижно, дожидаясь подходящего момента. Лейтенант снова поднял хлыст:

– Какой батальон, какая рота?

– Второй батальон, четвертая рота. – Шарп специально отвечал с вызовом, вспомнив дни, когда не был защищен от офицеров, похожих на этого.

Лейтенант снова улыбнулся, хотя вряд ли его улыбку можно было назвать приятной.

– Ты должен называть меня «сэр», разве тебе это неизвестно? Я тебя заставлю. Как зовут твоего командира?

– Лейтенант Шарп.

– Ах! – Лейтенант по-прежнему держал хлыст наготове. – Лейтенант Шарп, о котором нам столько говорили. Из самых низов, верно?

Шарп кивнул, и лейтенант поудобнее перехватил хлыст.

– Ты поэтому не говоришь «сэр»? У мистера Шарпа странные взгляды на дисциплину, не так ли? Ну, при встрече я обязательно поговорю с лейтенантом Шарпом, чтобы тебя наказали за наглость.

Он собрался снова ударить Шарпа хлыстом. Тому некуда было отступать, но это и не входило в его намерения. Он просунул обе руки под стремя офицера и изо всех сил дернул вверх. Хлыст застыл в воздухе, лейтенант вскрикнул, а в следующее мгновение оказался на земле, как раз в том месте, где лежала здоровенная куча навоза.

– Вам придется постирать форму, лейтенант, – с улыбкой сказал Шарп.

Лошадь заржала и сделала несколько шагов вперед, а разъяренный лейтенант поднялся на ноги и схватился за рукоять сабли.

– Эй, там! – В переулок заглянул Хоган. – Я думал, мы разминулись! – Инженер подъехал к ним и весело взглянул на стрелка. – Мулы в конюшне, порох надежно заперт. – Он повернулся к незнакомому лейтенанту и приподнял шляпу. – Добрый день. Мне кажется, мы незнакомы. Меня зовут Хоган.

– Гиббонс, сэр. Лейтенант Кристиан Гиббонс. – Лейтенант отпустил рукоять сабли.

– Я вижу, вы уже пообщались с Шарпом. – Хоган ухмыльнулся. – Лейтенант Ричард Шарп из Девяносто пятого стрелкового полка.

Гиббонс посмотрел на своего обидчика, и его глаза округлились – только теперь он заметил на боку у него саблю, а не штык, как у обычного солдата. Лейтенант с беспокойством заглянул Шарпу в глаза. А Хоган весело заговорил снова:

– Вы, конечно, слышали о лейтенанте Шарпе – кто о нем не слышал! Это тот самый парень, что прикончил султана Типу. Да еще та жуткая история в Ассайе... Никто не знает, скольких он там положил. Вы сами-то знаете, Шарп? – Однако Хоган не стал дожидаться ответа и безжалостно продолжал: – Ужасный тип, наш лейтенант Шарп, одинаково хорошо владеет и саблей, и ружьем.

Гиббонс прекрасно понял, на что намекает Хоган. Судя по всему, капитан видел, что произошло, и теперь предупреждал Гиббонса о возможном исходе дуэли.

Лейтенант воспользовался предложенной ему помощью. Он наклонился и подобрал значок роты легкой пехоты, который валялся на земле, а потом кивнул Шарпу:

– Моя ошибка, Шарп.

– Я получил большое удовольствие, лейтенант.

Хоган молча дождался, пока Гиббонс снова усядется на лошадь и уедет из переулка.

– Вы не слишком корректно приняли его извинения.

– Ну, он и сам был не особенно вежлив, – ответил Шарп, потирая щеку. – К тому же этот ублюдок меня ударил.

– Что он сделал? – Хоган недоверчиво рассмеялся.

– Ударил меня хлыстом. Иначе разве я сбросил бы его в дерьмо?

– Нет ничего лучше налаженных, добрых отношений с братьями-офицерами, мой дорогой Шарп. – Хоган покачал головой. – Я чувствую, мы все получим большое удовольствие, выполняя предстоящее задание. Чего он хотел?

– Чтобы я отдал ему честь. Решил, что я рядовой.

– Одному только Богу известно, что подумает о вас Симмерсон. – Хоган снова рассмеялся. – Пойдемте, узнаем ответ на этот вопрос.

* * *

Их провели в комнату Симмерсона. Командир Южного Эссекского в одних штанах сидел на своей кровати. Рядом с ним на коленях стоял врач, который встревоженно поднял голову, когда вошли офицеры.

Симмерсон нетерпеливо махнул рукой:

– Давай побыстрее, я не могу ждать целый день!

В руке у врача была металлическая коробочка с чем-то вроде спускового крючка на крышке. Он держал ее над предплечьем сэра Генри и пытался найти кусочек кожи, не покрытый какими-то странными одинаковыми отметинами.

– Скарификация! – рявкнул сэр Генри, обращаясь к Хогану. – Ты делаешь себе кровопускание, капитан?

– Нет, сэр.

– Очень зря. От него становишься здоровее. Я считаю, что следует ввести обязательное кровопускание для солдат. – Он повернулся к врачу, который все еще ни на что не мог решиться. – Давай быстрее, идиот!

От испуга врач нечаянно нажал на спусковой крючок, раздался резкий звук. Шарп заметил, как из дна коробочки выскочило несколько кривых острых лезвий. Врач отшатнулся назад.

– Извините, сэр Генри. Один момент.

Врач засунул лезвия обратно в коробочку, и только тут Шарп понял, что тот держит в руках машинку для кровопускания. Вместо старомодного скальпеля врач использовал устройство, которое считалось более быстрым и эффективным. Он прижал коробочку к руке полковника, опасливо взглянул на своего пациента и нажал курок.

– Вот так-то лучше! – Сэр Генри закрыл глаза, и на его лице появилась блаженная улыбка. Струйка крови побежала по приготовленному врачом белому полотенцу.

– Еще, Партон, еще!

Врач покачал головой:

– Но, сэр Генри...

Симмерсон толкнул врача в грудь свободной рукой:

– И не спорь со мной! Проклятье, я же сказал: еще! – Он посмотрел на Хогана. – После порки меня всегда охватывает тоска, капитан.

– Это вполне понятно, сэр, – произнес Хоган, и Симмерсон бросил на него подозрительный взгляд.

Коробочка шелкнула еще раз, лезвия снова вгрызлись в жирную руку, по белому полотенцу опять потекла кровь. Хоган перехватил взгляд Шарпа, в глазах которого плясали искорки; казалось, еще немного – и он расхохочется. Шарп перевел взгляд на Симмерсона, который натягивал рубашку.

– Ты, должно быть, капитан Хоган?

– Да, сэр, – с улыбкой кивнул Хоган.

– А ты, черт возьми, кто такой? – Симмерсон повернулся к Шарпу.

– Лейтенант Шарп, сэр. Девяносто пятый стрелковый полк.

– Вот уж нет, ты самый настоящий гнусный позор, вот ты кто!

Шарп ничего не ответил. Он смотрел за спину полковника, в окно, на далекие голубые холмы, где французы готовились к сражению с британцами.

– Форрест! – Симмерсон поднялся на ноги. – Форрест!

Дверь распахнулась, и вошел майор, дожидавшийся вызова. Он выдавил робкую улыбку Шарпу и Хогану, а потом повернулся к Симмерсону:

– Да, полковник?

– Офицеру нужна новая форма. Позаботься об этом, пожалуйста, а потом не забудь вычесть стоимость из жалованья.

– Нет, – коротко сказал Шарп.

Симмерсон и Форрест уставились на него. Некоторое время сэр Генри ничего не мог произнести, поскольку не привык, чтобы ему перечили, а Шарп тем временем продолжал:

– Я офицер Девяносто пятого стрелкового полка и буду носить эту форму до тех пор, пока меня не переведут в другое подразделение.

Симмерсон начал краснеть, потом растопырил пальцы и заорал:

– Будь ты проклят, Шарп! Ты позор! Ты не солдат, а грязный урод! Ты находишься под моей командой, и я тебе приказываю вернуться сюда через пятнадцать минут...

– Нет, сэр. – На этот раз полковника прервал Хоган. Его слова остановили Симмерсона на полном скаку, но капитан не дал ему времени прийти в себя. Хоган использовал присущее ему обаяние ирландца, его ласковая улыбка легко могла бы выманить из воды огромную рыбину. – Видите ли, сэр Генри, Шарп находится под моей командой. Тут генерал очень четко все сформулировал. Насколько я понял его указания, сэр Генри, мы вместе отправляемся в Вальделакану, однако Шарп идет со мной.

– Но... – запротестовал было Симмерсон.

Хоган остановил его выразительным жестом:

– Вы правы, сэр, совершенно правы. И вы, конечно же, понимаете, что в полевых условиях наша жизнь устроена совсем не так, как нам хотелось бы, сэр. Мне ведь не нужно говорить вам, сэр, что стрелками должен командовать я.

Симмерсон мрачно посмотрел на Хогана. Полковник не понял ни одного слова из чепухи, которую тот нес, но капитан произнес свою речь с таким серьезным видом, так по-компанейски, что Симмерсону отчаянно хотелось найти слова, которые не выставили бы его полнейшим идиотом. Некоторое время полковник бессмысленно пялился на Хогана.

– Но это должно быть моим решением! – наконец воскликнул он.

– Как вы правы, сэр, совершенно правы! – Хоган говорил доброжелательно и с удивительной теплотой. – А разве дело обстоит иначе? Я думаю, генерал имел в виду, сэр, что вы будете заняты общением с нашими испанскими союзниками... Кроме того, сэр, лейтенант Шарп разбирается в некоторых инженерных вопросах. – Он заговорщически наклонился к полковнику. – Мне нужны люди, чтобы выполнять мои поручения и переносить тяжести; надеюсь, вы понимаете?

Симмерсон улыбнулся, а затем расхохотался. Хоган дал ему возможность выпутаться из весьма щекотливой ситуации.

Полковник показал на Шарпа:

– Он одевается как простой работяга, Форрест, да? Работяга! – Симмерсон был страшно доволен своей шуткой и, натягивая огромный алый с желтым мундир, несколько раз повторил ее себе под нос: – Работяга! Да, Форрест?

Майор покорно улыбнулся. Он напоминал усталого священника, предельно утомленного бесчисленными грехами, о которых сообщают ему прихожане, но когда Симмерсон отвернулся, он бросил на Шарпа извиняющийся взгляд:

– Наверное, ты немало воевал, Шарп? Когда не был занят выполнением поручений и перетаскиванием тяжестей?

– Да, сэр.

Симмерсон захихикал.

– Сколько тебе лет?

– Тридцать два, сэр. – Шарп смотрел прямо перед собой.

– Тридцать два? И все еще лейтенант? В чем дело, Шарп? Ты недостаточно компетентен?

Шарп заметил, что Форрест пытается подать полковнику сигнал, но тот не обращал на него ни малейшего внимания.

– Я дослужился до лейтенанта от рядового, сэр.

Форрест опустил руку. У полковника отвисла челюсть.

Совсем немногим удавалось дорости от сержанта до прапорщика – а уж те, кто этого добивался, были отличными солдатами. Для того чтобы получить чин, обычному солдату требовалось обладать тремя качествами. Во-первых, он должен был уметь читать и писать – Шарп научился этому в темнице султана Типу под аккомпанемент воплей избиваемых британских солдат. Во-вторых, нужно было совершить какой-нибудь подвиг, проявив самоубийственную храбрость, – Шарп понимал, что сейчас Симмерсон размышляет именно об этом. И в-третьих, требовалось невероятное везение; иногда Шарп думал о том, что у этого везения может быть и обратная сторона. Симмерсон фыркнул:

– Значит, ты не джентльмен, Шарп?

– Нет, сэр.

– Ну, ты ведь можешь одеваться как джентльмен, не так ли? Ладно, ты вырос среди свиней, но ведь это еще не означает, что тебе следует одеваться как свинья.

– Не означает, сэр. – Больше к этому добавить было нечего.

Симмерсон нацепил на свой необъятный живот саблю.

– Кто же присвоил тебе звание, Шарп?

– Сэр Артур Уэлсли, сэр.

– Так я и знал! – торжествуя завопил сэр Генри. – Никаких правил, никаких правил! Я видел эту армию, у нее просто позорный вид! Однако о моих людях такого не скажешь, не правда ли? Нельзя сражаться без дисциплины! – Он посмотрел на Шарпа. – Что отличает хорошего солдата от плохого, Шарп?

– Умение выстрелить три раза в минуту во время дождя, сэр. – Шарп приперчил свои слова толикой наглости.

Он знал, что такой ответ разозлит Симмерсона. Южный Эссекский был новым батальоном, и Шарп не сомневался, что по стрелковой подготовке он уступает другим, более опытным подразделениям. Из всех европейских армий только Британия проводила учения с настоящими боеприпасами, но требовались многие недели, а иногда и месяцы, чтобы солдаты овладели искусством быстро, не поддаваясь панике, стрелять и перезаряжать, сосредоточившись только на том, чтобы подавить огонь противника.

Сэр Генри такого ответа не ожидал и теперь задумчиво смотрел на покрытое шрамами лицо стрелка. Если быть честным – а сэр Генри не очень любил быть честным с самим собой, – он боялся армии, с которой ему пришлось столкнуться в Португалии. До сих пор он думал, что военная служба есть блистательное приключение с послушными солдатами в сверкающих на солнце алых мундирах, марширующими идеально ровными рядами, а вместо этого встретил нахальных, небрежно одетых офицеров, которые посмеивались над его вымуштрованными солдатами. Сэр Генри мечтал о том, чтобы повести свой батальон в сражение, верхом на великолепном скакуне, с саблей наголо и снискать себе бессмертную славу. Но, глядя на Шарпа, похожего на многих других офицеров, которых ему довелось повстречать в Португалии, он начал размышлять о том, что и во французской армии могут быть командиры вроде этого лейтенанта. Полковник представлял себе наполеоновскую армию в виде стада бездарных солдат под командованием тщеславных офицеров и содрогнулся при мысли, что они окажутся стойкими, ожесточенными людьми, такими как Шарп, который мог легко, одним ударом вышибить его из седла, прежде чем у него возникнет шанс покрыть себя бессмертной славой. Сэр Генри уже был напуган, а ведь ему еще не попадался ни один вражеский солдат.

Для начала он решил расчитаться с наглым стрелком, смутившим его покой.

– Три выстрела в минуту?

– Да, сэр.

– И как ты учишь солдат делать по три выстрела в минуту?

– Терпение, сэр. Практика. – Шарп пожал плечами. – И первая же битва – очень помогает.

– Терпение! – Симмерсон фыркнул. – Практика! Они ведь не дети, Шарп. Пьяницы и воры! Всякая шваль! – Голос полковника поднялся до визга. – Их нужно пороть, Шарп, пороть! Иначе нельзя! Преподать урок, которого они никогда не забудут! Ты считаешь, что я не прав?

Наступило молчание. Симмерсон повернулся к Форресту:

– Разве не так, майор?

– Так, сэр. – Однако в голосе Форреста не чувствовалось убежденности.

Симмерсон повернулся к Шарпу:

– Шарп?

– Это самая последняя мера, сэр.

– Самая последняя мера, сэр! – Симмерсон передразнил Шарпа, но в душе остался доволен. Именно такой ответ он и хотел услышать. – Ты слюняй, Шарп! Можешь научить солдат делать по три выстрела в минуту?

Шарп почувствовал, что запахло вызовом, но пути к отступлению не было.

– Да, сэр.

– Отлично! – Симмерсон потер руки. – Сегодня днем. Форрест?

– Сэр?

– Дашь мистеру Шарпу роту. Ну, скажем, легкой пехоты. Мистер Шарп поможет им научиться стрелять! – Симмерсон повернулся и с иронией отвесил поклон Хогану. – Если, конечно, капитан Хоган согласится на время одолжить мне лейтенанта.

Хоган пожал плечами и бросил взгляд на Шарпа.

– Конечно, сэр.

– Превосходно! – Симмерсон просто сиял от удовольствия. – Что ж, мистер Шарп, вы научите моих легких пехотинцев делать по три выстрела в минуту?

Шарп выглянул в окно. Стояла жаркая, сухая погода; толковый солдат и пять пуль успел бы выпустить. Конечно, все зависело от того, чему научена легкая пехота. Если к настоящему моменту они в состоянии сделать только два выстрела в минуту, превратить их в специалистов за один день будет практически невозможно, но попробовать все же стоит.

Он встретился с Симмерсоном глазами.

– Попытаюсь, сэр.

– О да, ты попытаешься, мистер Шарп, непременно попытаешься. А от меня можешь передать солдатам, что, если у них ничего не выйдет, я прикажу высечь каждого десятого. Ты меня понял, мистер Шарп? Каждого десятого!

Шарп все прекрасно понял. Симмерсон поставил перед ним практически невыполнимую задачу, а в результате будет устроена настоящая оргия порки, за которую все обвинят его, Шарпа. Если же он добьется успеха, Симмерсон заявит, что это произошло из-за того, что он пообещал выпороть каждого десятого.

Шарп увидел, как предвкушение триумфа зажглось в маленьких красных глазках Симмерсона, и улыбнулся полковнику:

– Я не буду говорить им про порку, полковник. Вы ведь не хотите, чтобы это их отвлекло, не так ли?

– Ты можешь использовать свои собственные методы, мистер Шарп. – Симмерсон не скрывал ликования. – Однако я прикажу, чтобы деревянные треугольники оставили на месте; мне думается, они нам еще пригодятся.

Шарп надел свой потерявший форму кивер и с максимально возможной лихостью отдал полковнику честь:

– Не беспокойтесь, сэр. Вам не понадобятся треугольники. До свидания, сэр.

«Ну а теперь дело за тобой», – подумал Шарп.

Глава третья

– Черт возьми, не могу поверить, сэр. Скажите мне, что вы пошутили. – Сержант Патрик Харпер покачал головой.

Он стоял рядом с Шарпом и наблюдал за тем, как рота легкой пехоты Южного Эссекского по приказу лейтенанта начала стрелять.

– Отправьте этот батальон в Ирландию, сэр. Через две недели мы будем свободной страной! Им не победить и церковного хора!

Шарпу оставалось только мрачно согласиться. И не то чтобы солдаты не знали, как заряжать мушкеты и как из них стрелять; просто они делали это крайне медленно и тщательно, в соответствии с инструкциями, за выполнением которых со всей строгостью следили сержанты. По инструкции, чтобы перезарядить мушкет и выстрелить из него, солдату надлежало сделать двадцать движений, причем пять из них приходилось на стальной шомпол, которым пуля и заряд заправлялись в дуло, а это означало, что на каждый выстрел уходило не меньше тридцати секунд. У лейтенанта было самое большее три часа, чтобы научить солдат делать выстрел за двадцать секунд, – ничего удивительного, что Харпер открыто выражал свои сомнения.

– Не дай нам бог когда-нибудь сидеть в засаде с этими придурками! Французы съедят их на завтрак!

«Он совершенно прав», – подумал Шарп. Рота была не готова участвовать в сражении, не говоря уже о том, чтобы занимать переднюю линию обороны, перед самым носом врага, как положено легкой пехоте.

Шарп жестом приказал Харперу замолчать, когда к ним подъехал капитан Леннокс, командир роты легкой пехоты, а тот усмехнулся, глядя на Шарпа сверху вниз:

– Ужасающе, верно?

Шарп не знал, как ответить. Его согласие будет означать критику в адрес немолодого шотландца, который казался ему человеком доброжелательным. Пришлось пробормотать что-то неразборчивое. Леннокс, спрыгнув с седла, встал рядом с лейтенантом.

– Да ладно, Шарп. Я знаю, насколько они плохи, но высшее командование настаивает, чтобы все делалось по инструкции. Если бы мне дали свободу действий, я бы заставил этих ублюдков стрелять как следует, но стоит кому-нибудь нарушить хоть одно положение инструкции, и надо в качестве наказания устраивать трехчасовой марш-бросок в полной экипировке. – Он с интересом посмотрел на Шарпа. – Вы были в Ассайе? – Шарп кивнул, и Леннокс снова усмехнулся. – Да, я вас помню. В тот день вы сделали себе имя. Я служил тогда в Семьдесят восьмом полку.

– Ваш полк тоже сделал себе имя.

Леннокс был явно доволен комплиментом. Шарп вспомнил поле битвы в Индии и шотландский полк, который стройными шеренгами атаковал линии маратхи². Огромные бреши были пробиты в рядах шотландцев, но они продолжали хладнокровно маршировать вперед сквозь шквал артиллерийского огня и в результате сделали свое дело – уничтожили артиллеристов и сумели развернуть пушки прямо в лицо огромным массам вражеской пехоты, у которой не хватило мужества пойти в контратаку на этот бесстрашный полк.

– Я знаю, о чем вы думаете, Шарп. – Леннокс покачал головой. – Какого дьявола я делаю среди этих недоносков? – Он не стал дожидаться ответа. – Я старый человек, ушел в отставку, но жена умерла, на половину жалованья прожить совсем не просто, а тут понадобились офицеры для проклятого сэра Генри Симмерсона. Поэтому я здесь. Вы знаете Лероя?

– Лероя?

² *Маратхи* – народность в Индии.

– Томас Лерой. Он тоже служит здесь капитаном. Хороший офицер. И Форрест – достойный человек. Но остальные!.. Считают, что достаточно надеть яркий мундир – и ты уже настоящий военный. Вот, посмотрите на этого!

Он кивнул в сторону Кристиана Гиббонса, скакавшего на черной лошади через поле.

– Лейтенант Гиббонс? – спросил Шарп.

– Значит, вы уже встречались? – Леннокс рассмеялся. – Тогда я, пожалуй, ничего не стану вам говорить про мистера Гиббонса, кроме того, что он племянник Симмерсона. Его интересуют лишь женщины, а сам он наглый ублюдок. Проклятый англичанин! Прощу прощения, Шарп.

– Ну, не все мы такие паршивцы. – Шарп рассмеялся.

Он наблюдал за тем, как Гиббонс аккуратно остановил лошадь в нескольких шагах от них. Лейтенант надменно посмотрел на обоих офицеров, а Шарп подумал: «Племянник Симмерсона, да?»

– Мы нужны здесь, сэр?

Леннокс покачал головой:

– Нет, мистер Гиббонс, не нужны. Я оставлю Ноулза и Денни с лейтенантом Шарпом, пока он будет творить свои чудеса.

Гиббонс изящным жестом коснулся шляпы и пришпорил коня. Леннокс проводил его взглядом.

– От этого типа особого вреда нет. Полковник своей вонючей души в нем не чает. – Он повернулся и помахал рукой солдатам. – Лейтенант Ноулз и прапорщик Денни в вашем распоряжении: они неплохие ребята, только набрались дерьма от полковника Симмерсона. В роте есть несколько опытных солдат, это вам поможет. Желаю удачи, Шарп, она вам пригодится! – Леннокс фыркнул, забираясь в седло. – Добро пожаловать в наш сумасшедший дом, лейтенант!

Шарп остался с полком и младшими офицерами – на него смотрели пустые, ничего не выражающие глаза, словно солдаты боялись, что Симмерсон придумал какое-то новое издевательство. Он подошел к ним поближе, глядя на красные, блестящие от пота лица над сжимающими шеи ошейниками. Солнце палило немилосердно. Мундир Шарпа был расстегнут, так же как и рубашка, шляпу он не надел. Солдатам из Южного Эссекского офицер казался выходцем с другого континента.

– Здесь у нас идет война. Когда вы встретитесь с французами, многие умрут. Большинство. – Слова Шарпа привели солдат в ужас. – И я скажу почему. – Лейтенант указал рукой на восточный горизонт. – Французы вон там, они вас поджидают. – Кое-кто из солдат стал бросать на восток опасливые взгляды, точно они боялись, что вот сейчас, среди оливковых деревьев, на окраине Каштелу-Бранку появится Бонапарт собственной персоной. – У них в руках мушкеты, и они умеют делать три или даже четыре выстрела в минуту. А стрелять они будут в вас. И перебьют ваше подразделение только потому, что вы так медленно все делаете. Если вы не застрелите их первыми, они застрелят вас. Это очень простой закон. Ты. – Шарп показал рукой на солдата, стоявшего в первом ряду. – Дай-ка мне твой мушкет!

Шарпу по крайней мере удалось привлечь их внимание. Некоторые наверняка поняли простую истину: та сторона, которая выпускает больше пуль, имеет все шансы на победу.

Лейтенант взял в руки мушкет, горсть пуль и зарядил оружие. Затем поднял мушкет над головой и принялся объяснять с самого начала.

– Посмотрите на это! Такими мушкетами мы воевали в Индии. Длина – пятьдесят пять с четвертью дюймов, дуло – тридцать девять. Из него стреляют пулями размером в три четверти дюйма, это примерно равно вашему большому пальцу, такие пули великолепно убивают французов! – По рядам пробежал нервный смешок, но Шарпа слушали внимательно. – Однако вам не удастся прикончить ни одного француза. Потому что вы делаете все чертовски медленно! За время, потраченное вами на то, чтобы выстрелить два раза, ваш враг сделает, вероятно, три

выстрела. И поверьте мне, французы ужасно медлительны. Сегодня я научу вас делать три выстрела в минуту. Через некоторое время вы сможете выпускать четыре пули, а если действительно на что-то годитесь, то и пять!

Рота наблюдала за тем, как офицер заряжает мушкет. Прошло много лет с тех пор, как Шарп держал в руках такое оружие, – в сравнении с винтовкой Бейкера мушкет был совсем простой штукой. Дуло не имело нарезки, поэтому не возникало необходимости с силой проталкивать шомпол. Мушкет быстро заряжался, его использовали в армии гораздо охотнее, чем медленные, но гораздо более эффективные штуцера. Шарп проверил кремьень – новенький, надежно закреплен на месте. Он вставил запал и поднял мушкет.

– Лейтенант Ноулз?

Молодой лейтенант вытянулся по стойке смирно.

– Сэр!

– У вас есть часы?

– Да, сэр.

– С минутной стрелкой?

Ноулз вытащил из кармана огромные золотые часы и открыл крышку.

– Да, сэр.

– Я начну стрелять, вы будете смотреть на часы и скажете, когда пройдет минута. Вам понятно?

– Да, сэр.

Шарп отвернулся от роты солдат и прицелился в каменную стену, расположенную на другом конце поля. «О господи, – взмолился он, – только бы не было осечки!» – и нажал на курок. Кремневый боек щелкнул, запальный порох вспыхнул, а через мгновение занялся основной заряд. Шарп почувствовал тяжелую отдачу, и свинцовый шарик в клубах густого белого дыма вылетел из дула мушкета.

Теперь все зависело от инстинктивных действий; этот набор движений Шарп уже никогда не забудет. Правая рука снята со спускового крючка, ружье зажато в левой, приклад падает на землю, в то время как правая рука тянется за следующим зарядом. Откусить пулю. Порох засыпать в дуло, не забыть оставить щепотку для запала. Выплюнуть свинцовый шарик. Шомпол в правой руке, быстрое движение вниз и обратно, мушкет снова поднять, взведен курок, прицелиться в стену и выстрелить, прямо сквозь не рассеявшийся дым от первого выстрела. И снова, и снова, и снова... Он опять стоит в шеренге рядом с обезумевшими от напряжения товарищами, потными и страшными, повторяющими одни и те же движения, словно в ночном кошмаре. Не обращая внимания на клубы дыма, стоны и крики, сдвигаясь влево или вправо, чтобы заполнить места погибших, заряжая и стреляя, заряжая и стреляя, так что пламя ныряет в густой пороховой дым, а свинцовые пули устремляются к невидимому врагу в надежде, что тот не выдержит и обратится в бегство... Потом следует команда прекратить огонь, и ты останавливаешься. У тебя почернело лицо, кожа болит от бесчисленных взрывов пороха в ружейном замке, всего лишь в нескольких дюймах от правой щеки, глаза слезятся от дыма и пороховой пыли, ветер постепенно относит клубы дыма в сторону, открывая взору убитых и раненых, а ты опираешься на мушкет и молишься, чтобы в следующий раз не заклинило затвор, не отвалился кремьень или ружье просто не отказалось бы стрелять.

Шарп нажал курок в пятый раз, и пуля улетела в поле; мушкет опущен прикладом на землю, порох засыпан в дуло... В этот момент Ноулз крикнул:

– Время вышло!

Солдаты радостно закричали, засмеялись и зааплодировали – ведь офицер нарушил правила и показал, на что способен. Харпер широко ухмылялся. Уж он-то хорошо знал, как трудно сделать пять выстрелов в минуту; сержант наверняка заметил, что лейтенант схитрил, зарядив

мушкет для первого выстрела до того, как пошла минута. Шарп поднял руку и заставил всех замолчать.

– Вот как нужно пользоваться мушкетом. Быстро! А теперь пришла ваша очередь.

Наступила тишина. Шарп почувствовал, что его охватило отчаянное возбуждение. Разве Симмерсон не предложил ему использовать свой собственный метод?

– Снимите ошейники!

Несколько секунд никто не шевелился. Солдаты удивленно таращились на Шарпа.

– Ну, давайте! Поторапливайтесь! Снимайте ошейники!

Ноулз, Денни и сержанты с сомнением наблюдали за тем, как солдаты, зажав между колен мушкеты, начали двумя руками стягивать жесткие кожаные воротники.

– Сержанты! Соберите ошейники. Давайте их сюда.

Батальон задавили до последней степени. У Шарпа не было ни единого шанса научить их быстро стрелять, если он не даст им возможность отомстить системе, которая не раз приговаривала каждого к унижительным, жестоким поркам.

Сержанты неуверенно подошли к нему, держа охапки ненавистных ошейников в руках.

– Складывайте вот здесь. – Шарп велел сложить семьдесят с лишним ошейников в сорока шагах перед ротой. Потом показал на блестящую в лучах солнца кучу. – Вот ваша цель! Каждый получит три пули. Только три. У вас будет одна минута, чтобы отправить их в цель! Тот, кто сумеет это сделать дважды подряд, получит возможность заняться своими делами. Остальные будут тренироваться до тех пор, пока не добьются нужного результата.

Он предоставил офицерам организовать стрельбы. Солдаты широко улыбались, по шеренгам прокатился гул разговоров, но Шарп не стал делать замечаний. Сержанты посмотрели на него так, словно он совершил предательство, однако ни один не осмелился перечить высокому стройному стрелку с тяжелым палашиком на боку. Когда все было готово, Шарп подал команду, и пули начали врезаться в кучу кожаных ошейников.

Солдаты забыли прежнюю муштру и сосредоточились на стрельбе по ненавистным ошейникам, превращавшим их шеи в кровавое месиво; эти проклятые удавки олицетворяли Симмерсона и его тиранию. К концу первых двух серий только двадцати солдатам сопутствовал успех – почти все они оказались опытными воинами, для которых служба в армии не была в новинку, – но через два часа, когда солнце начало краснеть на небе, последний солдат сделал последний выстрел в ошметки кожи, валявшиеся на траве.

Шарп построил роту в две шеренги и с удовлетворением наблюдал за тем, как по команде Харпера солдаты сделали три залпа. Он смотрел в сторону восточного горизонта сквозь белый дым, клубившийся в неподвижном воздухе. Там, в Эстремадуре, их ждали французы, они готовились к сражению, а в это время сзади, за спиной Шарпа, на дороге, ведущей из города, появился сэр Генри Симмерсон, чтобы насладиться плодами своей победы и забрать очередные жертвы для оставленных на площади треугольников.

– Ну, интересно, что теперь будет, – негромко проговорил Харпер.

– Тихо! Пусть заряжают. Мы покажем ему, как они научились стрелять. – Шарп наблюдал за взглядом Симмерсона, медленно скользившим по расстегнутым воротникам разгоряченных солдат. До полковника постепенно доходило, откуда взялись кожаные ошметки на земле.

Шарп увидел, как Симмерсон сделал глубокий вдох.

– Давай!

– Огонь! – По команде Харпера последовал мгновенный залп, громом прокатившийся по долине.

Если Симмерсон и успел что-нибудь выкрикнуть, его слова утонули в грохоте, так что полковнику оставалось только молча наблюдать за тем, как его солдаты обращаются со своими мушкетами, словно ветераны, подчиняясь командам сержанта стрелков, чье широкое, уверенное лицо принадлежало к той категории лиц, которые приводили сэра Генри в ярость – когда

он сидел в кресле мирового судьи в Челмсфорде, в адрес именно таких людей из его уст звучали самые жестокие приговоры.

Грохот последнего залпа стих, и Форрест засунул часы обратно в карман.

– До конца минуты осталось две секунды, сэр Генри, они произвели по четыре выстрела.

– Я умею считать, Форрест.

Четыре выстрела? Симмерсон был поражен. В глубине души он страдал оттого, что не мог научить своих людей стрелять быстро и уверенно; его солдаты почему-то начинали нервничать, когда к ним в руки попадало оружие. Но кожаные воротники целой роты? По два с лишним фунта за штуку? И в тот самый день, когда от его племянника пахнет, как от конюха?

– Да будь ты проклят, Шарп!

– Да, сэр.

Едкий пороховой дым заставил лошадь сэра Генри вздернуть голову, и полковник наклонился вперед, чтобы успокоить ее. Шарп смотрел на Симмерсона, прекрасно понимая, что выставил полковника идиотом в глазах его собственных солдат, – не вызывало сомнения, что он совершил грубую ошибку.

Да, Шарп одержал победу, но в результате получил врага, обладающего властью и влиянием. Полковник подъехал к Шарпу и сказал на удивление спокойно:

– Это мой батальон, мистер Шарп. Мой батальон. Не забывай об этом.

Сэр Генри некоторое время смотрел на лейтенанта; казалось, вот-вот его гнев вырвется наружу, но он сумел взять себя в руки и крикнул Форресту, чтобы тот следовал за ним.

Харпер ухмыльнулся, солдаты выглядели довольными, и только Шарпа охватило предчувствие беды, словно его окружил невидимый, злобный враг. Он постарался отбросить эти мысли. Пора было чистить мушкеты и раздавать пайки. Там, за горной грядой, хватало врагов для всех.

Глава четвертая

Патрик Харпер шел вперед уверенной, легкой походкой. Он был счастлив, что снова чувствует под ногами дорогу, счастлив, что пересек невидимую границу и теперь направляется к новым местам.

Отряд вышел задолго до восхода, чтобы проделать большую часть положенного пути до того, как начнет немилосердно палить солнце. Сержант с удовольствием думал о дневном отдыхе, надеясь, что майор Форрест, поехавший вперед, найдет подходящее место для лагеря где-нибудь у ручья и можно будет половить рыбку. Южный Эссекский тащился где-то позади; Шарп начал марш достаточно быстро, в традиционной манере стрелков – три шага бегом, потом три обычных шага, и Харпер был рад, что они избавились от удушливой атмосферы подозрительности, царившей в батальоне. Он усмехнулся, когда вспомнил об ошейниках. Прошел слух, что полковник приказал Шарпу заплатить за все семьдесят девять испорченных ошейников. По мнению Харпера, это были очень большие деньги. Сержант не стал уточнять у самого Шарпа, тот бы все равно ему не ответил. Но то, что касалось Шарпа, касалось и Патрика Харпера. Конечно, лейтенант часто ворчал из-за пустяков, мог и поругать не по делу, и все же Харпер, если бы на него как следует нажали, признался бы, что считает Шарпа своим другом.

Такое слово Харпер никогда не стал бы употреблять по отношению к офицеру, но ничего другого в голову не шло. Шарп был самым лучшим солдатом из всех, кого ирландцу доводилось видеть за долгие годы службы, у него было поразительное чутье, и во время сражения лейтенант обращался за советом только к одному человеку – сержанту Харперу. Это были отношения, построенные на взаимном доверии и уважении, и Патрик Харпер считал своим долгом следить за тем, чтобы Шарп оставался живым и веселым.

Харперу нравилось быть солдатом, хотя он и служил в английской армии, – а ведь именно эта страна отняла у его семьи землю и ущемляла их религиозные убеждения. Он упивался историями о великих ирландских героях, наизусть знал легенду о том, как Кухулин³ в одиночку победил целую армию, – разве могли англичане поставить кого-нибудь рядом с таким великим героем? Но Ирландия – это Ирландия, а голод зачастую заставляет людей отправляться в самые неожиданные места. Если бы Харпер слушался зова сердца, сейчас он сражался бы против англичан, а не за них, однако, как и многие из его соотечественников, он нашел спасение от нищеты и преследований в рядах врага.

Харпер не забыл свою родину. В памяти у него часто всплывали картины Донегола, древние скалы, скудная земля, горы, озера, огромные болота и крошечные фермы, на которых люди едва сводили концы с концами. И какие семьи! Харпер был четвертым из одиннадцати оставшихся в живых детей; его мать любила повторять, что не имеет ни малейшего понятия, как ей удалось родить такую «большую крошку». Патрик ел столько же, сколько трое других детей, так она говорила, и при этом почти всегда оставался голоден. Потом наступил день, когда он отправился искать счастья, покинул горы Блю-Стэк и оказался на улицах Дэрри. Там напился, а когда пришел в себя, оказалось, что стал солдатом. Теперь, через восемь лет, когда ему исполнилось двадцать восемь, он уже был сержантом. В его родной деревне никто бы в жизни этому не поверил!

Патрику теперь трудно было думать об англичанах как о врагах. За эти годы у него появилось немало друзей. В армии сильные люди обычно добиваются успеха, а Патрику Харперу нравилась ответственность, которой он был наделен, и еще ему нравилось, что другие крепкие парни вроде Шарпа его уважают. Он вспоминал рассказы своих соотечественников, кото-

³ *Кухулин* – в ирландской мифологической традиции герой, центральный персонаж многочисленных саг героического цикла.

рые сражались против солдат в красных мундирах в горах и полях Ирландии. Иногда Харпер пытался представить себе, каким было бы его будущее, если бы он вернулся назад в Донегол. Проблема лояльности оказалась для него слишком сложной, и он старался о ней не думать, так же как и о религии. Возможно, война будет продолжаться вечно, а может быть, святой Патрик вернется и обратит англичан в истинную веру? Кто знает? Пока же Харпера вполне устраивало быть солдатом, и он получал удовольствия там, где их можно было найти.

Накануне сержант видел сокола высоко над дорогой, и его душа взмыла ему навстречу. Он знал всех птиц Ольстера, любил их и всегда внимательно следил за небом и землей; ему никогда не надоедало наблюдать за птицами. В горах к северу от Порту он мельком заметил необычную сороку с длинным голубым хвостом; раньше ему не доводилось видеть таких, и теперь он страшно хотел встретить еще одну. Ожидание и надежды доставляли Патрику Харперу удовольствие и успокаивали.

В поле у дороги появился заяц. Кто-то крикнул: «Мой!» Все остановились, один солдат опустился на колено, быстро прицелился, выстрелил – и промахнулся. Стрелки насмешливо завопили, а заяц скрылся за холмами. Дэниел Хэгмен не часто промахивался, он научился стрелять у своего отца-браконьера, и все стрелки втайне восхищались тем, как этот чеширец обращается с ружьем. Он перезарядил штуцер и печально покачал головой:

– Прошу прощения, сэр. Совсем старый стал.

Шарп рассмеялся. Хэгмену было сорок, но он, как и прежде, оставался лучшим стрелком роты. Заяц несся со страшной скоростью, так что, если бы он оказался сегодня в котле, это было бы настоящим чудом.

– Сделаем привал, – решил Шарп. – На десять минут.

И сразу выставил часовых. Французы были далеко, впереди находилась британская кавалерия, но ты остаешься в живых только в том случае, если принимаешь все меры предосторожности, поэтому Шарп всегда выставял посты, а его люди шагали с заряженным оружием.

Лейтенант снял с себя ранец и сумки, радуясь освобождению от восьмидесяти фунтов веса, а потом уселся рядом с Харпером, который смотрел в ясное небо.

– Жарковато для марша, сержант.

– Жарковато, сэр, жарковато. Только все равно лучше, чем тот чертов холод прошлой зимой.

– Ну, тебе удавалось не мерзнуть, – ухмыльнулся Шарп.

– Мы делали все, что могли, сэр, делали, что могли. Помните святого отца из монастыря?

Шарп кивнул. Но остановить Патрика Харпера, который решил рассказать хорошую историю, было невозможно.

– Он заявил нам, что у них там ничего нет выпить! Нет ничего выпить, а мы замерзли, точно море зимой! Слушать, как божий человек лжет, было совсем невыносимо.

– Вы преподали ему хороший урок, сержант! – Пендлтон, любимец роты, которому недавно исполнилось семнадцать и который промышлял воровством на улицах Бристоля, ухмыльнулся, сидя напротив ирландца на другой стороне дороги.

– Это уж точно, приятель. – Харпер энергично закивал. – Помните? Так не бывает, чтобы у священников кончалась выпивка, вот мы ее и нашли. Господи боже мой, этой бочки хватило бы, чтобы утолить жажду целой армии! Уж мы тогда повеселились. Святого отца засунули головой в вино – нужно было объяснить ему, что вранье – это смертный грех. – Он весело рассмеялся. – Капелька чего-нибудь мне бы сейчас не помешала. – Сержант окинул отдыхающих у дороги стрелков совершенно невинным взглядом. – Кто-нибудь хотел бы капельку?

Все молчали. Шарп устроился поудобнее и изо всех сил старался не улыбаться. Он знал, что задумал Харпер и что произойдет в следующее мгновение. Стрелки были одним из немногих воинских подразделений, имевших право отбирать рекрутов, поэтому среди них оказывались только лучшие, но даже и при таком тщательном отборе солдаты страдали от греха,

присущего остальной армии, – пьянства. Шарп догадался, что где-нибудь поблизости можно отыскать по крайней мере полдюжины бутылок вина, и Харпер намерен заняться решением этой проблемы.

Сержант поднялся на ноги:

– Отлично! Проверка.

– Сержант! – Это был Гэтейкер, который часто становился жертвой собственной чрезмерной хитрости. – Вы же сегодня утром проверяли наши фляги! Вам известно, что у нас ничего нет.

– Я знаю, что в ваших флягах для воды нет вина, а это не одно и то же, верно? – (Все по-прежнему молчали.) – Разложить амуницию! Немедленно!

Послышалось ворчание. Португальцы и испанцы с радостью меняли вино на пули и британский порох, самый лучший в мире, и можно было не сомневаться, что, если у кого-нибудь из солдат окажется меньше восьмидесяти зарядов, Харперу удастся найти бутылку, запрятанную куда-нибудь поглубже в ранец.

Шарп услышал, как солдаты начали копаться в своих вещах. Он открыл глаза и увидел, что, точно по волшебству, у дороги появилось семь бутылок. Харпер стоял над ними с видом победителя.

– Разделим между всеми. Отлично сработано, парни, я знал, что вы меня не подведете. – Сержант повернулся к Шарпу. – Патроны будем считать, сэр?

– Нет, не будем. – Шарп знал, что может доверять своим людям, они не станут продавать больше одной горсти патронов. Он посмотрел на огромного ирландца. – А сколько у тебя патронов, сержант?

Лицо Харпера было абсолютно честным.

– Восемьдесят, сэр.

– А ну-ка покажи свой запас пороха.

Харпер улыбнулся:

– Я думаю, вы не откажетесь от капельки спиртного, сэр.

– Давай. – Шарп весело рассмеялся, глядя на смущенного Харпера. В дополнение к восьмидесяти патронам, на двадцать больше, чем у всех остальных солдат армии, стрелки получали отличный порох, который позволял вести более точную стрельбу. – Ладно, сержант. Десять минут, а потом нам будет легче шагать дальше.

* * *

В полдень они нагнали небольшой конный отряд разведчиков с майором Форрестом во главе, который махал им рукой из рощи, расположенной между дорогой и ручьем. Мечты Харпера сбылись. Майор подвел стрелков к специально выбранному для них месту.

– Знаете, Шарп, я подумал, что будет лучше, если вы расположитесь подальше от полковника.

– Вы правы, сэр. – Шарп ухмыльнулся, взглянув на смущенного майора. – Прекрасная мысль.

Форрест тем не менее был чем-то обеспокоен. Он смотрел на людей Шарпа, рубивших ветки.

– Сэр Генри настаивает на том, что костры должны располагаться по прямой линии.

Шарп вскинул руки вверх:

– Обещаю вам, даже искорка не нарушит строя.

Через час прибыл весь батальон, солдаты попадали на землю и остались лежать, подложив под головы ранцы. Некоторые из них отправились к реке и, устроившись на берегу, опустили стертые, опухшие ноги в холодную воду. Расставили часовых, оружие сложили, запах

табака окутал деревья, а в противоположной стороне от горы багажа, отмечавшей временную офицерскую столовую, начался футбольный матч. Последними прибыли жены и дети, португальцы – погонщики мулов со своими животными, Хоган и его мулы и стадо скота под присмотром специально нанятых местных жителей – животные обеспечат пропитание батальону.

Этим тихим, усыпляющим вечером Шарпа охватило беспокойство. Ему некому было писать, и он не испытывал ни малейшего желания присоединиться к Харперу, который без всякого результата пытался заманить хоть какую-нибудь рыбешку на своих червей. Хоган спал в тени, тихонько похрапывая.

Шарп поднялся на ноги, взял ружье и прошел мимо часовых. День был замечательным: на небе ни облачка, в ручье тихонько журчит вода, а легкий ветерок гуляет в траве и шелестит бледными листьями оливковых деревьев. Лейтенант некоторое время шел вдоль ручья мимо кукурузных посевов, перепрыгнул через грубую дамбу, перекрывавшую ирригационный канал, и вышел на усеянное камнями поле, где росли чахлые оливы.

Было очень тихо. Жужжали и стрекотали насекомые, из лагеря слышалось ржание лошадей, а за спиной пела вода. Кто-то сказал, что уже наступил июль. Может быть, сегодня его день рождения. Шарп не знал, когда родился, но помнил, что мать называла его «дитя июля»... а может, это был июнь? Он почти ничего про нее не помнил. Темные волосы и голос в темноте. Она умерла, когда он был совсем ребенком, а других родственников у него не было.

Природа скорчилась под палящим солнцем, все оставалось неподвижным и безмолвным, батальон слился с окружающим пейзажем, словно его и не существовало на свете. Шарп посмотрел назад, вдоль дороги, по которой прошли солдаты, а потом еще дальше на облако пыли – основная часть армии все еще была в пути. Он присел рядом со старым пнем, положил на колени ружье и посмотрел вдаль, где повисло горячее марево. Мимо пробежала ящерица – остановилась, взглянула на него, потом взобралась на пенек, застыла на месте, словно надеясь, что ее не заметят, если она будет сохранять неподвижность...

Легкое движение заставило Шарпа поднять глаза к небу – там, в бесконечной голубизне, бесшумно парил коршун; его крылья не двигались, он высматривал жертву. Патрик наверняка сразу сказал бы, как называется птица, но для Шарпа это был всего лишь еще один охотник, а сегодня, подумал он, некого ловить. И, словно согласившись с ним, птица неожиданно взмахнула крыльями и быстро скрылась из виду.

На Шарпа вдруг снизошло спокойствие, он находился в мире со всем светом, ему нравилось быть стрелком в Испании. Он бросил взгляд на чахлые оливы, обещающие своему владельцу скромный урожай – интересно, какая семья будет трясти эти ветви осенью и чьи жизни связаны с этим ручьем, пустыми полями и уходящей вдаль дорогой, которую ему, вероятно, уже никогда не увидеть вновь.

Послышался какой-то шум. Слишком слабый и далекий, чтобы встревожить Шарпа, но необычный и ровный, так что его правая рука инстинктивно сжалась на прикладе ружья. По дороге скакали лошади. Судя по стуку копыт, две. Однако двигались они неспешно, поэтому у Шарпа и не возникло мысли, что нужно чего-то опасаться. Он сомневался, что в этой части Испании у французов есть кавалерийские отряды, однако встал и бесшумно направился через рощицу, старательно выбирая дорогу так, чтобы его зеленая форма сливалась с растительностью. Он намеревался выскочить на дорогу и ошеломить зазевавшегося путника.

Оказалось, что это девушка. Она была одета в мужскую одежду, черные брюки и сапоги, на голове та же самая шляпа с широкими полями, которая лишь оттеняла ее красоту. Девушка шла или, скорее, ковыляла, как и ее лошадь. Заметив Шарпа, она остановилась и сердито на него посмотрела, точно была недовольна тем, что он неожиданно возник у нее на пути. Слуга, хрупкий, смуглый человек, который вел на поводу тяжело нагруженного мула, замер в десяти шагах позади и молча уставился на высокого стрелка с покрытым шрамами лицом. Жеребец тоже взглянул на Шарпа, лениво отмахнулся хвостом от мух и покорно замер, подняв заднюю

ногу. Подкова едва держалась на одном гвозде, и животное, должно быть, ужасно страдало от жары на каменистой дороге.

Шарп кивнул в сторону лошади:

– Почему бы вам не снять подкову?

Голос девушки оказался неожиданно мягким и мелодичным:

– Вы можете это сделать? – Она улыбнулась Шарпу, и гнев мгновенно исчез с ее лица.

Девушке было немногим больше двадцати лет, но держалась она уверенно, словно отлично понимала, что красота – куда более ценное наследство, чем деньги или земля. Казалось, ее забавляет смущение Шарпа, точно она привыкла к восхищению мужчин.

– Так можете? – Девушка с легкой насмешкой подняла изогнутую бровь.

Шарп кивнул и направился к крупу лошади. Он потянул копыто к себе, крепко держа лошадь за бабку; жеребец вздрогнул, но остался стоять на месте. Подкова все равно отвалилась бы через несколько шагов, поэтому Шарп лишь слегка дернул и отпустил ногу, а потом протянул подкову девушке.

– Вам повезло.

У нее были огромные темные глаза.

– Почему?

– Наверное, подкову можно будет поставить на место, я не уверен.

Шарп чувствовал себя неловко в ее присутствии, красота произвела на него сильное впечатление, язык перестал слушаться, потому что он вдруг ужасно захотел эту девушку. Она не сделала движения, чтобы взять подкову, и Шарп засунул ее за ремень седельной сумки.

– Кто-нибудь наверняка знает, как поставить подкову на место. – Он кивнул в сторону дороги. – Там разбил лагерь батальон.

– Южный Эссекский? – Она хорошо говорила по-английски, со слабым португальским акцентом.

– Да.

– Вот и прекрасно. Я следовала за ними, когда подкова соскочила. – Девушка посмотрела на своего слугу и улыбнулась. – Бедняга Агостино ужасно боится лошадей.

– А вы, мадам?

Шарпу захотелось поговорить с ней. Женщины, следующие за армией, не были редкостью; за войсками сэра Артура Уэлсли уже шли английские, ирландские, испанские и португальские жены, любовницы и шлюхи, однако красивая девушка на хорошей лошади, да еще со слугой, не могла не вызвать у Шарпа любопытства. Даже больше, чем простое любопытство. Он хотел ее. Это было естественной реакцией на красоту и на мысли о том, что девушка с такой внешностью никогда не обратит внимания на оборванного лейтенанта, не имеющего за душой ни гроша. Она могла выбрать любого из богатых офицеров... Впрочем, это ведь не мешало Шарпу смотреть и испытывать острое желание обладать ею.

Девушка, казалось, догадалась, о чем он думает.

– Вы считаете, что мне следует быть осторожнее?

Шарп пожал плечами, бросил взгляд на дорогу, над которой повис дым из лагеря.

– Солдаты – народ не слишком деликатный, мэм.

– Благодарю вас за предупреждение. – Девушка явно над ним потешалась. Она взглянула на выгоревший красный офицерский шарф у него на поясе. – Лейтенант?

– Лейтенант Шарп, мэм.

– Лейтенант Шарп. – Девушка снова улыбнулась, словно бросая ему вызов, она гордилась своей красотой. – Вы наверняка знаете Кристиана Гиббонса?

Он кивнул, снова подумав о том, как несправедлива к нему жизнь. Деньги могут купить все: офицерское звание, продвижение по службе, саблю, которая специально сделана таким

образом, чтобы соответствовать росту и силе владельца... Деньги могут купить даже такую женщину.

– Я его знаю.

– И он вам не нравится. – Девушка рассмеялась, она понимала, что права. – А вот мне он очень нравится. – Она щелкнула языком и взяла в руки поводья. – Думаю, мы еще встретимся. Я еду с вами в Мадрид.

Шарп не хотел ее отпускать.

– А вы оказались далеко от родного дома.

Девушка повернулась и насмешливо улыбнулась:

– Как и вы, лейтенант, как и вы.

Она направила хромающую лошадь к зарослям деревьев и голубому дыму над кострами, разложенными специально для приготовления ужина. Безмолвный слуга последовал за ней.

Шарп провожал девушку взглядом. Он представил себе ее стройное тело под мужским костюмом, почувствовал, как его охватывает злость и сильное желание. Потом вернулся в оливковую рощу, словно надеялся, что, уйдя с дороги, сможет выбросить девушку из головы и умиротворение снова наполнит этот тихий вечер. Будь проклят Гиббонс и его деньги, а вместе с ним и все офицеры, которые в состоянии купить красоток, грациозно сидящих в седлах своих роскошных, холеных лошадей и следующих за армией!

Шарп наслаждался этими горькими мыслями, стараясь убедить себя в том, что девица ему не нужна, но, проходя в тени деревьев по дороге к лагерю, вдруг сообразил, что держит в правой руке гвоздь от подковы. Он посмотрел на него – маленький, согнутый – и засунул в ранец, постаравшись убедить себя в том, что гвоздь обязательно пригодится; например, для того, чтобы закрепить пружину, когда разбираешь затвор, если его нужно почистить. Но хороших, ровных гвоздей было сколько хочешь, и Шарпу пришлось признать себе: он сохранил этот, потому что он принадлежал девушке. Разозлившись, Шарп пошарил среди патронов и выбросил гвоздь в кусты.

Со стороны лагеря донеслись мушкетные выстрелы – это застрелили двух волов на ужин. К жаркому будет вино, а после они с Хоганом пропустят по стаканчику бренди, станут рассказывать разные истории про старых друзей и прошлые, почти забытые кампании. Днем Шарп с удовольствием думал об этом ужине, о вечере у костра, но неожиданно все изменилось. Прекрасная девушка находится в их лагере, ее смех нарушит мирную тишину вечера. «А ведь я, – думал Шарп, не спеша шагая вдоль ручья, – даже не знаю, как ее зовут».

Глава пятая

Батальон де ла Санта Мария покорил бы мир, если бы для этого было достаточно красивых слов и показухи. Однако пунктуальность не являлась одним из его очевидных военных достоинств.

Южный Эссекский маршировал четыре дня почти без остановок, сделав все, что было в его силах, чтобы успеть к месту встречи в Пласенсии, но испанских военных в городе не оказалось. Аисты лениво поднимались из своих гнезд на остроконечных крышах вокруг древнего собора, возвышавшегося над городом и долиной, в которой он был построен. Но батальона Санта Мария нигде не было видно.

Симмерсон приказал разбить лагерь у городских стен, и его солдаты с завистью смотрели на другие подразделения, которые входили в город, где их ждали кабачки и женщины, а тенистые улицы сулили массу удовольствий. Трое солдат нарушили приказ оставаться вне стен города, их поймал начальник военной полиции – они напились до такого состояния, что ничего не соображали. Виновников высекли, а весь батальон несколько часов маршировал вдоль реки.

В конце концов, два дня спустя, испанский полк прибыл, и Южный Эссекский был поднят на переключку в пять утра, с тем чтобы отправиться на юг, в Вальделаказу. Было прохладно, но все знали, что, когда солнце поднимется, снова станет жарко. Однако в половине шестого, когда час, назначенный для начала марша, уже прошел, испанский батальон так и не появился; солдаты топали и потирали руки, чтобы хоть немного согреться.

Городские часы пробили шесть. Детям, которые вместе с матерями ждали момента, когда батальон отправится в путь, стало скучно, и они принялись носиться среди шеренг солдат, не обращая ни малейшего внимания на возмущенные вопли Симмерсона, сержантов и капралов.

Батальон был построен у римского моста, перекинутого через реку. Шарп последовал за Хоганом. Тот что-то сердито проворчал, когда они остановились у ограды, отражавшейся в воде, что весело омывала огромные куски гранита, лежавшие на дне с незапамятных времен.

Хогана охватило нетерпение.

– Черт их подери! Почему мы не можем отправиться в путь, пусть эти уроды нас догоняют!

Он прекрасно знал, почему это было невозможно. Дипломатия – часть цены, которую они вынуждены заплатить за сотрудничество со вспыльчивыми и капризными испанцами; местный полк должен выступать первым.

Шарп промолчал. Он смотрел в воду, на длинные волокна водорослей, покорно подчиняющихся воле течения. Ветер был холодным, и он поежился. Шарп разделял недовольство Хогана, его переполняло раздражение, которое шевелилось в душе, наподобие этих колеблющихся на поверхности воды водорослей.

Лейтенант бросил взгляд на собор, уже освещенный первыми лучами утреннего солнца, и попытался разобраться в мрачных предчувствиях, закравшихся в сердце. Задание, которое они должны были выполнить в Вальделаказе, казалось совсем несложным. Переход до места назначения займет всего день, еще день понадобится Хогану, чтобы покончить с мостом, который и так уже мало напоминает мост, и еще один день – на обратную дорогу в Пласенсию, где Уэлсли собирает силы для дальнейшего продвижения британской армии в Испанию. Однако некий инстинкт, понять происхождение которого было так же нелегко, как и суть серых теней, умирающих с первыми лучами восходящего солнца, нашептывал Шарпу, что все будет совсем непросто. Его беспокоили не испанцы. Как и Хоган, он знал, что их присутствие – всего лишь политическая необходимость и военный фарс. Если они на самом деле окажутся такими бесполезными, как о них говорят, это вряд ли что-нибудь изменит. Южный Эссекский достаточно силен, чтобы сделать все необходимое.

Вот тут-то и заключалась главная проблема. Симмерсон еще ни разу не встречался с врагом, и Шарп не был уверен в способности полковника принимать правильные решения в экстремальной ситуации. Если на южном берегу Тежу действительно засели французы и если Южному Эссекскому придется отбивать атаки на мосту, пока Хоган будет закладывать под него заряды, было бы лучше, чтобы решения принимал старый и опытный воин, а не командир ополченцев, чья голова набита теориями о сражениях и тактике ведения боевых действий, а опыт приобретен на мирных полях Эссекса.

Впрочем, дело было не только в Симмерсоне. Шарп посмотрел на дорогу в город, где расположилась группа женщин – батальонные жены, – и подумал о том, что Жозефина Лакоста находится среди них. Он, по крайней мере, узнал имя девушки, видел ее множество раз верхом на изящном черном коне, в окружении лейтенантов Симмерсона, которые шутили, смеялись и оказывали ей знаки внимания. До Шарпа дошли сплетни об этой девушке; поговаривали, что она вдова богатого португальского офицера или что сбежала от португальского офицера. Никто ничего не знал наверняка, но все сходились на одном – Жозефина встретила Гиббонса на балу в Лиссабоне и уже через несколько часов решила последовать за ним на войну. Говорили, что они собираются пожениться, когда армия доберется до Мадрида, и что Гиббонс обещал ей дом и жизнь, полную удовольствий и развлечений.

Какой бы ни была правда, Жозефина здесь, она очаровала весь батальон, флиртowała даже с сэром Генри, который отвечал ей преувеличенно галантно и все время твердил, что молодой человек есть молодой человек. «Кристиан нуждается в тренировке, верно?» – повторял Симмерсон одну и ту же шутку, над которой сам же и хохотал. Несдержанность полковника заставила племянника нарушить приказ и снять апартаменты в городе, где он поселился с Жозефиной и устраивал для своих друзей веселые попойки. Гиббонсу завидовали все офицеры, Жозефина блистала рядом с ним, и Шарп, дрожа от утреннего холода, подумал, что еще совсем неизвестно, увидит ли девушка долины Эссекса и станет ли жить в большом доме, построенном на доходы от продажи соленой рыбы.

Пробило семь, по рядам Южного Эссекского пробежало волнение – из-за домов появилась группа всадников и, пришпорив коней, помчалась прямо к уставшему ждать батальону. Всадники оказались британцами, и солдаты снова поскущели. Хоган и Шарп направились к своим людям, стоявшим рядом с легкой пехотой Леннокса на левом фланге батальона, и стали наблюдать за вновь прибывшими, которые разговаривали с Симмерсоном. Все всадники были в форме, кроме одного – из-под его серого плаща выглядывали голубые брюки, а на голове красовалась простая шляпа с загнутыми полями. Прапорщик Денни, шестнадцатилетний юноша, которого переполняло плохо скрываемое возбуждение, стоял рядом со стрелками, и Шарп спросил его, знает ли он человека в гражданской одежде.

– Нет, сэр.

– Сержант Харпер! Скажи мистеру Денни, как зовут джентльмена в сером плаще.

– Это генерал, мистер Денни. Сэр Артур Уэлсли, собственной персоной. Родился в Ирландии, как и все самые лучшие солдаты.

По рядам прокатился смешок, но стрелки невольно выпрямили спины и не сводили глаз с человека, который поведет их в Мадрид. Генерал достал из кармана часы, посмотрел на город, откуда должны были появиться испанцы. Однако и намек на испанский полк нигде не было видно, несмотря на то что солнце уже стояло над горизонтом, а роса на траве быстро высыхала. Один из офицеров Уэлсли вдруг направился прямо к Хогану. Шарп решил, что он хочет поговорить с инженером, и, чтобы не мешать, отошел в сторону, к мосту.

– Шарп! Ричард!

Голос показался Шарпу знакомым. Штабной офицер, подполковник, изо всех сил махал ему рукой, но лицо пряталось в тени роскошной широкополой шляпы.

– Ричард! Ты меня забыл!

– Лоуфорд! – Лицо Шарпа озарила улыбка. – Сэр! Я и не знал, что вы здесь!

Лоуфорд легко прыгнул с лошади, снял шляпу и покачал головой:

– Ты выглядишь ужасно! Тебе непременно нужно купить новую форму. – Он улыбнулся и пожал руку Шарпа. – Я так рад тебя видеть, Ричард.

– А как я рад видеть вас, сэр! Подполковник? Я смотрю, у вас все в порядке!

– Чин стоил мне три с половиной тысячи фунтов, Ричард, ты же знаешь, как это бывает. Благодарение Богу, что у меня были деньги.

Лоуфорд. Шарп помнил время, когда подполковник Уильям Лоуфорд был перепуганным лейтенантом, а сержант по имени Шарп помогал ему справиться с трудностями военной кампании в Индии, где царил безжалостная жара. Лоуфорд не остался в долгу. В тюремной камере в Серингапатаме аристократ научил сержанта читать и писать; занятия помогли обоим не сойти с ума в сыром подземелье султана Типу.

Шарп покачал головой:

– Я не видел вас...

– Многие месяцы. Слишком долго. Ну как ты?

– Как видите. – Шарп усмехнулся.

– Оборванец?

Лоуфорд улыбнулся. Ему было столько же лет, сколько и самому Шарпу, но дальше этого сходство не шло. Лоуфорд был настоящим щеголем, всегда носил одежду из самых дорогих, тончайших тканей и кружева. Однажды Шарп видел, как он заплатил военному портному семь гиней за то, чтобы тот получше подогнал камзол, который и так сидел безупречно.

– Можешь больше ни о чем не беспокоиться, Ричард, Лоуфорд прибыл в Испанию. Французы, скорее всего, сразу сдадутся, как только до них дойдет это известие. О господи! Мне понадобилось несколько месяцев, чтобы получить назначение сюда! Я сидел в Дублинском замке, следил за сменой караула; мне пришлось потянуть сразу за сотню ниточек, чтобы попасть в штаб Уэлсли. И вот я здесь! Прибыл две недели назад!

Слова лились сплошным потоком. Шарп был страшно рад встрече, хотя Лоуфорд, как и Гиббонс, олицетворял собой все, что он ненавидел в армии, – ведь деньги и влияние в высших кругах действительно обеспечивали быстрое продвижение по службе, а истинные солдаты вроде Шарпа гнили в нищете. Но Шарпу нравился Лоуфорд, он не испытывал к нему ни малейшего презрения, вероятно, потому, что этот аристократ, несмотря на преимущества, данные ему рождением, реагировал на окружающую реальность так же, как и сам Шарп. Лоуфорд с его изысканными манерами и образом жизни был настоящим солдатом.

Шарп поднял руку, чтобы остановить поток новостей:

– Что происходит, сэр? Где испанцы?

– В своих постельках. – Лоуфорд покачал головой. – По крайней мере, так было совсем недавно. Но прозвучал горн, и воины натянули штаны – нам сказали, что они уже на подходе. – Подполковник наклонился поближе к Шарпу и спросил шепотом: – Как ты ладишь с Симмерсоном?

– А мне не нужно с ним ладить. Я подчиняюсь Хогану.

Лоуфорд, казалось, не слышал ответа.

– Совершенно невероятный человек. Ты знаешь, что он заплатил собственные деньги, чтобы организовать полк?

Шарп кивнул.

– А ты знаешь, сколько ему это стоило? Невообразимую сумму!

– Ну, значит, он человек богатый. Только это не делает его солдатом. – В голосе Шарпа звучала горечь.

– Он хочет быть солдатом. Причем самым лучшим. Мы плыли с ним на одном корабле. Так вот, Симмерсон целыми днями сидел и читал «Правила и инструкции для вооруженных

сил его величества». – Лоуфорд покачал головой. – Может быть, он когда-нибудь чему-нибудь и научится. Однако я тебе не завидую. – Лоуфорд повернулся и бросил взгляд в сторону Уэлсли. – Ладно. Я не могу торчать тут с тобой целый день. Послушай, давай пообедаем вместе, когда вы выполните ваше задание. Согласен?

– С удовольствием.

– Отлично! – Лоуфорд вскочил в седло. – Вас ждет серьезная передряга. Мы выслали на юг отряд драгун – они видели французов в сопровождении артиллерии и лошадей. Французы пытались выгнать партизан с гор, а сейчас направляются назад, на восток, как и мы. Так что желаю удачи!

Он повернул лошадь, а потом оглянулся:

– И еще, Ричард.

– Да, сэр?

– Сэр Артур передавал тебе привет.

– Правда?

Лоуфорд посмотрел на Шарпа и весело сказал:

– Ты идиот. Передать от тебя привет генералу? Я обязательно это сделаю, можешь не сомневаться.

Потом он ухмыльнулся, чуть приподнял шляпу и умчал прочь от Шарпа, который еще долго смотрел ему вслед, чувствуя, как пронизывающий утренний холод куда-то исчез, воспоминания и дружеское расположение Лоуфорда согрели его. Тут к нему подошел Хоган:

– Друзья в высших кругах?

– Это очень старый друг. Мы вместе воевали в Индии.

Хоган ничего не ответил, потому что от изумления у него отвисла челюсть. Он смотрел на поле, и Шарп невольно проследил за его взглядом.

– О господи!

Показался испанский полк. Два трубача в напудренных париках и камзолах, расшитых золотом и серебром, возглавляли процессию. Они сидели на черных как ночь конях, а их трубы украшали ленты, кисточки и флажки.

– Вот это да! – не выдержал кто-то из солдат. – Нам решили помочь феи!

Следом несли полковые знамена: два флага в специальных, ослепительно великолепных футлярах с золотыми фестонами, кистями, вышитыми маленькими коронами, сложными узорами и орнаментами в виде завитков; держали футляры всадники, чьи лошади осторожно ступали по земле, которая явно не годилась для таких великолепных созданий. Далее следовали офицеры. При их виде сердце сэра Генри Симмерсона наверняка затрепетало от восторга, поскольку все, что можно было отполировать, ослепительно сияло под лучами солнца – кожа, бронза, серебро и золото. Эполеты из толстых переплетенных золотых нитей, полудрагоценные камни; камзолы расшиты серебром, украшены плюмажем, тесьмой и офицерскими лентами. Все сверкает. Очень красочное представление. Следом шли солдаты, толпа, подгоняемая энергичным, но абсолютно нестройным барабанным боем.

Шарп был возмущен. Все, что он слышал об испанской армии, подтвердилось в эти минуты, когда он смотрел на батальон, марширующий по полю; оружие солдат было тусклым и неухоженным, понятие о воинском духе, казалось, этим войскам вообще не было знакомо. Неожиданно Шарп подумал, что дорога до Мадрида может оказаться гораздо более долгой, если в качестве союзников они получают таких вот солдат.

Трубачи вдруг подали оглушительный сигнал, барабанщики забили в барабаны с новой силой, а потом наступила тишина.

– Ну и что дальше? – проворчал Хоган.

А дальше были речи. Уэлсли, тонкий дипломат, сбежал как раз в тот момент, когда испанский полковник вышел вперед, чтобы обратиться с приветственной речью к Южному Эссек-

скому. Официального переводчика не было, но Хоган, прилично говоривший по-испански, объяснил Шарпу, что полковник предлагает британским воинам возможность, совсем крошечную, разделить с испанскими солдатами одну из их славных побед над врагом.

Великолепные испанские воины по подсказке своих офицеров принялись радостно вопить, в то время как Южный Эссекский по знаку сэра Генри приветственно взвыл в ответ. Оба командира отсалютовали друг другу, зазвенели фанфары, к ним присоединились барабаны, а потом появился священник на сером ослике и с помощью маленьких мальчиков в белых стихарях благословил батальон Санта Мария на подвиг. При этом он демонстративно не включил язычников-британцев в свои молитвы, обращенные к Всемогущему.

– Как вы думаете, они станут сражаться? – спросил Хоган и достал свою табакерку.

– Одному Богу известен ответ на этот вопрос.

Шарп знал, что всего год назад испанская армия заставила сдаться двадцать тысяч французов, так что сражаться испанцы умели, если, конечно, правильно их организовать и поставить над ними хороших командиров. Но, глядя на этот полк, Шарп видел, что их союзники плохо организованы, а командиры вряд ли способны на что-нибудь, кроме высокопарных речей.

В половине одиннадцатого, пять часов спустя, батальон наконец надел ранцы и проследовал за испанцами по старому мосту. Шарп и Хоган шли впереди Южного Эссекского, сразу за весьма мирного вида арьергардом батальона Санта Мария. Несколько мулов, нагруженных всем необходимым, чтобы испанские офицеры не испытывали никаких лишений в пути и на поле брани, неохотно брели вперед. Вместе с ними ехал священник, который постоянно оглядывался и нервно улыбался преследующим его вероотступникам, демонстрируя всем свои черные зубы. Однако самое странное зрелище представляли собой три молодые женщины в белых платьях и с кокетливыми зонтиками в руках, верхом на великолепных конях. Они постоянно хихикали, поворачивались, посматривали на стрелков и были похожи на птичек, усевшихся на спины лошадей. «Весьма необычный способ идти на войну», – подумал Шарп.

К полудню колонна прошла всего пять миль и остановилась. Где-то далеко впереди прозвучал сигнал, офицеры, окутанные клубами пыли, проскакали вдоль рядов солдат, те сбросили ранцы и опустили на землю прямо на дороге. Все, кроме солдат, начали спорить и кричать. Священник, застрявший среди мулов, истерично завопил что-то офицеру на коне, а три молодые особы стали увядать прямо на глазах и принялись обмахиваться руками в белых перчатках.

Кристиан Гиббонс подъехал к голове британской колонны и уставился на красоток. Шарп поднял на него глаза:

– Та, что в середине, самая хорошенькая.

– Спасибо, – язвительно поблагодарил его Гиббонс. – Вы очень любезны, Шарп.

Он уже собрался двинуться вперед, когда Шарп схватил его коня за уздечку:

– Говорят, испанские офицеры просто обожают драться на дуэлях.

– Да? – Гиббонс одарил его ледяным взглядом. – Возможно, так оно и есть.

Он развернул коня и поскакал назад.

Хоган что-то кричал священнику по-испански – вероятно, пытался выяснить, почему они остановились. Священник улыбнулся ему своей чернозубой улыбкой и поднял глаза к небесам, точно хотел сказать, что на все воля Божья и с этим ничего не поделаешь.

– Вот проклятье! – Хоган принялся оглядываться по сторонам. – Проклятье! Неужели им не известно, сколько времени мы уже потеряли? Где полковник?

Симмерсон оказался неподалеку. Он появился вместе с Форрестом в сопровождении оглушительного грохота копыт.

– Что, черт возьми, тут происходит?

– Не знаю, сэр. Испанцы сидят.

Симмерсон облизал губы.

– А разве им не известно, что мы спешим?

Все молчали. Полковник уставился на офицеров, как будто кто-нибудь из них знал ответ на его вопрос.

– В таком случае нужно выяснить, что у них стряслось. Хоган, ты переведешь?

Офицеры уехали. Шарп разрешил своим людям сесть у дороги, где они и устроились, положив рядом ранцы. Испанцы, казалось, заснули. Солнце стояло высоко в небе, и от дороги поднимался удушливый жар. Шарп случайно коснулся дула своего ружья и тут же отдернул руку – так раскалился металл. По шее у него стекал пот, а солнце, отражавшееся от металлических украшений на форме испанских пехотинцев, слепило глаза. Женщины медленно направились к голове колонны, одна из них обернулась и кокетливо помахала рукой стрелкам. Шарп послал ей воздушный поцелуй, а потом они пропали из виду, и пыль осела на чахлую траву, растущую у дороги.

Прошло пятнадцать минут, затем, переговорив с испанским полковником, вернулись Симмерсон, Форрест и Хоган. Сэр Генри был недоволен.

– Черт бы их побрал! Встали до конца дня!

Шарп вопросительно посмотрел на Хогана. Инженер кивнул:

– Все точно. Там есть гостиница, офицеры в ней расположились.

– Проклятье! Проклятье! Проклятье! – Симмерсон изо всех сил колотил кулаком по седлу. – А нам-то что делать?

Офицеры начали переглядываться. Решения должен был принимать Симмерсон, поэтому никто не ответил на его вопрос, однако всем было ясно, что следует делать.

Шарп посмотрел на Харпера:

– Стройтесь, сержант.

Харпер начал выкрикивать приказы. Испанские солдаты, чей отдых был нарушен, удивленно смотрели на стрелков, которые поднимали с земли ранцы и строились в колонну.

– Штыки, сержант.

Приказ был отдан, и из ножен появились длинные клинки штыков с медными ручками. Двадцать три дюйма в длину, острые как бритва, они отражали слепящие лучи полуденного солнца. Симмерсон опасливо поглядывал на оружие:

– Что, черт подери, ты задумал, Шарп?

– Единственное, что можно сделать, сэр.

Симмерсон посмотрел направо, налево, на Форреста, потом на Хогана, но в их намерения не входило ему помогать.

– Ты предлагаешь просто идти дальше, Шарп?

«Это ты должен был предложить», – подумал Шарп, но ничего не сказал, только кивнул.

– Разве вы не собирались отдать такой приказ, сэр?

Симмерсон не знал, какой приказ собирался отдать. Уэлсли довольно внятно объяснил ему, что им следует торопиться, хотя при этом настоятельно советовал не обижать вспыльчивых союзников. А если мост уже занят французами?

Полковник посмотрел на оборванных, весьма непримечательных на вид стрелков, а потом на испанцев, устроивших привал у дороги.

– Хорошо.

Шарп повернулся к Харперу:

– По четыре в шеренгу, сержант.

Харпер сделал глубокий вдох и выкрикнул:

– Рота! В колонну по два стройся!

Люди Шарпа, несмотря на старую, оборванную форму, знали, как произвести впечатление на полковника. Быстро и четко, так, что им могли бы позавидовать королевские гвардейцы, ровные шеренги перестроились; без дополнительных команд рота развернулась направо, и

вместо двух рядов мгновенно образовалась колонна по четыре. Харпер чуть-чуть подождал, а потом скомандовал:

– Вперед, быстрым маршем!

И они дружно зашагали. Сапоги грохотали по сухой земле, заставив шарахнуться в сторону мулов и погонщиков. Священник бросил на язычников нервный взгляд, с силой вонзил пятки в бока осла, и тот умчался в поле.

– Ну, давайте, ублюдки! – заорал Харпер. – Маршируйте как следует, от души!

И они маршировали от души. Стрелки шли быстро, как принято в легкой пехоте, их ноги вздымали клубы пыли. За стрелками следовал Южный Эссекский, впереди расступался, давая дорогу, испанский полк. Офицеры повыскакивали из гостиницы, сияющей на солнце белыми стенами, и принялись что-то выкрикивать в адрес стрелков. Шарп не обращал на них внимания. На пороге гостиницы появился испанский полковник, весь в золоте и кружевах, и увидел, что его полк превратился в беспорядочную толпу – солдаты разбежались по полям, а британцы шагают к мосту. Полковник был босиком, в руке он держал бокал с вином. Когда стрелки подошли к гостинице, Шарп повернулся к ним:

– Рота! Равнение направо!

Он вытащил длинный клинок, поднял в торжественном салюте, и его люди, ухмыляясь, последовали примеру своего командира. Полковник ничего не мог поделать. Он хотел бы высказать свой протест, возмущение, но честь есть честь, и на салют следует отвечать салютом. Испанец оказался в дурацком положении. В одной руке вино, в другой длинная сигара. Шарп наблюдал за борьбой чувств, отразившихся на лице испанского полковника, когда тот переводил глаза с одной руки на другую, пытаясь решить, от чего же отказаться. В конце концов он встал по стойке смирно в одних чулках, продолжая держать в руках бокал с вином и сигару, словно это были важные церемониальные предметы.

– Смотреть вперед!

Хоган громко рассмеялся:

– Отлично сработано, Шарп! – Он взглянул на часы. – Мы доберемся до моста еще до того, как стемнеет. Будем надеяться, что французы нас не опередят.

«Надо надеяться, что французов там вовсе не будет», – подумал Шарп. Разобраться с союзниками – это одно, но вот выдержит ли столкновение с французами Южный Эссекский?

Лейтенант посмотрел на белую пыльную дорогу, проложенную по пустой, ничем не примечательной долине, и неожиданно подумал о том, что не знает, суждено ли ему вернуться. Потом отбросил эти мысли и сжал руку на прикладе ружья. Другой рукой он инстинктивно коснулся груди. Харперу был знаком этот жест. Шарп думал, что никому не известно про небольшой кожаный мешочек, висевший у него на груди, там он хранил свое богатство; но об этом знали все его солдаты, а сержант Харпер считал: если Шарп прикасается к мешочку с несколькими золотыми монетами, добытыми в прежних сражениях, значит он чем-то обеспокоен. А если Шарп обеспокоен?..

Харпер повернулся к стрелкам:

– Давайте шагайте, ублюдки! Это не похороны! Быстрее!

Глава шестая

Вальделаказа являла собой разрушенный монастырь и огромный каменный мост, построенный, чтобы соединить берега Тежу, еще в те времена, когда река была широкой и полноводной и совсем не походила на грязный ручей, который лениво скользил под тремя центральными арками старого римского моста. Здесь не жили, не любили и не совершали торговых сделок. За мостом и стоящим рядом строением простиралась похожая на плоскую чашу огромная долина, ее пересекали река и дорога, начинавшаяся у моста. Батальон спускался по почти незаметному склону, когда сумерки коснулись сухой, пожелтевшей травы. Вокруг не было ни возделанной земли, ни домашнего скота, ни вообще каких бы то ни было признаков жизни; только древние руины, мост и тихий шепот реки, несущей свои скудные воды в далекое море.

– Не нравится мне тут, сэр. – Харпер казался по-настоящему озабоченным.

– Почему?

– Нет птиц, сэр. Даже стервятников.

Шарп был вынужден признать, что сержант прав. Подходя к полуразрушенному строению, солдаты в зеленых мундирах непривычно притихли, точно их души окутал таинственный древний мрак.

– Французов не видно. – В опускающихся на землю тенях Шарп не заметил ничего, даже отдаленно напоминающего движение.

– Меня французы не волнуют. – Харпера явно что-то беспокоило. – Само место, сэр. Нехорошее оно.

– Ты ведь ирландец, сержант.

– Конечно, дело может быть и в этом, сэр. Только скажите мне, почему здесь нет деревни. Земля тут лучше, чем в тех местах, по которым мы проходили, есть мост... Почему же нет деревни?

Действительно, почему? Очень подходящее для деревни место, однако за последние десять миль им попалась всего одна маленькая деревенька. Впрочем, вполне возможно, что на громадной равнине Эстремадура просто не хватает людей, чтобы заселить все подходящие места.

Шарп попытался не обращать внимания на беспокойство Харпера, но вспомнил свои собственные мрачные предчувствия, и эти печальные древние руины стали казаться ему зловещими. От Хогана тоже было не очень-то много проку.

– Пуэнте-де-лос-Малдитос – Мост Проклятых. – Хоган, который ехал на коне рядом, кивнул на разрушенное строение. – А это, наверное, старый монастырь. Мавры обезглавили живших здесь монахов, всех до единого. Говорят, их убили на мосту, головы сбросили в реку, а тела так и оставили гнить. Никто не хочет здесь селиться, потому что ночью на мост приходят призраки и пытаются отыскать свои головы.

Стрелки молча слушали рассказ капитана. Когда Хоган закончил, Шарп с удивлением заметил, что сержант потихоньку перекрестился; вряд ли кто-нибудь из его людей сможет спокойно заснуть сегодня ночью.

Он оказался прав. Ночь была такой темной, что даже на расстоянии вытянутой руки ничего не было видно. Поблизости не росло никаких деревьев, и стрелки не смогли развести костров, а ветер нагнал тучи, которые скрыли луну.

Отряд охранял южную часть моста и берег, где могли появиться французы. Все страшно нервничали: игра теней, странные звуки... Замерзшие часовые в конце концов уже не знали, виновато ли во всем их разгулявшееся воображение, или они слышат шаги обезглавленных монахов, а может быть, французы выслали разведчиков?

Перед самым рассветом Шарп услышал шелест крыльев, потом закричала сова, и лейтенант некоторое время раздумывал, не сказать ли Харперу, что птицы здесь все-таки есть. Но потом решил не делать этого, вспомнив, что совы считаются предвестниками смерти и известие об их появлении может расстроить ирландца еще больше.

Однако наступил новый день, и, хотя испанцы так и не появились – по всей видимости, офицеры еще находились в гостинице, – небо засияло ослепительной синевой, только далеко в вышине проносились редкие облака, виновники легкого ночного дождика. Со стороны моста уже слышались резкие звенящие удары – люди Хогана разбивали парашют в том месте, которое было решено взорвать. Зловещие ночные предчувствия на какое-то мгновение показались дурным сном. Стрелков сменили пехотинцы Леннокса, и, поскольку делать было совершенно нечего, Харпер разделся догола и залез в воду.

– Вот так-то лучше. Я не мылся уже целый месяц. – Он глянул на Шарпа. – Все в порядке, сэр?

– Да вроде бы никого не видно.

Шарп посмотрел в сторону горизонта, на юг, наверное, уже в пятидесятый раз, но никаких признаков французов не заметил. Вскоре Харпер выбрался из реки, с него ручьями стекала вода, и он встряхнулся, совсем как породистая гончая.

– Может, их здесь и нет, сэр.

– Не знаю, сержант. – Шарп покачал головой. – У меня такое чувство, что французы где-то неподалеку. – Он повернулся и стал снова вглядываться в противоположный берег реки и дорогу, по которой они пришли сюда вчера. – Испанцев тоже не видно.

Харпер вытирался рубашкой.

– Они могут и совсем не явиться, сэр.

Шарпу уже приходило в голову, что испанский полк выйдет на сцену, когда работа в Вальделаказе будет выполнена, и никак не мог понять, почему же это на первый взгляд простое задание вызывает у него такое сильное беспокойство. Симмерсон вел себя сдержанно, люди Хогана работали не покладая рук, французов нигде не было видно. Ну что может произойти?

Шарп подошел к мосту и кивнул Ленноксу:

– Есть что-нибудь новенькое?

Шотландец покачал головой:

– Все спокойно. Могу поклясться, сэру Генри не удастся сегодня понюхать пороха.

– А он хотел?

– Еще как! Подозреваю, полковник рассчитывает, что сюда прибудет сам Наполеон.

– Французы где-то недалеко. Я это чувствую. – Шарп повернулся и внимательно посмотрел на дорогу.

– Вы думаете? – Леннокс бросил на него серьезный взгляд. – Мне казалось, только у нас, шотландцев, есть дар предвидения. – Он принялся вместе с Шарпом всматриваться в пустой горизонт. – Может, вы и правы. Однако они опоздали.

Шарп кивнул и прошелся по мосту. Поболтал немного с Ноулзом и Денни, а потом, направляясь к Хогану, стал раздумывать о мрачном настроении, в котором пребывали офицеры Южного Эссекского. Большинство из них были сторонниками Симмерсона – те, кто получил свои звания в ополчении. Отношения между ними и офицерами регулярной армии складывались не слишком дружеские. Шарпу нравился Леннокс, нравилось с ним разговаривать, но почти все остальные офицеры считали, что шотландец слишком мягко обращается с солдатами своей роты, которые все больше и больше становятся похожими на стрелков. Лерой был неплохим человеком – американец любил свою страну, но предпочитал помалкивать, как и те немногие, кто не очень доверял военным талантам полковника Симмерсона. Шарп сочувствовал младшим офицерам, которые приобретали опыт в таких тяжелых условиях, и радовался,

что, как только мост будет взорван, его стрелки перейдут из Южного Эссекского в какую-нибудь нормальную часть.

Хоган по самую шею забрался в отверстие, проделанное в мосту. Шарп заглянул внутрь и, среди обломков и мусора, разглядел две полукруглые каменные арки.

– Сколько пороха вы намерены туда заложить?

– Весь, что у нас есть! – Капитан был возбужден и счастлив, как человек, получивший наконец возможность заняться любимым делом. – Тут все совсем не просто. Римляне строили надежно. Видите эти плиты? – Хоган показал на арки. – Они обтесаны и подогнаны друг к другу. Если я положу заряд на одну из них, мост от этого может стать только крепче! Заложить порох вниз я, к сожалению, тоже не могу.

– А почему?

– Времени не хватит, Шарп, у меня мало времени. Взрыв должен получиться очень сильным. Если же подложить заряды под арки, удастся, конечно, перепугать рыбу, но не более того. Нет, я собираюсь вывернуть мост наизнанку и перевернуть вверх тормашками. – Он почти не обращал внимания на Шарпа, его голова была занята подсчетами количества пороха и длины запала.

– Наизнанку и вверх тормашками?

– Ну... так сказать. – Хоган почесал грязную щеку. – Я спущусь вот в эту опору, а потом заложу порох так, что взрыв распространится в две стороны. Если мой план сработает, Шарп, мне удастся разрушить сразу две арки.

– А у вас получится?

– Должно! – Хоган радостно ухмыльнулся. – Такой будет трах-тарарах! Уж я вам обещаю!

– Скоро?

– Мы закончим через пару часов. Может быть, раньше. – Хоган выбрался из отверстия и встал рядом с Шарпом. – Давайте принесем порох.

Он повернулся в сторону монастыря, приложил руки ко рту и замер на месте. Прибыли испанцы – впереди трубачи, флаги полощет ветер, пехота в голубых мундирах тащится где-то в конце колонны.

– Ну слава богу! – объявил Хоган. – Теперь я смогу ночью спать спокойно.

Полк направился к монастырю, прошествовал мимо Южного Эссекского, занимавшегося строевой подготовкой, и продолжал шагать вперед. Шарп предполагал услышать команду, которая остановит испанцев, но приказ так и не прозвучал. Вместо этого трубачи степенно проехали на своих лошадях по мосту, следом за ними проследовали полковые флаги, затем разодетые офицеры и пехота.

– Что, черт подери, они вытворяют? – возмутился Хоган.

Испанский полк миновал разрушенную часть моста и отверстие, проделанное Хоганом. Инженер принялся размахивать руками.

– Я собираюсь это взорвать! Бах! Бах!

На него никто не обращал внимания. Хоган попытался сказать то же самое по-испански, но людской поток катился мимо, словно инженера просто не существовало на свете. Даже священник и три дамы в белом осторожно прошли по мосту – опасливо поглядывая по сторонам и изо всех сил стараясь не свалиться в пробитое отверстие, – а потом дальше, на южный берег, откуда капитан Леннокс поспешно отвел своих людей, чтобы дать дорогу испанцам. За полком следовал пунцовый Симмерсон, который пытался выяснить, что происходит. Казалось, его вот-вот хватит удар.

Хоган устало покачал головой.

– Если бы на это задание послали только нас с вами, Шарп, сейчас мы уже были бы дома. – Он помахал рукой своим людям, чтобы те принесли бочонки с порохом к проделанному

в мосту отверстию. – У меня возникло желание взорвать этот мост, пока они находятся с другой стороны.

– Не забываете, они наши союзники.

Хоган вытер пот со лба.

– Как и Симмерсон. – Капитан вернулся к прерванной работе. – Я буду просто счастлив, когда все это закончится.

Прибыли бочонки с порохом, и Шарп ушел, а Хоган принялся закладывать порох в основания арок.

Лейтенант вернулся на южный берег, где его стрелки наблюдали за батальоном Санта Мария, уходившим по бесконечной дороге к далекому горизонту. Леннокс, сидевший верхом на своей лошади, ухмыльнулся:

– Как вам это нравится, Шарп? – Он помахал рукой в сторону испанцев, уверенно шагавших вперед.

– Что все это значит?

– Они заявили полковнику, что пройти через мост – их долг! Это имеет какое-то отношение к испанской гордости. Мы прибыли сюда первыми, следовательно, они должны продвигаться вперед дальше нас. – Леннокс отсалютовал Симмерсону, который переходил мост. – Знаете, что он намерен сделать?

– Кто? Симмерсон? – Шарп посмотрел вслед полковнику, демонстративно не обращавшему на него внимания.

– Угу. Он собирается провести по мосту весь свой батальон.

– Что?

– Раз испанцы прошли по мосту, значит и мы должны. – Леннокс рассмеялся. – Он безумен, вот что я вам скажу.

Шарп услышал крики своих стрелков и посмотрел туда, куда они показывали.

– Вы что-нибудь видите?

– Ничего. – Леннокс изо всех сил напрягал глаза.

Вспышка света.

– Вон там!

Шарп взобрался на парапет и принялся искать в своем ранце единственную ценную вещь, которой обладал, – подзорную трубу, сделанную Мэтью Бургом в Лондоне. Он не имел ни малейшего понятия, сколько стоит труба, но подозревал, что уж не меньше тридцати гиней. На футляре из орехового дерева была прикреплена медная пластина с надписью: «С благодарностью от А. У. 23 сентября, 1803». Шарпу не забыть пронзительных голубых глаз человека, вручившего ему подзорную трубу. «Помните, мистер Шарп, глаза офицера гораздо ценнее его сабли!»

Он раскрыл футляр и снял медную крышку, защищавшую линзы. Изображение заплесало; Шарп задержал дыхание, чтобы не дрожали руки, и стал медленно перемещать подзорную трубу. Вон там! Проклятая труба! Ни за что не хочет остановиться, скачет в руках как безумная.

– Пендлтон!

Юный стрелок примчался на мост и, следуя указаниям Шарпа, вспрыгнул на парапет, а потом присел так, чтобы Шарп мог положить подзорную трубу ему на плечо. Неожиданно у него перед глазами возник горизонт. Он чуть повел трубой вправо – ничего, кроме травы и чахлых кустов. В воздухе над пологим склоном повисло марево.

– Вы что-нибудь видите, сэр?

– А ну сиди смирно, черт тебя подери!

Шарп сосредоточил внимание на том месте, где белая пыльная дорога сливалась с небом. И, словно актер, неожиданно появляющийся из потайной двери на сцене, возникли всадники.

Пендлтон вскрикнул, изображение перестало быть четким, но Шарп снова наставил трубу на горизонт. Зеленая форма, с белой поперечной перевязью.

Лейтенант сложил трубу и выпрямился.

– Французские стрелки!

Испанские солдаты начали переговариваться, подталкивать друг друга и показывать на вершину холма. Шарп в уме разделил линию пополам, потом еще раз и сосчитал далекие силуэты, сгруппировав их пятерками.

Подъехал Леннокс:

– Человек двести?

– Похоже на то.

Леннокс схватился за рукоять сабли:

– Ну, с таким количеством мы справимся! – В его голосе звучало презрение.

Возникла вторая линия всадников. Шарп снова открыл подзорную трубу и положил ее на плечо Пендлтона. Появление французов получилось весьма эффектным; две линии кавалерии, в каждой по двести человек, медленно направлялись в сторону моста. Шарп видел карабины на плечах солдат, а на крупе каждой лошади – мешок с кормом.

Он снова выпрямился и сказал Пендлтому, что тот может спрыгнуть с парашюта.

– Они собираются сражаться, сэр? – Как и Ленноксу, пареньку не терпелось схватиться с французами.

Шарп покачал головой:

– Они не станут подходить близко. Просто хотят на нас посмотреть. Атака им ничего не даст.

Когда Шарп сидел в тюрьме Типу вместе с Лоуфордом, лейтенант пытался научить его играть в шахматы. Однако ничего у них не вышло. Они постоянно забывали, какой камешек обозначает ту или иную фигуру, а охрана посчитала, что пленники расчертили пол на квадраты, чтобы заняться колдовством. Их избили и заставили стереть клетки доски. Но Шарп запомнил слово «пат».

Сейчас они оказались именно в таком положении. Французы ничего не могли поделать с британской пехотой, а те, в свою очередь, были не в состоянии нанести французам существенного вреда. Симмерсон переводил последнюю часть батальона через мост, мимо разозленного Хогана и его снаряжения, но количество солдат, которыми располагали союзники, роли не играло. Кавалерия перемещается слишком быстро, пехоте англичан их не достать. А стоит кавалерии пойти в наступление, их расстреляют в упор; и даже если какая-то часть уцелеет, лошади все равно свернут в сторону перед плотными шеренгами пехоты. Сегодня сражения не будет.

Однако Симмерсон считал иначе. Он радостно взмахнул обнаженной саблей и сказал Ленноксу:

– Они у нас в руках! Сейчас мы им покажем!

– Да, сэр, – мрачно отозвался Леннокс.

– Неужели этот болван не понимает, что они не собираются на нас нападать? – пробормотал себе под нос капитан. – Или он думает, что мы будем бегать за ними по полю, как корова, преследующая лису? Проклятье! Мы же все сделали, Шарп, мост заминирован. Нужен час, не меньше, чтобы вся компания перешла через него назад, на другой берег.

– Леннокс! – Симмерсон был в своей стихии. – Постройте роту на левом фланге! Рота мистера Стеррита будет охранять мост, и, если вы не возражаете, я одолжу у вас мистера Гиббонса, он будет моим адъютантом.

– Моя потеря, ваш выигрыш. – Леннокс улыбнулся Шарпу. – Адъютант! Он думает, что принимает участие в Бленхеймской⁴ битве!.. А вы что станете делать, Шарп?

– Меня не пригласили. – Шарп ухмыльнулся. – Я понаблюдаю за вашими героическими победами. Желаю хорошо развлечься!

Кавалерия остановилась в полумиле и выстроилась поперек дороги; лошади принялись лениво помахивать неподрезанными хвостами, отбиваясь от назойливых мух. Шарпу было страшно любопытно, что думают французы о зрелище, разворачивающемся у них перед глазами: испанцы неуклюже наступают, выстроившись в неровные шеренги по четыре – восемьсот солдат, – окружая плотным кольцом свои знамена, маршируют навстречу французским всадникам, в то время как на мосту готовятся к наступлению еще восемьсот пехотинцев.

Симмерсон собрал ротных командиров, и Шарп услышал, как он отдает приказы. Южный Эссекский должен был выстроиться в шеренги по четыре, как и испанцы, и следовать за ними.

– Джентльмены, мы посмотрим, что станет делать враг, и будем действовать соответственно! Развернуть знамена!

Леннокс подмигнул Шарпу. Два бездарных полка пехоты думают, что могут атаковать всадников, которые, несмотря на то что их всего четыреста, спокойно уйдут от преследования и лишь посмеются над бессмысленными усилиями противника. Какая-то дурацкая комедия!..

Командир французов, по всей вероятности, глазам своим не верил, настолько странным было происходящее. Впрочем, вернувшись к своим, он сможет рассказать весьма забавную историю.

Шарпу было любопытно, как поведет себя Симмерсон, когда наконец сообразит, что французы не собираются нападать. Скорее всего, полковник заявит, что напугал врага и заставил его отступить.

Прапорщики сняли кожаные чехлы со знамен Южного Эссекского и развернули их. Знамена придали полку удивительно бравый вид, и хотя все это напоминало фарс, Шарп вдруг почувствовал, что в груди у него возникает ощущение необъяснимой силы. Сначала на ветру затрепетало королевское знамя – великолепное полотнище, в центре которого был изображен номер полка. Затем собственный штандарт Южного Эссекского – желтое знамя с крестом и вышитым в верхнем углу британским флагом. Невозможно было видеть эти флаги, освещенные утренним солнцем, и не почувствовать стеснения в груди. Они – полк; и даже если на поле битвы останется лишь горстка солдат, а остальные погибнут, полк не прекратит своего существования до тех пор, пока гордо, назло врагу, на ветру развевается его флаг. Знамена помогали солдатам ориентироваться в дыму и хаосе битвы, но на самом деле они представляли нечто большее; немало людей отказалось бы сражаться, если бы речь шла только об английском короле, но они до последней капли крови дрались за эти знамена, за честь своего полка, за старые потрепанные флаги, которые и стоили-то всего несколько гиней, – их несли самые молодые прапорщики, охраняемые ветеранами-сержантами с длинными острыми пиками в руках. Шарп знал не меньше десятка солдат, которые несли знамена в битву, заменяя погибших, подхватывали из немеющих рук флаги, хотя им было прекрасно известно, что тем самым они становятся мишенью для врага. Честь – вот что самое главное. Флаги Южного Эссекского были ослепительно новыми, а на знамени полка отсутствовали знаки отличия – следы от пуль и шрапнели, – но стоило Шарпу увидеть их, как безумная затея Симмерсона превратилась в дело чести.

Южный Эссекский следовал за своими знаменами туда, где его ждал враг. Фронт британского полка, как и испанского, составлял сто пятьдесят ярдов. Все четыре шеренги ошетинились штыками, офицеры скакали рядом на лошадях или шли в строю с обнаженными саблями.

Испанцы остановились, пройдя четыреста ярдов вверх по дороге, и Симмерсону ничего не оставалось, как последовать их примеру, чтобы выяснить намерения союзников.

⁴ Война за испанское наследство – 1704 год.

Хоган подошел к Шарпу и кивнул в сторону обоих полков:

– Не собираетесь присоединиться к сражению?

– Я думаю, это частная вечеринка. Капитан Стеррит и я охраняем мост.

Стеррит, отличавшийся кротостью нрава, нервно улыбнулся Шарпу и Хогану. Как и полковника Симмерсона, капитана смущал вид этих солдат-ветеранов, в глубине души он боялся, что противник может оказаться таким же жестким и безрассудным, как этот стрелок или инженер.

Хоган вытирал руки куском тряпки, и Шарп спросил, закончил ли он работу.

– Да, дело сделано. Десять бочек с порохом заложены под мост, вставлены запалы и все замаскировано. Как только наши храбрые солдаты уйдут отсюда к дьяволу, я смогу проверить, сработает эта штука или нет. Ну, что здесь происходит?

Испанцы образовали каре. Хороший батальон мог перестроиться за тридцать секунд; испанцам потребовалось на это в четыре раза больше времени. Каре – самое подходящее построение, если в атаку идет вражеская кавалерия, но французы явно не были идиотами и не собирались нападать на противника, настолько превосходившего их числом, так что маневры испанцев не имели никакого смысла.

Шарп наблюдал за тем, как офицеры и сержанты стараются побыстрее выровнять строй, – квадрат у них получился довольно кривой, но они остались довольны результатом. Шарп вспомнил про трех женщин. Среди испанцев их не было, и, оглядевшись по сторонам, он заметил, что они образовали на берегу реки довольно живописную группу. Одна женщина перехватила взгляд лейтенанта и помахала ему рукой в перчатке.

– Нам еще повезло, что у французов нет пушек.

Хоган поднял брови:

– А я и забыл про этот слух. Здесь было бы даже слишком жарко.

Для пехоты нет ничего хуже, чем воевать против артиллерии в сочетании с кавалерией. Пехота, построенная в каре, может не опасаться атак конницы; всадники скачут вдоль рядов, но не в силах причинить врагу никакого вреда. Однако стоит появиться артиллерии, как каре превращается в гибельную ловушку. Шрапнель моментально проделает страшные бреши в рядах пехотинцев, а кавалерия ринется в образовавшееся свободное пространство – судьба такой битвы будет быстро решена. Шарп посмотрел вдаль – артиллерии не видно.

Симмерсон наблюдал за тем, как испанцы строятся в каре. Он был явно озадачен. Сэр Генри, похоже, считал, что если он не в состоянии атаковать французов, то французы должны обязательно напасть на него. А тут наступила какая-то необъяснимая пауза. Испанцы построились несколько правее дороги; Симмерсон отдал приказ, и Южный Эссекский с великолепной точностью продемонстрировал, слева от дороги, как должен батальон перестраиваться из шеренг в каре. Шарп видел, что французские кавалеристы насмешливо захлопали в ладоши.

Теперь образовалось два каре, причем испанское находилось ближе к французам, однако кавалеристы по-прежнему не двигались с места. Прошло некоторое время. Солнце поднималось все выше и выше, воздух над полем плавился от жары, лошади французов опустили головы и начали пощипывать траву. Капитан Стеррит, охранявший со своей ротой мост, жалобно спросил:

– Почему они не атакуют?

– А вы бы стали? – спросил Шарп.

Стеррит смутился. И Шарп прекрасно понимал почему. Симмерсон выглядел ужасно глупо, он двинулся вперед с обнаженной саблей и развернутыми знаменами, а противник явно не собирался сражаться. Теперь его солдаты, как выброшенный на берег кит, заняли бессмысленную оборонительную позицию. При таком построении было совершенно невозможно выйти на марш; первый ряд мог двинуться вперед, но шеренгам, образующим боковые стороны, необходимо развернуться – вот тут-то противник и бросится в атаку. Симмерсон хотел

выступить вперед, однако боялся, что ему не удастся сохранить стройность рядов. Конечно, он мог снова перестроить батальон в шеренги, но тогда зачем было каре? Поэтому он остался стоять на месте, а французы с любопытством наблюдали за ним, не понимая, чем вызвано столь странное поведение неприятеля.

– Кто-то должен принять решение! – недоуменно хмурился капитан Стеррит.

Не такой он представлял себе войну! Победа и слава, а не унижение вроде этого.

– Кое-кто и принял решение. – Хоган кивком показал на Южный Эссекский.

От каре отделился отряд всадников и поскакал галопом в сторону моста.

– Лейтенант Гиббонс. – Стеррит поднял руку, приветствуя племянника полковника, остановившего свою лошадь на полном скаку.

Лицо лейтенанта, который отлично понимал серьезность момента, было суровым. Не слезая с лошади, он посмотрел на Шарпа сверху вниз:

– Вас требует к себе полковник.

– Зачем?

– Полковник вас требует. Немедленно! – Гиббонс казался удивленным.

Хоган кашлянул, привлекая к себе внимание.

– Лейтенант Шарп находится у меня в подчинении, – вмешался он. – Зачем он понадобился полковнику?

– Нам необходим отвлекающий маневр. – Гиббонс показал рукой в сторону неподвижных шеренг французов. – Чтобы заставить французов вступить в бой.

– И как далеко от каре я должен отвести своих людей? – Шарп говорил спокойно, с непривычной мягкостью в голосе.

Гиббонс пожал плечами:

– Чтобы кавалерия бросилась в атаку. Поторопитесь!

– Я не сдвинулся с места. Это безумие!

– Прошу прощения, я не понял. – Гиббонс изумленно уставился на Шарпа.

– Я не поведу своих людей на верную смерть. Если мы удалимся более чем на пятьдесят ярдов от каре, французы затопчут нас, как зайцев. Вы что, не знаете – маленьким отрядам не под силу сражаться с кавалерией.

– Так вы идете, Шарп? – Слова Гиббонса звучали так, словно это был ультиматум.

– Нет.

Лейтенант повернулся к Хогану:

– Сэр? Вы отдадите приказ лейтенанту Шарпу?

– Послушайте, дружище. – Шарп заметил, как резко усилился ирландский акцент Хогана. – Передайте полковнику, что чем быстрее он вернет батальон обратно на эту сторону реки, тем быстрее я смогу проделать в мосту дыру, и мы все вернемся домой. Нет, я не отдам приказ лейтенанту Шарпу совершить самоубийство. До свидания, сэр.

Гиббонс резко развернул лошадь, вонзил ей в бока шпоры, крикнул что-то неразборчивое Шарпу и Хогану и, подняв клубы пыли, ускакал галопом в сторону бесполезного каре Южного Эссекского полка. Стеррит, лицо которого побелело, повернулся к ним:

– Вы не имеете права отказываться от выполнения приказов!

Тут терпение Хогана лопнуло. Шарпу никогда не приходилось видеть, чтобы маленький ирландец терял самообладание, но на сей раз Хоган разозлился по-настоящему.

– Вы что, ни черта не понимаете? Неужели вам не ясно, что предлагалось Шарпу? Да стрелков бы порубили как капусту! Господи! О чем только этот человек думает?!

Стеррита смутила вспышка ярости со стороны Хогана. Он попытался успокоить инженера:

– Но ведь надо же кому-то что-то предпринять.

– Вы совершенно правы. Южному Эссекскому следует вернуться сюда и перестать тратить время попусту.

Кто-то из солдат роты Стеррита фыркнул. Шарп почувствовал, что тоже теряет терпение. Сейчас ему было не важно, кто командует этими людьми.

– Молчать!

Воцарилось неловкое молчание. Его нарушал лишь смех трех испанок.

– Мы можем начать с них.

Хоган повернулся к женщинам и что-то крикнул по-испански.

Они посмотрели на него, переглянулись, но он повторил свое требование. Женщины неохотно подчинились и, не слезая с лошадей, проехали мимо стрелков и офицеров обратно на северный берег.

– Теперь по крайней мере хотя бы трое перешли этот чертов мост. – Хоган бросил взгляд на небо. – Наверное, уже перевалило за полдень.

Французам, должно быть, необычное представление тоже наскучило. Шарп услышал звук трубы, кавалерия построилась в четыре эскадрона. Они все еще стояли лицом к мосту; передний эскадрон находился примерно в трехстах ярдах за каре испанцев. Вместо того чтобы выстраиваться в две длинные шеренги, французы четко встали в ряды по десять, их командир насмешливо отсалютовал испанскому и английскому каре саблей и отдал приказ. Лошади перешли на рысь, по дуге поскакали в сторону испанцев, затем развернулись и помчались прочь, на восток, в сторону холмов, где должны были воссоединиться с армией маршала Виктора, дожидавшейся наступления Уэлсли.

Катастрофа разразилась в тот момент, когда французы находились в ближайшей точке от батальона де ла Санта Мария. От разочарования или из гордости полковник испанцев приказал открыть огонь. И мушкеты начали стрелять – но пули, естественно, не достигали цели. Оптимальная эффективность мушкетного огня – пятьдесят ярдов; на расстоянии двухсот ярдов, отделявших испанцев от французов, стрельба из мушкета – пустая трата сил. Шарп увидел, что у французов упало лишь две лошади.

– О господи! – громко проговорил он.

Все остальное легко просчитывалось. Испанцы произвели залп, теперь им потребуется по меньшей мере двадцать секунд, чтобы перезарядить оружие. За это время лошадь может покрыть огромное расстояние.

Французский полковник не колебался ни секунды. Он отдал приказ, снова запела труба, и с удивительной четкостью французы развернулись – теперь они выстроились в десять рядов, по сорок всадников в каждом. Первые две шеренги с саблями наголо помчались вперед, остальные рысью двинулись за ними. Французам по-прежнему не было особого резона вступать в сражение. Пехотное каре, даже с разряженными мушкетами, слишком серьезный противник для кавалерии. Солдатам нужно лишь сохранить строй и выставить вперед штыки – лошади свернут в сторону и поскачут вдоль шеренг, попадая под огонь заряженных мушкетов с другой стороны каре.

Шарп пробежал несколько шагов. Он вдруг понял, что сейчас произойдет. Испанские солдаты испугались и дрогнули. Они только что сделали оглушительный залп, однако враг стремительно мчался прямо на них, сквозь клубы мушкетного дыма; оскалив зубы, неслись вперед лошади, с громкими воплями, размахивая саблями, привстали на стременах всадники.

Как бусины с лопнувшего ожерелья, испанцы разбежались в разные стороны. Французы бросили вперед еще две шеренги кавалеристов, когда первая врезалась в массу подавленных панике испанцев. Опускались и взлетали в воздух сабли, окрашенные кровью. Всадники буквально прорубали себе дорогу в каре, лошади с трудом пробивались сквозь массу вопящих от ужаса людей. Третья шеренга французов перестроилась и помчалась вдогонку за испанцами,

которые побежали, пытаясь спастись. Побросав мушкеты, они устремились в сторону Южного Эссекского.

Французы перемешались с ними, теперь они скакали среди бегущих людей, убивая испанцев, потерявших от ужаса разум. Изготовились к атаке и новые, свежие ряды конницы. Клинки французов неумолимо крушили врага. Группы испанских солдат выскакивали из мясорубки; бросая знамена, они искали спасения у британского каре. Южный Эссекский не видел всего, что произошло, в клубах пыли солдаты смогли разглядеть лишь приближающихся испанцев и отдельных французских всадников.

– Огонь! – забыв обо всем, повторял Шарп. – Огонь, проклятый идиот!

У Симмерсона был только один шанс на спасение. Он должен был расстрелять испанцев, в противном случае беглецы расстроят ряды его собственного каре, а вслед за ними туда проникнет французская конница.

Полковник не сделал ничего. Со стоном Шарп наблюдал за тем, как испанцы добрались до рядов англичан в красных мундирах и, отталкивая штыки, стали проникать внутрь. Южный Эссекский расступился, пропуская обезумевших людей, но в этот момент первый француз уже подскочил к позиции англичан, взмахнул саблей, и в следующий миг мушкетная пуля выбила его из седла. Шарп видел, как от многочисленных ран покачнулась лошадь и рухнула на бок, сбив с ног сразу нескольких пехотинцев. Тут, нанося саблей удары направо и налево, в образовавшуюся брешь нырнул другой всадник, его постигла та же участь. Однако все было кончено. Французы прорвались, каре перестало существовать, англичане смешались с испанцами и побежали. На этот раз бежать можно было только в одном направлении. К мосту.

Шарп повернулся к Стерриту:

– Отведите свою роту с дороги!

– Что?

– Быстрой! Не теряйте времени! Если рота останется на мосту, ее сметут беглецы.

Стеррит сидел на своей лошади и бессмысленно таращился на Шарпа, потрясенный развернувшейся у него перед глазами трагедией.

Шарп повернулся к солдатам:

– Сюда! Быстро!

Харпер, конечно же, оказался на месте. Вот человек, на которого всегда можно было положиться!.. Шарп побежал первым, солдаты последовали за ним, а сержант следил за тем, чтобы приказ был исполнен. В сторону от дороги и вниз, к берегу реки.

Шарп увидел рядом с собой Хогана.

– Вернитесь, сэр!

– Я пойду с вами!

– Нет, вам нельзя. Кто тогда взорвет мост?

Хоган исчез. Не обращая внимания на хаос, царивший справа, Шарп бежал вниз по берегу, считая шаги. Через шестьдесят шагов он решил, что этого достаточно. Стеррит исчез. Шарп повернулся к солдатам:

– Стоять! В три шеренги!

Его стрелки уже заняли позицию, им не требовалось никаких приказов. У себя за спиной Шарп слышал крики, отдельные мушкетные выстрелы, но все заглушал грохот копыт и свист сабель.

Он не оглянулся. Солдаты из Южного Эссекского смотрели мимо него.

– Смотреть на меня!

Они перевели на него глаза.

– Вам не грозит опасность. Только делайте то, что я скажу. Сержант!

– Сэр!

– Проверь кремни.

Харпер хмыкнул. Людей из роты Стеррита следовало успокоить, заставить думать о чем-нибудь знакомом, и огромный ирландец прошел по рядам, вынуждая солдат оторвать глаза от страшного зрелища и осмотреть свои мушкеты. Один из пехотинцев, белый от страха, поднял глаза на могучего сержанта.

– Что с нами будет?

– Что будет? Ты наконец сможешь отработать свои деньги, парень. В бою. – Харпер проверил кремень в замке мушкета. – Болтается, как сиськи у бабы, приятель, подтяни-ка его!

Сержант окинул взглядом ряды солдат и рассмеялся. Шарп сумел спасти восемьдесят мушкетов и тридцать штуцеров. Теперь французам, да благословит их Господь, придется сражаться по-настоящему.

Глава седьмая

Это была бойня. Всего лишь четыре минуты назад стройные шеренги пехотинцев – тысяча шестьсот человек – во главе с офицерами стояли в поле, теперь же большая их часть мчалась к мосту. Солдаты побросали мушкеты, ранцы, все, что мешало бежать и, следовательно, приближало страшные сабли французской кавалерии.

Командир французов хорошо знал свое дело. Он направил часть людей вдогонку за беглецами, не давая им свернуть в сторону, причем делал все спокойно и четко, как на тренировочном плацу. В результате огромная масса пехотинцев сгрудилась у входа на мост, где они становились легкой добычей всадников. Другая часть конницы была брошена против остатков британского каре – маленькой группы солдат, отчаянно сражавшихся у знамени полка, но Шарп видел, что у французов остаются в резерве еще две кавалерийские шеренги, – они вступят в бой, если пехота англичан придет в себя.

Нет никакого смысла охранять мост. Он и так защищен от французов массой столпившихся там солдат. Шарп прикинул, что около тысячи людей устремились к мосту, по которому едва ли может проехать повозка, запряженная мулами. Тягостное зрелище. Шарпу и раньше приходилось сталкиваться с паникой на поле битвы, но ничего подобного он в жизни не видел. Менее сотни всадников вселили ужас в души тысячи пехотинцев. Толпа на мосту не могла продвинуться вперед, задние ряды напирали слишком сильно, испанцы и англичане отчаянно толкались, дрались, царапались, надеясь спастись от гусар, сабли которых несли смерть. Даже те, кому удалось попасть на мост, не могли считать себя в безопасности. Шарп видел, как многие попадали в воду, – в мосту были дыры, а кое-где Хоган приказал снять перила.

У французов не было ни единого шанса пробиться сквозь этот живой заслон; да они и не пытались захватить мост. Их главная задача заключалась в том, чтобы поддерживать панику, охватившую врага, не дать ему перегруппироваться и повернуться к гусарам лицом, оцетинившись мушкетами со штыками. Всадники даже начали проявлять некоторую апатию. Шарп заметил, как один из гусар подгоняет бегущих, нанося удары плоской частью клинка. Не так-то легко убить человека саблей, в особенности если он повернулся спиной и не сбросил ранец. Неопытные кавалеристы наносили впечатляющие удары, сверкающие клинки описывали широкие дуги, а сбитые с ног солдаты с удивлением обнаруживали, что пострадали лишь их ранцы и мундиры. Ветераны же дожидались того момента, когда оказывались на одном уровне со своей жертвой, а потом наносили удар назад, стараясь попасть в незащищенное лицо, и Шарп знал, что раненых будет гораздо больше, чем убитых, причем ранения окажутся страшными, глубокими, до самой кости.

Нет, сражаться следовало иначе. Знамена Южного Эссекского все еще развевались над головами солдат, но каре уже окончательно распалось. Англичане были вынуждены образовать нечто вроде кольца, всадники теснили их, и им пришлось отбиваться от сабельных ударов и копыт штыками и мушкетами. Совершенно безнадежная схватка. Французы бросили большую часть своих сил против этого маленького отряда; у них было мало шансов захватить мост, но внутри отчаянно сопротивлявшегося кольца находился куда более значительный приз – знамена. Для французов покинуть поле боя с захваченными знаменами противника означало стать героями, покрыть себя славой – о такой победе по всей Европе будут ходить легенды. Гусар, захвативший знамя, сам называет свою награду, будь то деньги, женщина или чин, поэтому всадники отчаянно пытались преодолеть сопротивление британцев. Южный Эссекский защищался с неменьшей решимостью, их силы подкрепляло фанатичное желание сохранить знамена. Потеря знамени – неслыханный позор.

Шарпу потребовалось всего несколько секунд, чтобы оценить обстановку; у него не было выбора, он должен был идти вперед, к знаменам, в надежде, что кольцо оставшихся в живых солдат продержится до тех пор, пока его рота сможет пустить в ход мушкеты и штыки.

Он повернулся к солдатам. Харпер снова оказался на высоте. Стрелки рассредоточились среди солдат роты Стеррита и старались успокоить ошалевших от ужаса людей. Закаленные солдаты в зеленых мундирах улыбались Шарпу. Солдаты в красных явно нервничали. Шарп заметил, что по краям роты Харпер поставил по взводу стрелков, ведь фланги будут самым слабым местом, только крепкие нервы и надежные штыки остановят фланговую атаку кавалерии. Два встревоженных лейтенанта оказались внутри этих маленьких фланговых отрядов, – как и другие люди роты Стеррита, они не сводили глаз с толпы, собравшейся возле моста. Им хотелось бежать, оказаться в безопасности на другом берегу, но тут Шарп заметил двух ветеранов-сержантов, которые уже не раз смотрели в глаза смерти и хладнокровно ждали приказа.

– Мы пойдем вперед, к нашим знаменам. – Шарп увидел, что лица некоторых солдат побелели от страха. – Вам нечего бояться. Во всяком случае, до тех пор, пока вы не покинули свою шеренгу. Понятно? Вы должны держать строй. – Он говорил просто, но с большим напором, тем не менее некоторые по-прежнему видели только беглецов на мосту. – Тот, кто покинет строй, будет расстрелян. – (Теперь на Шарпа смотрели все. Харпер ухмыльнулся.) – И никто не начнет стрелять без моего сигнала. Никто.

Они его поняли. Шарп снял с плеча ружье, бросил его Пендлтону и вытащил свой тяжелый палаш.

– Вперед!

Он сделал несколько шагов, прислушиваясь к командам Харпера, определяющего ритм наступления. Потом ускорил шаг. Времени оставалось совсем мало. По его расчетам получалось, что преодолеть первые двести ярдов будет несложно. Отряд двигался по открытому плоскому участку земли, здесь еще не было французских всадников. Самыми трудными окажутся последние сто шагов, когда роте придется держать ряды и одновременно перебираться через тела убитых и раненых, а французы поймут, какая опасность им угрожает.

«Интересно, – подумал Шарп, – сколько времени прошло после залпа испанцев? Наверное, всего несколько минут». Вдруг он снова ощутил, как его охватила знакомая отстраненность, – она исчезнет только после последнего залпа или сабельного удара. Шарп замечал самые незначительные детали; казалось, он стоит на месте, а пыльная, растрескавшаяся, высохшая земля сама движется у него под ногами. Он видел каждую бледную травинку, даже муравьев, спешивших куда-то по своим делам. Ему вдруг показалось, что сражение за знамена происходит где-то совсем далеко, звук был приглушенным, хотелось побыстрее сократить это расстояние. Душу охватило возбуждение, подъем, предчувствие близости битвы. Некоторые люди приходят в волнение от музыки, другие от денег, кто-то получает удовольствие от работы на земле, но инстинкты Шарпа обострялись именно в подобных ситуациях. Его влекла опасность боя. Он провел в армии половину жизни, хорошо знал трудности и несправедливость солдатской судьбы, не раз видел сочувствующие взгляды людей, чья работа позволяла им спокойно спать ночью, но ни одному из них не было суждено испытать ничего подобного. Шарп знал, что далеко не все солдаты чувствуют то же самое, иногда он даже стыдился своего восторга – но только в тех случаях, когда у него было время подумать, и никогда в такие моменты, как сейчас.

Французы все еще не могли прорвать оборону. Кто-то сумел организовать остатки британского каре: передняя шеренга встала на колени, поставив мушкеты прикладами в землю, так что клинки штыков оказались на уровне груди лошадей. Сабли безуспешно пытались отбросить мушкеты в сторону, повсюду слышались крики людей, ржание лошадей, ветер нес густые клубы дыма, за которыми регулярно вспыхивало пламя, но Шарп все еще видел развевающиеся знамена. Он шел вперед, продолжая сжимать в руке длинный клинок, а мимо проносились

кони, лишившиеся седоков, – часть французских солдат соскочила с лошадей, пытаясь в пешем строю разорвать ряды английской пехоты.

Офицер Южного Эссекского вывел свою лошадь из кольца, и шеренги мгновенно сомкнулись у него за спиной. Он давно потерял кивер, его лицо неузнаваемо изменилось под застывшей кровавой маской. Офицер пустил своего скакуна в галоп и вонзил тонкий прямой клинок в тело гусара. Сабля застряла. Шарп наблюдал за тем, как он дергает за рукоять, безумную ярость сменяет страх, а в следующий момент другой француз показал, как это следует делать, – его клинок вошел в грудь офицера, слегка повернулся, и англичанин рухнул на землю рядом со своей жертвой. Другой гусар, лишившийся лошади, рубанул наотмашь. Его противник парировал удар и сделал короткий выпад штыком; через мгновение француз был мертв. «Грамотно сработано, – подумал Шарп, – короткий удар, и все кончено».

Заиграл горн. Шарп посмотрел направо и увидел, что вперед выступил французский резерв. Лошади поскакали в сторону схватки, развернувшейся вокруг штандартов Южного Эссекского. Всадники не стали обнажать сабли, и Шарп сразу разгадал намерения французского полковника. Британское каре – точнее, то, что от него осталось, – продолжало держаться, и французы не могли справиться с ним своими легкими кавалерийскими саблями. Однако гусары, в отличие от обычной кавалерии, имели еще и карабины; теперь они планировали произвести залп с близкого расстояния, чтобы в рядах англичан образовалась брешь, сквозь которую прорвутся всадники.

Шарп ускорил шаг, хотя и знал, что рота не успеет добраться до знамен раньше резерва французов. Он в отчаянии наблюдал, как, четко подчиняясь приказу, французская кавалерия развернула коней, пропуская резерв, чтобы не оказаться под огнем своих же карабинов. Теперь всадники рысью прошли по телам раненых и убитых. Шарп заметил, что британцы лихорадочно заряжают мушкеты, обрезают костяшки пальцев о штыки, втыкают шомпола в дула... Но они опоздали.

Французы остановились, сделали залп, отвернули в сторону, давая возможность выстрелить второй шеренге. В ответ слышались отдельные мушкетные выстрелы, один из гусар упал на землю, по странной траектории пролетел шомпол – это какой-то ошалевший от ужаса солдат выстрелил из мушкета, не успев его как следует зарядить. Залпы французов сделали свое дело: в рядах красных мундиров образовалась здоровенная брешь, гусары устремились вперед, их цель – штандарты Южного Эссекского – была совсем близка.

Люди Шарпа уже шли по телам. Лейтенант наступил на английского солдата, голова которого была почти отсечена страшным ударом сабли, и услышал, как кого-то вырвало. Шарп вспомнил, что большинство рекрутов Южного Эссекского были новичками на войне и не представляли, что оружие может сделать с телом человека.

Оставшиеся в живых солдаты каре начали отступать навстречу роте Шарпа, теряя при этом строй. Лейтенант увидел, как знамя опустилось, а потом поднялось вновь. Английский офицер что-то кричал своим солдатам, уговаривая их продолжать сражаться, не поворачиваясь спиной к копытам лошадей и саблям врага.

Времени оставалось совсем мало. Французы спешили, пытались отшвырнуть штыки в сторону и пробиться к знаменам, к славе. А потом Шарпу пришлось заняться собственными проблемами. Он увидел, как французский офицер разворачивает своих людей; роту Шарпа наконец заметили, а французский командир понимал, что может сделать с плотной группой гусар, устремившихся к знаменам, сотня заряженных мушкетов. Он отвел часть людей назад, быстро построил их и бросил в сторону новой опасности. Однако ему удалось собрать не более дюжины всадников.

– Стой! – скомандовал Шарп.

Лейтенант повернулся спиной к всадникам. Он хорошо знал, сколько секунд у него осталось, а испуганным солдатам Южного Эссекского, которые в ужасе смотрели на офицера, необ-

ходимо было продемонстрировать, как может расправиться с кавалерией хорошо выученная пехота.

– Последняя шеренга! Кругом! – Шарп хотел обезопасить себя от атаки с тыла, на тот случай если французы успеют его обойти. Там находился Харпер. – Первая шеренга на колени!

И спокойно прошел через переднюю шеренгу, теперь оказавшись в безопасности. Лошади были уже в пятидесяти ярдах.

– Стрелять только средней шеренге! Только средней шеренге! Стрелки, придержите огонь! Только средний ряд! Цельтесь ниже! В живот! Мы их подпустим поближе! Ждать! Ждать! Ждать!

Клинки французов были обагрены кровью по самые рукоятки, лошади покрыты пеной, а лица всадников перекошены от ярости и жажды убивать. Победа над противником, в четыре раза превосходившим их числом, далась без труда, и сейчас гусарам казалось, что они способны на все. Дюжина французов мчалась на роту Шарпа, забыв об опасности, не сомневаясь, что эти британцы будут повержены так же легко, как и два огромных каре.

Шарп наблюдал за тем, как враг скачет галопом, как из-под копыт лошадей во все стороны летит земля. Он ждал, продолжая громко говорить спокойным, уверенным голосом:

– Ждем их! Ждем! Ждем!

Сорок ярдов, тридцать... В самый последний момент французский офицер сообразил, что наделал. Он попытался осадить свою лошадь, но это уже не имело значения.

– Огонь!

Гусары были уничтожены. Совсем небольшой залп, стреляли всего лишь две дюжины мушкетов, но с такого расстояния... Лошади рухнули на землю, а две из них остановились прямо перед первой шеренгой, всадников вышибло из седла, и они покатались по траве, в безумной путанице копыт, сабель и рук. В седле не осталось ни одного француза.

– Встать! Вперед!

Шарп снова пошел перед шеренгой, мимо окровавленных останков только что атаковавших их французов. Один из гусар еще был жив, он сломал ногу, когда упал с лошади, и теперь замахнулся на Шарпа саблей. Тот даже не стал поднимать свой клинок. Только ударил сапогом по запястью француза, и сабля отлетела в сторону.

Рота обошла убитых; нужно было спешить, сражение вокруг знамен заканчивалось, британцы отступали, гусары теснили их, нанося все более серьезные потери. Шарп увидел, что в дело пошли длинные пики сержантов, охранявших знамя. Один из них изо всех сил размахнулся, описал своим страшным оружием широкую дугу, пика ударила в голову лошади, та встала на дыбы и сбросила всадника, а кровь фонтаном брызнула из раны у нее на лбу.

После залпа французских карабинов дисциплина в британском каре была окончательно нарушена. Шарп не видел офицеров, они должны были находиться где-то в гуще сражения, но французы подобрались совсем близко к знаменам, и солдаты рассыпавшегося каре бежали в сторону Шарпа, под защиту его ошестинившейся штыками роты. Шарп направо и налево раздавал удары плоской частью клинка, кричал, чтобы солдаты уступили им дорогу. Ему пришлось остановиться, поскольку беглецы напирали со всех сторон; он даже поднял палаш вверх. Тогда Харпер принялся колотить беглецов прикладом ружья – огромный ирландец вынудил бегущих повернуть к флангам, где они могли присоединиться к роте Шарпа.

Вскоре путь был свободен, и Шарп устремился к знаменам. Кровь в его жилах пела от предвкушения битвы. Он не планировал штыкового удара, времени у них уже почти не осталось. Знамя покачнулось, лишь клинок офицера помешал французу ухватиться за древко, а потом штандарт рухнул на землю.

Шарп выкрикнул что-то неразборчивое. Он мчался вперед, его солдаты старались не отставать, спотыкались о поверженные тела, поскользывались в лужах крови. Спешившийся гусар бросился к Шарпу и размахнулся саблей. Лейтенант подставил свой клинок, сабля фран-

цуза сломалась. В следующий миг француз был поражен в шею и повалился ничком, а Шарп поспешил дальше.

Лошади загораживали знамена. Послышался треск ружейных выстрелов, рядом упал солдат. Шарп успел заметить, что Харпер, лицо которого перекосила ярость, стащил с коня гусара. Появился еще один всадник и бросил поводья, чтобы одним ударом покончить с Шарпом. Лейтенант успел рубануть прямо по морде лошади, которая встала на дыбы; гусар выпустил саблю, попытался увернуться, но лошадь рухнула на спину, придавив его своей тяжестью. Возле упавших знамен все еще оставалось несколько красных мундиров, окруженных всадниками, и Шарп увидел, как двое французоз спешились, чтобы голыми руками покончить с последними защитниками.

А потом красные мундиры окончательно исчезли, остались лишь гусары. Французозы вырвали знамена из рук мертвых солдат, и Шарп услышал победный клич. Он остановился и поднял над головой окровавленную саблю:

– Стой! Приготовиться к стрельбе!

Сам Шарп находился прямо на линии огня, поэтому бросился на землю, увлекая за собой сержанта Харпера, и одновременно отдал приказ открыть огонь. Залп прогремел у них над головами, и они сразу же поспешили вперед. Мушкетные пули покончили с французозами, флаги снова упали на землю; теперь их окружали тела англичан и французоз.

До знамен оставалось всего несколько ярдов, но с другой стороны к ним мчались новые всадники, – в надежде завладеть знаменами, французозы устремились туда, где уже сложил голову не один их товарищ. Шарп бросился вперед, ухватился за древко и потянул к себе знамя полка; ярко-желтое полотнище во многих местах было пробито пулями, и Шарп, воткнув палаш в чей-то труп, взмахнул древком, отбиваясь от всадников, словно это была самая обычная дубинка.

Королевское знамя оказалось слишком далеко. К нему устремился Харпер, но лошадь ударила его крупом и отбросила назад. В этот момент другая лошадь выскочила из-за огромного полотнища желтого шелка, сабля ударила в древко, во все стороны полетели щепки, седельная сумка всадника сбила Шарпа с ног. Он почувствовал запах лошади, увидел занесенное над своей головой копыто и, в обрамлении серебряной цепочки кивера, лицо французоза, склонившегося, чтобы вырвать знамя из его рук. Лейтенант изо всех сил вцепился в древко. Копыто опустилось совсем рядом с его лицом, лошадь рванула в сторону, всадник в последний раз дернул и отпустил древко. В этот момент Харпер ударил французоза огромной сержантской пикой прямо в спину, и, испустив последний вздох, гусар соскользнул на Шарпа.

Лейтенант оттолкнул тело в сторону. Знамя все еще оставалось у него в руках. Харпер размахивал пикой, не давая всадникам приблизиться. А где остальная рота? Шарп оглянулся и увидел, что к ним с Харпером бегут солдаты. Но как же медленно они бежали!..

Он поискал глазами палаш, нашел его и вытащил из трупа, в который перед этим воткнул. Всадники продолжали атаковать, заставляя своих упрямящихся лошадей взбираться на горы тел. Шарп что-то крикнул, Харпер подхватил его вопль, но врага на расстоянии удара не оказалось. Тогда лейтенант двинулся в сторону королевского знамени, которое лежало под двумя телами всего в пяти ярдах. Он поскользнулся, упал, тут же вскочил на ноги, но дорогу ему преградили трое спешившихся французоз с саблями в руках. Мгновенно рядом оказался Харпер. Один из гусар упал, пронзенный пикой, другого сразил Шарп, чей клинок отбросил саблю французоза, словно она была сделана из бумаги. Но третий вцепился в знамя, вытащил его из-под тел и протянул подоспевшему всаднику. Шарп и Харпер бросились вперед, пика вонзилась в спину гусара, однако тот успел сделать свое дело. Французоз схватил знамя за уголок и прищипорил лошадь.

И тут появились новые французоз, которые попытались отнять у двух стрелков знамя Южного Эссекского, их было так много!

– Не подпускай их, Патрик! Не подпускай!

Харпер что-то громко кричал и размахивал пикой, превратившись в неуязвимого Кухулина Красная Рука. Он стоял, возвышаясь над всеми и широко расставив ноги. Харпер бросал врагу вызов, предлагал французам подойти к нему поближе и найти свою смерть.

Шарп вытащил из-под мертвого тела знамя полка и, как копье, бросил его в сторону приближающейся роты. Знамя упало среди английских солдат, теперь оно было в безопасности.

Харпер по-прежнему стоял немного впереди, яростно рыча на врагов, приглашая их сразиться, но бой заканчивался. Шарп с палахом в руке встал рядом с сержантом, а французы отступили, нашли лошадей и вскочили в седла, собираясь вернуться к своим. Один из них оглянулся, посмотрел на двух стрелков и поднял в мрачном салюте окровавленную саблю. Шарп в ответ взмахнул алым палахом.

Кто-то хлопал его по спине, люди кричали так, словно он одержал грандиозную победу, в то время как на самом деле Шарп лишь подсластил горечь поражения. И вот уже собралась вся рота. Британские солдаты стояли среди трупов и смотрели, как гусары уносят свою добычу. Не было никакой надежды вернуть королевский стяг – французы успели удалиться на триста ярдов, их окружили плотным кольцом торжествующие всадники, начался их долгий марш через Пиренеи, который закончится в Париже, где ликующая толпа станет приветствовать героев, а знамя займет место среди итальянских, прусских, австрийских, русских и испанских штандартов – символов французских побед в Европе.

Шарп смотрел вслед удаляющемуся знамени и чувствовал, как его охватывает стыд. Французы уносили и два испанских флага, но это Шарпа нисколько не волновало. Его собственная репутация и честь солдата были запятнаны тем, что французы захватили королевское знамя; была задета его гордость.

Он коснулся локтя Харпера:

– С тобой все в порядке?

– Да, сэр. – Сержант тяжело дышал, продолжая сжимать в руках забрызганную кровью пикку. – А вы как?

– Я в порядке. Отлично сработано. Спасибо тебе.

Харпер тряхнул головой, словно отбрасывая комплимент, и улыбнулся лейтенанту:

– Такое нечасто бывает, сэр. Во всяком случае, одно знамя мы отбили.

Шарп повернулся, чтобы посмотреть на флаг. Он развевался над ротой, пробитый пулями и покрытый кровью, утраченный и вновь обретенный. Рядом стоял Лерой, угрюмый, замкнутый капитан Лерой, про которого Леннокс как-то сказал, что это второй приличный человек в батальоне. Его лицо было залито кровью, и Шарп пробрался к нему сквозь ряды солдат.

– Сэр?

– Вы молодец, Шарп. Какая страшная бойня!

Голос капитана показался Шарпу странным, а акцент непривычным, но он вспомнил, что Лерой американец; один из немногих людей, что продолжали сражаться за свою прежнюю родину. Шарп показал на голову Лероя:

– Вы серьезно ранены?

– Да нет, просто царапина. А вот нога сильно пострадала.

Шарп опустил глаза и увидел, что бедро капитана залито кровью.

– Как это произошло?

– Я был возле знамен. Благодарение Богу, вы подоспели вовремя, хотя Симмерсон и заслужил потерять оба знамени. Ублюдок!

Шарп повернулся к мосту – ничего не было видно, потому что французы еще не покинули поля боя. Густые клубы дыма окутывали долину, тут и там слышались мушкетные выстрелы – кто-то организовал оборону. Вскоре трубы подали сигнал к отступлению, позвали французских стрелков назад к дороге, туда, где они выстроились вокруг своих трофеев.

«Им следует гордиться собой, – подумал Шарп. – Четыреста легких кавалеристов разбили два полка, захватили три знамени, а причиной всему – глупость и дурацкая гордость сэра Генри и испанского полковника. Интересно, где сейчас Симмерсон? Его не было с защитниками знамен, если только тело сэра Генри не лежит где-нибудь среди трупов».

Шарп спросил у Лероя:

– Вы видели Симмерсона?

– Одному Богу известно, что с ним случилось. Там был Форрест.

– Погиб?

– Не знаю. – Лерой пожал плечами.

– Леннокс?

– Я его не видел. Он был внутри каре.

Шарп оглядел долину. Его глазам предстало ужасающее зрелище. Там, где они стояли, где шло сражение за знамена, земля была усеяна телами погибших. Повсюду лежали раненые – они кричали, пытались сдвинуться с места, молили о помощи; рядом с ними судорожно били копытами лошади с окровавленными мордами.

Шарп нашел сержанта.

– Пристрелите лошадей, сержант.

– Сэр? – сержант тупо уставился на Шарпа.

– Пристрелите их! Быстро!

Он не мог видеть, как страдают раненые животные. Солдаты приставили мушкеты к головам лошадей, а Шарп принялся разглядывать своих стрелков.

– Все живы, сэр. – Харпер уже успел пересчитать солдат.

– Спасибо.

Никому из них не угрожала серьезная опасность до тех пор, пока они оставались в строю и не выпускали из рук штыков. Шарп вспомнил, что думал о том же, когда Южный Эссекский гордо вышагивал по полю под своими развевающимися новенькими знаменами. А теперь боевой дух Южного Эссекского сломлен.

Шарп попытался подсчитать потери. На поле боя осталось не больше тридцати или сорока французов – достаточно много, если вспомнить, что их было всего четыреста, но они покрыли имя своего полка славой и заставили британцев и их союзников понести солидные потери. Сто человек? Шарп посмотрел на горы тел. Весь путь к мосту был усеян погибшими солдатами – сколько их, сосчитать невозможно. Цифра получится большой, а ведь еще есть раненные, те, чьи лица изуродованы саблями французов, кто лишился зрения. Их отправят в Лиссабон, а потом на кораблях домой, где оставят на попечении бездушного общества, которое давно разучилось сочувствовать нищим инвалидам. Он содрогнулся.

Впрочем, дело не только в погибших и раненных. В самом первом бою у батальона Симмерсона отняли гордость. Шарп провел в действующей армии шестнадцать лет, не раз защищал знамена в самой гуще сражений и безжалостно орудовал штыком, стараясь добраться до вражеских штандартов. Он видел, как захваченные знамена торжественно проплывают под победные вопли над толпами, собравшимися на площадях и улицах больших городов, но впервые в жизни он стал свидетелем того, что британский флаг захвачен во время битвы. Шарп знал, как будут торжествовать враги, когда новый воинский трофей окажется в армии маршала Виктора. Очень скоро Уэлсли придется вступить в бой – не против четырех эскадронов французской кавалерии, это будет настоящее сражение, в котором машина смерти, артиллерия, почти не оставляет шансов на спасение, и французы пойдут вперед, зная, что однажды им уже удалось унижить британцев.

Шарп почувствовал, как у него рождается идея, такая невероятная, что он даже фыркнул, и юный Пендлтон, дожидаясь момента вернуть лейтенанту ружье, улыбнулся своему офицеру:

– Нам удалось, сэр! Мы сумели это сделать!

– Что сделать? – Шарпу очень хотелось как следует обдумать свою мысль, но у него было слишком много других забот.

– Спасли знамя, сэр. Разве нет?

Шарп посмотрел в юное лицо. После многих лет воровской жизни на улицах Бристоля лицо мальчика было истощенным и печальным, но глаза сияли, в них читалась отчаянная мольба, и Шарп улыбнулся:

– Да, мы это сделали.

– Я знаю, мы потеряли другое, сэр, но ведь мы не виноваты, правда, сэр?

– Нет. Если бы не мы, они лишились бы обоих флагов. Мы все здорово сделали!

– А вы и сержант Харпер, сэр... – Мальчик сиял, он говорил быстро, словно ему не терпелось поделиться своим восторгом. – Они вас боялись, сэр!

Шарп взял ружье и рассмеялся:

– Ну, не знаю, как сержант Харпер, но лично я тоже был напуган.

– Это вы только так говорите, сэр! – воскликнул Пендлтон.

Шарп улыбнулся ему и направился к мертвым телам. Как много еще нужно сделать: похоронить погибших, заняться ранеными. Он бросил взгляд в сторону моста. Сейчас там никого не было, беглецы с поля боя перебрались на противоположный берег и приступили к построению по ротам. Французы находились в полумиле, они тоже стояли строем и наблюдали за одиноким всадником, направившим свою лошадь к Шарпу.

«Вероятно, французский офицер, хочет обсудить условия перемирия, необходимого для сбора раненых», – подумал Шарп. Неожиданно он почувствовал, что страшно устал. Снова бросил взгляд на мост и попытался понять, почему Симмерсон еще не послал людей копать могилы, оказывать первую помощь и раздевать мертвых. На то, чтобы навести здесь порядок, уйдет целый день.

Шарп перекинул ружье через плечо и пошел навстречу французам, чья лошадь осторожно пробиралась между телами. Он приветственно поднял руку.

И в этот момент взорвался мост.

Глава восьмая

Мост не хотел разрушаться. Он соединял берега Тежу целых два тысячелетия, и старая каменная кладка неохотно сдавалась под ударами современных взрывчатых веществ. Центральная опора содрогнулась так, что это почувствовали Шарп и его рота, они быстро повернулись посмотреть, что произошло, – им навстречу поднялись клубы пыли и каменных осколков. На мгновение показалось, что древнее сооружение выстоит, камни вздыбились, начали медленно расползаться в разные стороны, но черная смертоносная пыль одержала наконец победу, и остатки моста взлетели к небесам в дыму и пламени. Пролет поднялся в воздух, повисел там несколько секунд, а затем рухнул в воду. Опора, две арки, сам мост – все было уничтожено мощным взрывом, который прокатился по плоской, заросшей травой равнине, вселив ужас в тех лошадей французов, что лишились всадников во время сражения, – они отчаянно заржали и принялись метаться по полю, словно искали поддержки у людей.

Над разрушенными арками клубилась древняя пыль и черный дым, от воды начал подниматься пар, камни, устилавшие русло реки, еще глубже погрузились на дно. Постепенно все стихло, река потекла дальше, грязный дым медленно, точно зловещая грозовая туча, уплыл на запад. Хоган наверняка остался доволен делом рук своих – из моста был вырван кусок размером примерно в сорок футов. Теперь Уэлсли может не беспокоиться – французская кавалерия не подберется к нему с юга.

А Шарп и его люди остались на другом берегу Тежу.

Капитан Лерой опустился на землю, и Шарп спросил, не попал ли в него случайный осколок, но капитан покачал головой:

– Нога. Не волнуйтесь, Шарп, я справлюсь. – Лерой кивнул в сторону дымящихся обломков моста. – Зачем, черт подери, они это сделали?

Шарпу и самому хотелось бы знать ответ. Неужели произошла ошибка? Хоган, несомненно, дождался бы, пока Шарп и его рота в двести человек окажутся в безопасности, и только потом поджег бы запалы. Лейтенант посмотрел на противоположный берег реки, но понять, что там происходит, с такого расстояния было просто невозможно. Солдаты построились по ротам, Шарпу показалось, что он видит Симмерсона на сером коне, в окружении других офицеров. Все не сводило глаз со взорванного моста.

– Сэр, сэр! – Шарпа звал Гэтейкер, стрелок из его маленького отряда.

Прибыл капитан гусар, загорелое лицо которого украшали роскошные черные усы. Шарп подошел к нему и лихо отсалютовал. Француз ответил на приветствие и показал на тела погибших и раненых:

– Поздравляю вас, мсье, вы сражались великолепно. – Он отлично говорил по-английски, вежливо и с уважением.

Шарп кивнул.

– Мы вас тоже поздравляем. Вам удалось одержать значительную победу, сэр. – Торжественные слова печально не соответствовали тому, что их окружало.

Удивительно, как могут люди сражаться с таким остервенением, а спустя всего несколько минут вести себя корректно, с подчеркнутой вежливостью, да еще и поздравлять друг друга. Французский капитан коротко улыбнулся:

– Благодарю вас, мсье. – Он помолчал немного, глядя на многочисленные трупы, устилавшие поле битвы. Когда капитан снова повернулся к Шарпу, выражение его лица изменилось – стало менее формальным, на нем появилось любопытство. – Зачем вы перешли реку?

– Я не знаю. – Шарп пожал плечами.

Не выпуская из рук поводьев, француз спрыгнул с коня.

– Вам не повезло. – Он улыбнулся Шарпу. – Однако вы и ваши люди отлично сражались. А теперь еще и это? – Он показал рукой на взорванный мост.

Шарп снова пожал плечами.

Гусарский капитан некоторое время смотрел на него.

– Возможно, вам еще больше не повезло с полковником?

Он говорил негромко, чтобы солдаты, стоявшие чуть в стороне, его не услышали. Шарп никак не отреагировал на слова француза, и тот развел руками:

– У нас такие тоже попадают. Приношу мои сожаления, мсье.

Их разговор становился слишком вежливым и доверительным. Шарп выразительно посмотрел на устилавшие поле тела.

– Вы хотите обсудить вопрос о раненых?

– Да, мсье. Не думаю, что у нас их очень много, но я бы хотел получить разрешение на осмотр этой части поля. А все остальное, – он учтиво поклонился Шарпу, – контролируем мы.

Француз был прав. Гусары разъезжали по полю битвы и ловили лошадей, лишившихся всадников. Кроме того, им досталось с полдюжины лошадей, потерянных офицерами Южного Эссекского, и Шарп знал, что во всей Испании они вряд ли смогут найти коней лучше этих. Однако что-то в словах капитана показалось Шарпу странным.

– В самом деле, сэр, вы уверены? – Шарп взглянул в карие доброжелательные глаза француза, который слегка пожал плечами.

– Мсье, ситуация изменилась. – Капитан показал рукой на взорванный мост. – Полагаю, вам будет не так-то просто перебраться на другую сторону реки. Вы со мной не согласны? – (Шарп кивнул, спорить было бы просто смешно.) – Я думаю, мсье, мой полковник захочет после некоторого перерыва возобновить сражение.

– Как только вы будете готовы, сэр, в любое удобное для вас время. – Шарп рассмеялся и показал на мушкеты, ружья, длинные штыки.

Француз рассмеялся в ответ.

– Я все узнаю и проинформирую вас. – Он вытащил часы. – Давайте договоримся так: у нас есть час на то, чтобы забрать раненых, хорошо? А затем продолжим.

Он не оставлял Шарпу выбора. За час его двести человек едва ли смогут собрать раненых англичан и испанцев, отнести их к мосту и придумать способ доставить на другой берег. Французы справятся гораздо быстрее. Шарп прекрасно понимал, что бессмысленно пытаться выторговать еще немного времени.

Капитан приготовился снова сесть на лошадь.

– Еще раз поздравляю вас, лейтенант. Вы согласны на наши условия? – (Шарп кивнул.) – Примите мои искренние сожаления. *Вонне chance!* – Он вскочил в седло и поскакал прочь.

Шарп оглядел свою новую роту. К ней присоединилось семьдесят солдат из разбитого каре. Конечно, старшим офицером оставался Лерой, но ранение вынудило капитана передать командование Шарпу. Было еще два лейтенанта: Ноулз из легкой пехоты и Джон Берри. Берри оказался толстячком с пухлыми губами; получив приказ подчиняться Шарпу, он сразу же поинтересовался, когда тому было присвоено звание, а потом принялся жаловаться, что его коня подстрелили. Шарп подозревал, что именно по этой причине Берри и остался здесь.

Солдаты, организованные в небольшие отряды, снимали с убитых мундиры, собирали брошенные мушкеты и делали примитивные носилки, на которых относили раненых к мосту. Половина людей работала там, где Шарп и Харпер отбили знамя полка, а остальные – у входа на мост, где тела образовали нечто напоминающее веер.

Французы быстро закончили со своими ранеными и начали осматривать место, где стоял испанский батальон. Конечно же, ими двигало не милосердие, а желание ободрать убитых и раненых. Британцы делали то же самое – и тут никто не мог помешать солдатам, таков закон войны: выжившие получают то, что уже никогда не понадобится погибшим.

Стрелки по приказу Шарпа собрали у погибших несколько дюжин мушкетов и запас патронов. На случай, если французы пойдут в наступление, Шарп планировал вооружить каждого стрелка тремя или четырьмя заряженными мушкетами и встретить кавалерию серией мощных залпов, которые уничтожат врага. Конечно, это не вернет королевское знамя. Оно потеряно навсегда – если только в отдаленном будущем английская армия не войдет в Париж и не получит назад военные трофеи французов.

Шарп шел по залитому кровью полю и думал о том, что французы вряд ли решатся продолжать сражение. Слишком уж большие потери они могут понести; возможно, гусары рассчитывают, что англичане сдадутся.

Шарп помог Лерою добраться до моста, усадил его так, чтобы капитан мог опереться спиной о перила, и разрезал белые бриджи. Бедро американца было прострелено, кровь все еще сочилась, но пуля прошла насквозь, и Шарп позвал Харпера, который, несмотря на очевидное отвращение Лероя, посадил своих червяков в рану, прежде чем забинтовать ее куском ткани, оторванной от рубашки погибшего солдата. Форрест остался жив; оглушенного, залитого кровью майора с зажатой в руке саблей нашли среди груды тел там, где шло самое ожесточенное сражение за знамена. Шарп усадил его рядом с Лероем. Пройдет еще некоторое время, прежде чем Форрест придет в себя, и Шарп сомневался, что майор, которому следовало быть священником, а не военным, сможет сегодня сражаться. Он поставил знамя рядом с ранеными офицерами так, чтобы огромное желтое полотнище было хорошо видно французам.

А что собираются делать его соотечественники, англичане? Дважды Шарп подходил к самому краю пролета моста и пытался докричаться до противоположного берега. Но люди там вели себя так, словно находились на другом конце света, и занимались своими делами, не обращая внимания на недавних товарищей.

Шарп в третий раз поднялся на мост.

– Эй! – До конца перемирия оставалось не более тридцати минут. Он снова закричал: – Эй!

Появился Хоган, помахал рукой и поднялся на мост со своей стороны. Шарп был рад снова увидеть инженера, только вот с формой капитана было что-то не так. Шарп не мог сообщить, в чем дело. Он показал на пролом между ними:

– Что произошло?

– Я тут ни при чем. – Хоган развел руки в стороны. – Симмерсон поджег запал.

– Господи, зачем?!

– А вы не догадываетесь? Испугался. Думал, что французы перейдут на нашу сторону. Мне очень жаль. Я пытался остановить его, но он велел меня арестовать. – Ирландец весело ухмыльнулся Шарпу. – Как и вас, кстати.

Шарп длинно и замысловато выругался. Хоган терпеливо ждал, пока он закончит.

– Я знаю, Шарп, знаю. Это самая натуральная глупость. Все из-за того, что мы отказались выполнить его приказ выдвинуть вперед стрелков, помните?

– Он думает, что его это спасло бы?

– Ему надо свалить на кого-то вину. Себя он виновным признавать не собирается, значит необходимо найти козла отпущения. – Хоган снял шляпу и почесал седеющую макушку. – Придется потерпеть, пока мы не соединимся с армией. Тогда можно будет забыть об этой глупости. Генерал разорвет его на части! Ни о чем не беспокойтесь!

Ситуация получилась довольно глупой – они обсуждали детали своего ареста, находясь по разные стороны реки, а под ними с ревом неслась вода.

Шарп показал рукой на раненых:

– А что делать с ними? У нас несколько дюжин раненых, французы собираются снова пойти в атаку. Нам необходима помощь. Что планирует полковник?

– Планирует? – Хоган покачал головой. – Сэр Генри – словно петух с отрубленной головой. Муштрует солдат, вот чем он занят. Каждый, кто потерял мушкет, может считать, что ему повезло, если он получит лишь три дюжины горячих. Этот ублюдок сам не знает, что делает!

– Господи, нам нужна помощь!

Хоган поднял руку:

– Я сказал ему, что необходимо найти древесину и веревки. – Капитан показал на сорокафутовый пролом. – Вряд ли нам удастся перекрыть мост, но мы можем сделать плоты. Однако здесь нет деревьев. Нужно послать людей!

– Он послал?

– Нет. – Больше Хоган ничего не добавил.

Шарп хорошо представлял себе, какая стычка произошла между Хоганом и Симмерсоном, он понимал: инженер сделал все, что мог.

Они еще немного поговорили о других офицерах, обменялись сведениями о погибших и раненых. Хоган спросил о Ленноксе, но Шарп ничего о нем не знал, – может быть, шотландец остался лежать в поле среди других погибших.

Послышался стук копыт, к мосту подскочил лейтенант Кристиан Гиббонс и остановился за спиной у Хогана. Светловолосый лейтенант посмотрел на инженера сверху вниз:

– А я думал, вы под арестом, капитан.

Хоган прищурился на заносчивого лейтенанта:

– Мне нужно было помочиться.

Шарп улыбнулся. Хоган помахал ему рукой, пожелал удачи и направился к лагерю, оставив Шарпа и Гиббонса на противоположных концах разрушенного моста. Форма лейтенанта была идеально чистой.

– Вы под арестом, Шарп, и я получил приказ сообщить вам, что сэр Генри требует отдать вас под трибунал.

Шарп расхохотался. Что еще он мог сказать в ответ?

Лейтенант пришел в ярость:

– Тут не над чем смеяться! Вы должны отдать мне саблю.

Шарп посмотрел на разделяющую их воду:

– Вы сами придете за ней, Гиббонс? Или желаете, чтобы я ее вам принес?

Гиббонс, казалось, не слышал вопроса. Он получил приказ и собирался довести дело до конца, чего бы это ни стоило.

– А еще вам приказано вернуть знамя полка.

В это было просто невозможно поверить. Шарп даже засомневался, правильно ли понял лейтенанта. Он стоял перед пролетом взорванного моста под палящим солнцем, из-за спины доносились стоны раненых солдат, а Симмерсон прислал своего племянника с приказом для Шарпа – сдать оружие и вернуть знамя.

– А почему был взорван мост?

– Это не ваше дело, Шарп.

– Нет, черт возьми, Гиббонс, это мое дело, потому что я нахожусь на этой стороне. – Он взглянул на элегантного лейтенанта, на форме которого не было ни пятнышка – ни земли, ни крови. Шарп не сомневался, что Симмерсон выглядит точно так же. – Вы что, собираетесь бросить раненых, Гиббонс? Я вас правильно понял?

– Будьте любезны, Шарп, возьмите знамя и перебросьте его через мост. – Лейтенант с отвращением взглянул на Шарпа.

– Уходите, Гиббонс. – Шарп посмотрел на него с не меньшим презрением. – Пусть ваш драгоценный дядюшка придет поговорить со мной, я не намерен иметь дело с его комнатной собачкой. Вас интересует, что будет со знаменем? Оно останется здесь. Вы его бросили, а я защищал. Мои люди отбили знамя, и оно будет с нами до тех пор, пока вы не поможете нам

перебраться через реку. Вы меня поняли? – Голос Шарпа зазвенел от гнева. – Так что отправляйтесь обратно к своему жирному пустомеле и передайте ему мой ответ! Он получит знамя только вместе с нами. И скажите ему, что французы снова собираются нас атаковать. Они хотят получить и это знамя тоже, поэтому я оставляю оружие себе, Гиббонс, чтобы мне не пришлось сражаться голыми руками! – Шарп обнажил свой тридцатидюймовый клинок. У него не было времени его почистить, и Гиббонс не мог отвести глаз от запекшейся на нем крови. – И еще, Гиббонс. Если хочешь получить мой палаш, давай, черт возьми, иди сюда и попробуй его у меня отобрать.

Он повернулся спиной к лейтенанту и зашагал назад к раненым и мертвым, туда, где его ждал обеспокоенный Харпер.

– Сержант?

– Мы нашли капитана Леннокса, сэр. Он совсем плох.

Шарп последовал за Харпером. Они пробирались между рядами раненых, которые молча провожали их глазами. Шарп практически ничего не мог для них сделать! Перевязать раны – да, но никакой возможности облегчить страдания. Необходимы бренди, врач, помощь.

Лицо Леннокса побелело и было перекошено судорогой боли. Но шотландец кивнул и ухмыльнулся, приветствуя Шарпа, который сел рядом с ним на корточки. Шарп вдруг почувствовал укол совести, когда вспомнил свои последние слова, сказанные капитану легкой пехоты всего в нескольких футах от этого самого места: «Желаю хорошо развлечься!»

Леннокс поморщился от боли и еще раз ухмыльнулся:

– Я же говорил, что он безумец, Ричард. А теперь еще и это. Я умираю.

– Вовсе нет. – Шарп покачал головой. – С вами все будет в порядке. Они сделают плоты. Мы отвезем вас домой, к врачу, и с вами все будет в порядке.

Теперь пришел черед Леннокса покачать головой. От резкого движения на него, видимо, накатил новая волна боли, капитан прикусил губу. Нижняя часть его тела была в крови. Опасаясь навредить, Шарп не стал трогать разорванную форму. Леннокс тяжело вздохнул:

– Не надо меня обманывать, Шарп, я умираю, это точно. – Шотландский акцент стал еще сильнее. Леннокс взглянул Шарпу в глаза. – Болван пытался заставить меня выдвинуться вперед, чтобы заманить французов.

– И меня тоже.

Леннокс медленно кивнул, а потом нахмурился:

– Я быстро вышел из строя. Какой-то ублюдок нанес мне удар саблей прямо в живот, а я ничего не смог сделать в ответ. – Леннокс снова поднял глаза на Шарпа. – Что произошло дальше?

Лейтенант рассказал. Рассказал, как испанцы расстроили английское каре, пытаясь спастись за его штыками, как оставшиеся в живых были сметены атакой французов, о залпе из карабинов и потере одного из штандартов. Когда он рассказывал о королевском знамени, Леннокс сморщился от боли. Позор ужалил его в сердце гораздо сильнее, чем страшная сабельная рана, которая должна была привести к скорой смерти.

– Сэр! Сэр! – Какой-то солдат звал Шарпа, но тот от него отмахнулся. Леннокс попытался что-то сказать, но солдат настаивал на своем: – Сэр!

Шарп повернулся и увидел, что к нему на рысях приближаются трое гусар. Должно быть, час прошел.

– Новые неприятности? – Леннокс слабо ухмыльнулся.

– Да. Но они могут подождать.

Рука Леннокса сжала плечо Шарпа.

– Нет. Это я могу подождать. Послушайте. Я хочу кое о чем вас попросить. Вас и вашего великана-ирландца. Вы вернетесь? Обещаете?

– Обещаю. – Шарп встал, удивленный тем, что ему пришлось вытереть глаза, и зашагал между ранеными туда, где его поджидали гусары.

Это был тот же самый капитан, что приезжал раньше; вместе с ним прискакали двое других – они с любопытством разглядывали поле битвы. Шарп отсалютовал, только сейчас сообразив, что продолжает держать в руке обнаженный палаш с запекшейся на нем кровью. Французского капитана передернуло, когда он взглянул на грязный клинок.

– Мсье.

– Сэр.

– Час прошел.

– Мы не успели собрать раненых.

Француз мрачно кивнул. Он бросил взгляд на поле битвы. Работы оставалось еще по меньшей мере на час, и только после этого Шарп сможет заняться мертвыми. Капитан повернулся к Шарпу и негромко заговорил:

– Я думаю, мсье, вам следует считать себя нашими пленниками. – Он взмахом руки остановил запротестовавшего Шарпа. – Нет, мсье, я все понимаю, вы можете перебросить знамя своим товарищам, мы не будем пытаться мешать, но ваше положение безнадежно. У вас гораздо больше раненых, чем солдат, оставшихся в строю. Вы не способны вести бой.

Шарп подумал о собранных мушкетах, каждый из которых был тщательно проверен и заряжен; с их помощью стрелки легко уничтожат французов, если те будут настолько глупы, что решатся пойти в атаку. Он слегка поклонился капитану гусар:

– Я ценю ваше великодушие, сэр, но вы очень скоро поймете, что я совсем не из того полка, чей штандарт вам удалось захватить. Я стрелок. И никогда не сдаюсь. – Немного бравады, решил он, не помешает.

Конечно, французский капитан блефовал; он был достаточно опытным воином и прекрасно понимал, что его люди не смогут разбить пехотное подразделение, если им будут грамотно командовать. Кроме того, он не сомневался: этот высокий стрелок с окровавленным клинком в руках сумеет повести в бой своих людей. Капитан кивнул, словно и не ожидал другого ответа.

– Мсье, вы должны были родиться французом. И иметь чин не меньше полковника!

– Сэр, я начинал рядовым.

На лице француза появилось удивление. Во французской армии подобное случалось, но гусарский капитан думал, что у англичан такое невозможно. Он приподнял свой кивер:

– Поздравляю. Вы достойный противник.

Шарп снова решил, что разговор становится слишком вежливым. Он со значением посмотрел на ряды раненых.

– Я должен продолжать свое дело, а если вы намерены нас атаковать... – Он отвернулся, но француз еще не закончил.

– Вы меня не поняли, лейтенант.

– Я все понимаю, сэр. Если не возражаете, я продолжу?

Капитан покачал головой:

– Мсье. Сейчас я говорю не о гусарах. Мы всего лишь... – Он немного помолчал, подбирая подходящее слово. – Авангард? Ваше положение, лейтенант, совершенно безнадежно. Поверьте, из меня плохой актер.

– Мне очень жаль, сэр, но я вас не понимаю.

Однако он очень быстро все понял. Краем глаза Шарп заметил движение на гребне холма, и не требовалась подозрительная труба, чтобы сообразить, что происходит. Лошади, лошади без всадников, дюжина – но Шарп прекрасно знал, что это означает. Пушка, французы привезли пушку, полевое орудие, которое легко сметет его маленький отряд. Он перевел взгляд на капитана, тот пожал плечами:

– Теперь вам ясно, лейтенант?

Шарп продолжал смотреть на линию горизонта. Одна пушка? Скорее всего, небольшая, так почему же только одна? Откуда она взялась? Неужели французы потратили столько сил, чтобы доставить сюда всего лишь одну пушку? Если у них не хватает лошадей, значит остальные орудия растянулись на многие мили. Вероятно, гусары сообщили своим, что натолкнулись на два полка пехоты и им в подкрепление послали пушку.

У Шарпа мелькнула новая идея. Он взглянул на капитана:

– Это не меняет дела, мсье. Вы второй человек за сегодняшний день, пожелавший забрать мое оружие. Вам я отвечу так же, как и тому, первому. Попробуйте отобрать его у меня.

Француз улыбнулся, поднял саблю и поклонился:

– С удовольствием, мсье. Я надеюсь, вы останетесь в живых и позднее окажете мне честь отобедать со мной. Хотя кормят здесь паршиво.

– В таком случае я рад, что не смогу воспользоваться вашим приглашением.

Шарп мысленно ухмыльнулся, глядя на гусарского капитана, а тот отдал какой-то приказ, и французы, развернув лошадей, поскакали вверх по склону. Для уличного ублюдка, сумевшего получить офицерский чин, он провел дипломатические переговоры просто мастерски!

Потом лейтенант вспомнил про Леннокса и торопливо зашагал обратно, пытаясь поймать ускользающую мысль. Еще столько всего нужно сделать, времени совсем не осталось, но он дал Ленноксу слово. Шарп оглянулся назад: по склону холма медленно съезжала пушка. У них есть еще полчаса.

Леннокс был жив. Он говорил тихо и очень быстро. Шарп и Харпер переглянулись, потом посмотрели на шотландца и обещали выполнить его последнюю просьбу. Шарп вспомнил мгновение на поле боя, когда французы увозили королевское знамя, и свою мысль, показавшуюся тогда бредовой.

– Я это уже обещал самому себе, – произнес он и сжал руку Леннокса.

– Я знаю, что могу на вас рассчитывать, – улыбнувшись, прошептал Леннокс. – Вы с Харпером справитесь, уверен.

Они оставили его умирать в одиночестве, у них не было выбора. Шотландец попросил еще только об одном – он хотел умереть с саблей в руке. Когда они отошли, сержант посмотрел на Шарпа:

– А мы сможем, сэр?

– Мы же обещали, верно?

– Да, только до сих пор никто ничего подобного не делал.

– В таком случае мы будем первыми! – В голосе Шарпа зазвучала ярость. – Давай, у нас куча дел!

Шарп не сводил глаз с приближающейся пушки, он не сомневался, что его идея работает. Замысел вряд ли можно было назвать безупречным, возникала масса вопросов, на которые не было ответов, и Шарп ставил себя на место врага, пытаясь эти ответы отыскать. Харпер видел, что лейтенант что-то задумал, заметил, как пальцы Шарпа сжимаются на рукояти сабли, и терпеливо ждал приказа.

Шарп в это время пытался оценить расстояние, углы, линии огня. Он был возбужден, потому что, несмотря на вражескую пушку, у них появилась надежда.

Шарп созвал лейтенантов и сержантов и, стукнув кулаком по открытой ладони, сказал:

– Слушайте...

Глава девятая

Время печали придет позже – время скорбеть о погибших, время подумать о том, что ты жив и не ранен, и более всего время пожалеть, что не смог остаться рядом с умирающим Ленноксом до конца. Шарп вынул из ножен палаш, в левую руку взял ружье и повернулся к ста семидесяти солдатам, выстроившимся в три шеренги поперек дороги:

– Вперед!

Пока они шли, Шарп мельком подумал о своем разговоре с Ленноксом. Удалось ли ему убедить умирающего капитана? Вероятно, да. Леннокс был настоящим солдатом, он прекрасно понимал, что у них очень мало времени; лейтенант Шарп не сомневался, что видел облегчение на лице шотландца. Сдержать обещание – это уже другое дело; сперва надо справиться с текущими проблемами.

Форрест шагал рядом, оба офицера шли немного впереди одинокого знамени, развевавшегося над небольшим отрядом. Майор явно нервничал.

– Как вы думаете, Шарп, у нас получится?

– Пока все идет прекрасно, майор. – Высокий стрелок ухмыльнулся. – Враг думает, что мы спятили.

Форрест настоял на том, чтобы участвовать в сражении, и ни за что не хотел оставаться с ранеными у моста. Он еще не совсем пришел в себя после удара по голове и отверг предложение Шарпа командовать отрядом во время следующего наступления французов.

– До сегодняшнего дня я не принимал участия в боях, Шарп, – сказал Форрест. – Если не считать того, что однажды мне довелось подавлять голодный бунт в Челмсфорде, – вряд ли это считается.

Шарп понимал, почему майор нервничает, и был благодарен за то, что Форрест поддержал его отчаянный, безумный замысел. Тем не менее чутье подсказывало Шарпу, что план сработает. Наблюдавшим за ними французам казалось, что небольшой британский отряд вознамерился совершить самоубийство, погибнуть геройской смертью, бросившись в абсолютно безнадежную атаку.

Форрест спросил жалобным голосом, почему враг продолжает сражаться, ведь они уже и так одержали достаточно серьезную победу. Однако французы наверняка знали, сколь малочисленна армия Уэлсли – всего лишь немногим больше двадцати тысяч человек. Если они смогут уничтожить Южный Эссекский, британская пехота лишится одной тридцатой части своих солдат, таким образом, французам будет легче разбить Уэлсли во время решающего сражения. Кроме того, сейчас Шарп давал им возможность захватить второй британский флаг, который можно будет показать французским солдатам, чтобы убедить их в слабости нового противника.

– Уже пора, Шарп? – с беспокойством спросил Форрест.

– Нет, сэр, нет. Еще минута.

Они шли прямо по дороге навстречу пушке, находящейся в трехстах ярдах впереди. План Шарпа основывался на двух условиях – и враг в обоих случаях благородно пошел ему навстречу.

Во-первых, французы подвели легкую пушку максимально близко к британским позициям. Они не собирались стрелять по пехоте ядрами, пушка будет заряжена картечью – смесью из мушкетных пуль и кусочков железа, которая разлетается в разные стороны, сея повсюду смерть. Французы явно предполагали, что британские солдаты лягут на берегу, спрятавшись среди обломков моста, – картечь настигла бы их и там. Однако британцы шли прямо на пушку, точно овцы под нож мясника, так что французам требовалось сделать не больше пары выстрелов, внести в ряды противника панику и дать возможность кавалерии покончить с теми, кто останется жив.

Вторая идея Шарпа была связана с конницей. Он почувствовал огромное облегчение, когда всадники сосредоточились с правого фланга британского отряда. Шарп надеялся, что так и будет; если бы французы отошли на левый фланг, замысел стрелка провалился бы и им не оставалось бы ничего иного, как умереть у развалин моста. Земля справа была усеяна телами, но их было немного, зато с левого фланга британцев прикрывали многочисленные трупы людей и лошадей, и Шарп предполагал, что французский полковник, рассчитывая на поддержку пушки, захочет иметь свободу маневра для своих всадников, с нетерпением ждавших, когда пушка откроет огонь.

Артиллеристы не торопились – в этом не было никакой необходимости. Они поглядывали на британский отряд, который сам шел к ним в руки. Пушка была направлена прямо на Шарпа. Он уже мог разглядеть грязно-зеленый лафет и темное закопченное дуло. Опытные артиллеристы ловко повернули пушку так, что теперь она смотрела на дорогу, – а ведь орудие весило не менее трех четвертей тонны. Затем пушкарь в синем мундире засунул сумку с черным порохом в дуло. Второй принялся проталкивать ее внутрь шомполом, третий через специальное отверстие проткнул сумку, чтобы порох немного высыпался, для запала. Еще один пушкарь принес заряд картечи. Пушка будет готова к стрельбе через несколько секунд. Шарп поднял ружье и выстрелил.

Все сто семьдесят солдат, не обращая внимания на разбитые сапоги, побежали. У каждого из них было три заряженных мушкета, два на плече и один в руках. Они бежали неровной цепью, – если кавалерия начнет наступать, британцы успеют в единую долю секунды сомкнуть ряды и образовать непреодолимую стену, ошестинившуюся штыками.

Французские артиллеристы услышали ружейный выстрел и застыли на своих местах, во все глаза глядя на врага, бегущего навстречу смерти, а потом начали ухмыляться. Их развеселила глупость людей, бросившихся в атаку на легкую пушку. И тут ситуация неожиданно изменилась.

В течение двадцати минут после встречи Шарпа с капитаном французских стрелков британцы продолжали собирать раненых. Шарп не сомневался, что французы не обратили внимания на солдат, сгруппировавшихся возле того места, где были сложены тела погибших и где незадолго до этого Шарп и Харпер отбили полковое знамя. За эти двадцать минут Шарп сумел спрятать тридцать живых солдат среди мертвых – десять стрелков, временно одетых в красную форму, и двадцать человек из Южного Эссекского лежали, вжимаясь в землю. У каждого стрелка было по два ружья, а у остальных – по три заряженных мушкета. Французы в их сторону даже не смотрели. Они навели дуло своей пушки на цель и не интересовались тем, что происходило справа, всего в ста шагах от их позиции. Времени заняться мертвецами, посмотреть, чем тут можно поживиться, у них будет сколько угодно; сначала надо уничтожить наглецов-англичан, которые бегут навстречу смерти.

Харпер весь взмок в красном, взятом напрокат мундире, который был ему мал. Сержант разорвал мундир на рукавах по шву, но все равно чувствовал, как по спине стекают ручейки пота. Красные мундиры были важной частью плана. Французы уже привыкли к виду мертвых тел на земле; и если среди них вдруг появятся десять зеленых курток, враг обязательно заподозрит неладное. Больше всего Харпер боялся, что французы решат походить среди трупов и посмотреть, что можно прибрать к рукам, но пока неприятель не обращал на них внимания.

Тут Шарп, который находился примерно в двухстах пятидесяти ярдах, вдруг поднял в воздух свое ружье. Лейтенант Ноулз вздохнул с облегчением. Номинально командовал этими тридцатью солдатами он, но Харпер знал, что неопытный лейтенант не станет ничего предпринимать, не посоветовавшись сначала с ним. Шарп вполне определенно объяснил ему, что все решения должен принимать Харпер.

Над полем разнесся звук выстрела. Харпер с удовольствием потянулся и встал на колени: – Давайте, ребята, стреляйте как следует. Только не спешите.

Спешка могла испортить все дело. Стрелки старательно прицеливались, разминали затекшие руки и ноги – первые выстрелы будут самыми важными. Хэгмен, как и предполагал Харпер, был готов раньше остальных. Сержант с довольным видом наблюдал за тем, как чеширский браконьер что-то проворчал и нажал на курок. Солдат у пушки – он как раз занимался запалом – отлетел от дула и упал на землю. В следующие две секунды восемь пуль настигли еще троих артиллеристов, а четверо оставшихся в живых бросились врассыпную, пытаясь спрятаться за лафетом и колесами пушки, которая оказалась совершенно обезвреженной, – выстрелить из нее стало невозможно. Картечь так и не успели зарядить, Харпер видел, что она лежит рядом с убитым стрелком, упавшим возле закопченного дула. Любой, кто попытается подобраться ближе, будет сражен метким огнем смертоносных британских штуцеров. Французы отказались от нарезного оружия на поле боя, поскольку на его перезарядку требовалось много времени, однако французские артиллеристы сегодня получили урок – неудобные винтовки имеют вполне определенные преимущества перед быстродействующими мушкетами, стреляющими не очень точно, особенно на расстоянии ста шагов.

– Прекратить огонь! – Стрелки посмотрели на Харпера. – Хэгмен!

– Сержант!

– Займись-ка ими! Гэтейкер, Симс, Харви! – (Трое стрелков ждали приказа.) – Будете заряжать для Хэгмена. Остальным целиться в офицеров-кавалеристов.

К Харперу подбежал лейтенант Ноулз и присел рядом:

– Мы можем еще что-нибудь сделать?

– Пока нет, сэр. Начнем движение через минуту.

Ноулз и двадцать солдат с мушкетами должны были защищать стрелков, когда французская кавалерия пойдет на них в атаку. Харпер посмотрел на всадников. Они удивились новому повороту событий не меньше самих артиллеристов и теперь сидели на своих конях и с изумлением таранили на тела солдат возле пушки, словно не могли поверить глазам. Французы предполагали, что пушка разнесет британскую пехоту в клочья, теперь же до них начало постепенно доходить, что они лишились пушки и, следовательно, легкой победы.

Харпер поднял ружье и прицелился, прикинув, что всадники находятся примерно в ста ярдах. Расстояние большое, но попасть можно, а французы заметно облегчили стрелкам дело, выставив старших офицеров вперед. Нажав на курок, Харпер услышал еще выстрелы, увидел, что группа офицеров распалась, на землю рухнули лошадь и два офицера – с такого расстояния было невозможно определить, ранены они или убиты. Временно французы лишились командиров. Инициатива, как и планировал Шарп, полностью перешла к британцам.

Харпер поднялся.

– Хэгмен и ребята, продолжайте стрелять! Остальные... за мной!

Он помчался к пушке, стараясь не мешать Хэгмену. Первоначальный план заключался в том, что стрелки должны уничтожить артиллеристов, а отряд Шарпа захватит пушку, но сержант видел, что Шарп находится еще довольно далеко, – они и предположить не могли, что французы поставят пушку так близко от засевших в засаде британцев. Ноулз удивился изменению плана, однако ирландский сержант заразил его своим возбуждением, и он принялся покрикивать на солдат в красных мундирах, которые, прячась за телами погибших товарищей, мчались прямо к вражескому орудию. Оставшимся в живых французским канонирам было достаточно одного взгляда на восставших из мертвых британцев, чтобы броситься наутек. Когда Харпер оказался в нескольких ярдах от пушки, он заметил, что Хэгмен перестал стрелять, а еще через несколько мгновений уже стоял, вцепившись руками в дуло, окруженный своими товарищами.

– Сэр?

– Сержант? – Ноулз тяжело дышал.

– В две шеренги между пушкой и кавалерией?

Слова Харпера звучали как предложение, однако Ноулз кивнул, точно получил приказ.

Юный лейтенант отчаянно нервничал. Он видел, как его батальон был уничтожен кавалерией, видел, с каким позором покинуло поле боя королевское знамя; он сражался, зажав в руке саблю, купленную ему отцом за пятнадцать гиней в Бирмингеме, видел, как Шарп и сержант Харпер вернули знамя полка, и был потрясен их отвагой. Теперь он хотел доказать стрелкам, что солдаты Южного Эссекского тоже умеют сражаться.

Лейтенант построил своих людей и бросил взгляд на кавалерию, которая наконец сдвинулась с места. Ему показалось, что в сторону пушки направляется около ста всадников, остальные решили заняться Шарпом. Ноулз вспомнил разящие французские клинки и запах страха и еще сильнее сжал рукоять сабли, дав самому себе клятву, что не подведет. Ноулз помнил, что сказал ему Шарп напоследок, как сжал его плечо, вспомнил жесткие глаза, заглянувшие в самые глубины души юного лейтенанта. «Подпустите их шагов на сорок, а потом начинайте стрелять! Ждите, ждите, ждите!» – сказал тогда Шарп.

Ноулзу было трудно осознать, что у них с Шарпом одинаковый чин, он не сомневался, что никогда не сможет командовать людьми так же легко, уверенно и естественно, как высокий темноволосый стрелок. Французы наводили на Ноулза ужас, они ведь завоевали Европу, а Шарп относился к ним как к самым обычным людям, которых можно перехитрить и победить. Ноулз отчаянно мечтал обрести такую же уверенность в себе. Однако сейчас он нервничал. Ему страшно хотелось начать стрелять, остановить французских всадников, пока они не подъехали совсем близко, однако он справился со страхом и теперь терпеливо наблюдал за тем, как французы приближаются, как клинки взметнулись вверх и засияли в лучах вечернего солнца.

К нему подошел Харпер и встал рядом.

– Мы приготовили этим ублюдкам подарочек, сэр.

Сержант казался таким веселым!.. Ноулз с трудом сглотнул, опустил саблю. «Подожди», – приказал он самому себе и с удивлением обнаружил, что произнес эти слова вслух и что его голос звучал совершенно спокойно. Лейтенант взглянул на своих солдат. Они ему верят!

– Отлично, сэр. Вы позволите? – тихонько спросил Харпер, и Ноулз кивнул, не совсем понимая, что происходит.

– Взвод! – Харпер оказался впереди небольшой шеренги британцев. Он показал на десять человек справа. – В сторону, четыре шага. Шагом марш!

Затем последовал такой же приказ для тех, кто стоял слева:

– Взвод! Назад. Марш!

Ноулз отступил вместе со всеми, глядя на французов, пустивших лошадей рысью, и тут он все понял. Пока он стоял и наблюдал за французами, стрелки передвинули пушку! Теперь ее дуло было наведено на французскую кавалерию; ее зарядили, и картечь, которая должна была разбросать в разные стороны британцев – так хозяйка выметает тараканов из дома, – теперь угрожала французским гусарам.

Харпер стоял позади пушки. Французские канониры сделали почти всю работу, стрелки только зарядили картечь и нашли запальный фитиль. Запал находился внутри – тростник, заполненный порохом; Харпер поднесет к нему огонь, он мгновенно вспыхнет, помчится по тростниковой трубке, и заряд пороха загорится.

– Не стрелять! – крикнул Харпер, который боялся, что неопытные солдаты Южного Эссекского могут открыть огонь в тот момент, когда выстрелит пушка. – Не стрелять!

Французские всадники находились уже в семидесяти ярдах, подгоняя своих лошадей. Они перешли на галоп, в первом ряду скакало десять всадников. Харпер догадался, что пятьдесят человек бросили, чтобы разобраться с крошечным отрядом возле пушки, и еще пятьдесят оставлено в резерве.

Сержант поднес огонь к тростнику. Послышалось шипение, появилось облачко дыма, а потом – взрыв! Из дула вырвался бело-серый дым; пушка откатилась назад, чуть приподня-

лась в воздух и, опустившись, оставила на земле глубокий след. Картечь вылетела из дула и смела кавалерию с поля боя. Первые три ряда были полностью уничтожены, два других не могли перебраться через окровавленные тела погибших и раненых товарищей; кое-кто из них пытался подняться на ноги, они не понимали, что произошло.

Харпер услышал, как Ноулз кричит:

– Не стрелять! Не стрелять!

«А парень молодец», – подумал ирландец.

Первый отряд кавалерии разделился на две небольшие группы, к ним на помощь уже спешил резерв, однако всадники, казалось, никак не могли прийти в себя после столь неожиданного нападения. Они по-прежнему двигались в сторону пушки, но старались держаться не на линии огня.

Ноулз наблюдал за приближающимися всадниками. Он ждал, ждал до тех пор, пока те не пришпорили коней, и только тогда взмахнул саблей:

– Огонь!

Последовал мушкетный залп, поле боя окутали клубы дыма. Первые ряды лошадей оказались на земле, преградив путь тем, кто был сзади.

– Заменить мушкеты! – Ноулз почувствовал себя увереннее, он вдруг понял, что у него все получится. – Огонь!

Второй залп покончил с теми всадниками, что пытались обойти пушку с флангов. Снова падали лошади и люди; руки, ноги, шашки и ножны – все перемешалось. Однако французы продолжали наступать, обошли пушку сзади, и опять заговорили мушкеты. Вот еще несколько лошадей рухнуло на землю. Неожиданно Ноулз с изумлением обнаружил, что перед пушкой нет ни одного всадника. Он развернул своих людей, приказал пустить в дело третий мушкет, и над головами опустившихся на одно колено стрелков пронесся последний залп.

– Спасибо, сэр!

Харпер радостно улыбнулся лейтенанту. Кавалерия была уничтожена картечью и пулями солдат Южного Эссекского и не смогла причинить никакого вреда пехоте из-за возникшего барьера мертвых тел. Харпер посмотрел на Ноулза, который приказал своим солдатам перезарядить мушкеты, и отвернулся к пушке. Нужно столько всего не забыть! Почистить, закрыть отверстие – он приказал стрелкам перезарядить захваченное у врага орудие.

Шарп видел, как выстрелила пушка, видел, что атака всадников захлебнулась, теперь пришла пора заняться французскими стрелками, идущими навстречу его собственному маленькому отряду. Когда кавалеристы приблизились, Шарп развернул три шеренги лицом к французам; последняя шеренга должна была заняться теми, кто попытается обойти отряд британцев с флангов.

Всадников охватила ярость. У них отняли легкую победу, захватили пушку, к тому же над небольшим отрядом британских пехотинцев нахально развевался полковой штандарт. Они пришпорили коней, забыв о дисциплине, мечтая о мести. Теперь французами двигало только одно желание – раздавить этот крошечный отряд, растоптать, словно ядовитого скорпиона.

Шарп наблюдал за тем, как приближается неприятель. Форрест опасно на него взглянул и откашлялся, но Шарп покачал головой:

– Подождите, майор, нужно уметь ждать!

Они с Форрестом стояли под знаменем, бросившим французским кавалеристам вызов, оно дразнило и манило неприятеля. Французы подгоняли своих коней; заиграла труба, гусары воинственно завопили, выхватили сабли и помчались навстречу смерти.

Шарп позволил им приблизиться на сорок ярдов, а потом выстрелы уничтожили первый ряд атакующих. Второй ряд вонзил шпоры в бока своих скакунов. Они не сомневались в победе. Разве британцы не произвели выстрела? Французы перескочили через остатки первого ряда и с ужасом увидели, что солдаты в красных мундирах спокойно прицеливаются, держа

в руках готовые к бою мушкеты, а не спешат зарядить оружие. Кое-кто натянул поводья, но было уже слишком поздно.

– Поменять мушкеты!

Последняя шеренга выстрелила – один раз, потом второй. Шарп повернулся, чтобы проверить, как идут дела, но опытные сержанты прекрасно справлялись со своими обязанностями. Теперь британских солдат окружало кольцо лошадей, убитых и умирающих, а ошалевшие от неожиданности раненые французы пытались выбраться из переплетения тел и снаряжения; те, кому это удалось, устремились на открытое пространство. Ряды врага расстроились, французы были не в состоянии атаковать.

– Налево! И вперед!

Шарп побежал. Он видел Харпера и Ноулза. Молодой лейтенант казался совершенно спокойным, а тела мертвых французских солдат указывали на то, что он сумел дожидаться подходящего момента, чтобы начать стрельбу. Пушка выстрелила снова, окутав небольшой отряд клубами дыма, и Шарп, посмотрев направо, заметил, что французы, готовившиеся к новой атаке, попадали на землю. Еще несколько всадников оставалось в седлах, они кружили рядом со своими поверженными товарищами; Шарп остановился на одно короткое мгновение, и залп из двадцати мушкетов отогнал шесть французских стрелков, подбиравшихся к отряду с фланга.

И вот его солдаты уже подбежали к пушке. Шарп подскочил к Харперу, весело хлопнул сержанта по спине, улыбнулся великану-ирландцу, а потом повернулся к Ноулзу, чтобы поздравить его. План сработал! Они захватили пушку, заставили кавалерию отступить, французы понесли тяжелые потери – погибло множество людей и лошадей, – и при этом никто из британцев не получил даже царапины.

Вот так-то. Шарп знал, что французы ни за что не осмелятся атаковать их снова, ведь теперь у британцев была пушка. Он видел, как они кружат вне пределов ее досягаемости, а британские солдаты в это время построились в каре. Форрест ликовал, он стал ужасно похож на епископа, который только что провел невероятно успешную конфирмацию.

– У нас получилось, Шарп! Получилось!

Шарп посмотрел на знамя в самом центре небольшого каре. Им удалось немного оправдаться, совсем чуть-чуть. Но все равно их честь запятнана. Они захватили французскую пушку, наголову разбили их кавалерию, часть солдат Южного Эссекского поняла, что значит сражаться по-настоящему. Однако этого недостаточно.

На лафете захваченной пушки были закреплены связки веревок. Длинные, надежные французские веревки пригодятся, когда они станут перебираться на другой берег; пушку не придется тащить вверх по крутому склону. Теперь есть веревки и дерево – все необходимое, чтобы начать переправлять раненых.

Леннокс, лежавший у моста, видел, как французский офицер направил свою лошадь к британскому каре. Новые переговоры; впрочем, он уже не узнает, чем они закончатся. Его знобило, тело онемело, боль прошла – теперь осталось совсем немного. Леннокс сжал в руке саблю, какой-то древний, но почему-то немного знакомый голос шепнул, что он отправляется в иной мир; может быть, там его ждет жена. Ему стало хорошо и очень спокойно, совсем не хотелось шевелиться. Он видел, как Шарп безрассудно и бесстрашно пошел навстречу французскому офицеру. Капитан пытался понять, что же задумал отважный лейтенант, потом услышал треск выстрелов, увидел, как к пушке побежали маленькие фигурки французских солдат и натолкнулись на ружья британской пехоты. Вот теперь бой окончен. Французы соберут своих раненых и уйдут, а Шарп вернется к мосту. И сдержит данное обещание, Леннокс в этом не сомневался; человек, который может спланировать захват пушки, достаточно храбр и решителен, чтобы сделать то, о чем его попросил Леннокс. Тогда позор будет смыт.

Леннокс больше не думал о королевском знамени в руках французов. Солнце стояло высоко в небе, но ему было невыносимо холодно. Он сжал рукоять сабли и закрыл глаза.

Глава десятая

– Проклятье, Шарп! Я все равно тебя сломаю! И позабочусь о том, чтобы ты лишился всех званий! Ты вернешься на ту помойку, в которой родился! – Лицо Симмерсона перекосил гнев, даже огромные уши покраснели. Он стоял рядом с Гиббонсом и Форрестом; майор безрезультатно пытался успокоить сэра Генри, но полковник нетерпеливо сбросил его руку со своего рукава. – Я отдам тебя под суд военного трибунала. Напишу кузену. Шарп, ты конченный человек! Понял?

Шарп стоял в противоположном конце комнаты, стараясь сохранить невозмутимое выражение лица и не показывать гнева и презрения, которые он испытывал. Лейтенант выглянул в окно. Полк вернулся в Пласенсию, сейчас они находились во дворце Мирабель, где размещался временный штаб Уэлсли. Шарп разглядывал улицу и набегающие друг на друга крыши бедняцких хижин, теснящихся за городскими стенами. По улице проезжали экипажи с великолепными, роскошными кучерами в ливреях – испанские дамы в вуалях спешили куда-то по своим таинственным делам.

Батальон добрался сюда накануне вечером, раненых доставили на телегах, запряженных мулами. Харпер уверенно утверждал, что скрип крепких, надежных колес напоминает вой привидений. К нему примешивались крики и стоны раненых. Многие погибли по дороге; другие расстанутся с жизнью, став в следующие несколько дней жертвами гангрены. Шарп был арестован, у него отобрали саблю, он маршировал рядом со своими верными стрелками, которые решили, что мир окончательно спятил, но они непременно отомстят за своего командира, если Симмерсон сдержит свое обещание.

Дверь открылась, и в комнату вошел подполковник Лоуфорд, лицо которого оставалось совершенно непроницаемым. На нем не было ничего похожего на оживление, которое Шарп заметил, когда они встретились пять дней назад. Лоуфорд окинул присутствующих холодным взглядом, – как и все остальные в армии Уэлсли, он чувствовал себя униженным и опозоренным потерей королевского знамени.

– Джентльмены, сэр Артур сейчас вас примет. Десять минут.

Симмерсон прошел в открытую дверь, Гиббонс – за ним. Форрест показал Шарпу, чтобы тот был следующим, но Шарп остался стоять на месте. Майор улыбнулся ему безнадежной улыбкой человека, опутанного паутиной вины и оказавшегося в самом центре кровавой бойни.

Генерал сидел за простым дубовым столом, заваленным бумагами и нарисованными от руки картами. Симмерсону негде было сесть, поэтому четыре офицера выстроились перед столом, словно нашкодившие школьники перед разгневанным директором. Лоуфорд остался стоять за спиной генерала, который не обращал на них никакого внимания, только писал что-то на листе бумаги. Наконец он закончил, его лицо словно окаменело.

– Ну, сэр Генри?

Взгляд сэра Генри Симмерсона метался по комнате, точно он пытался отыскать вдохновенные слова, написанные на стенах кабинета. Голос генерала звучал холодно. Полковник облизал губы и откашлялся.

– Мы уничтожили мост, сэр.

– И ваш батальон.

Это было сказано тихо. Шарп уже видел Уэлсли в таком состоянии, когда тот прятал гнев за тихими, внешне ничего не значащими словами.

Симмерсон фыркнул и вскинул голову:

– В этом нет моей вины, сэр.

– Ах так! – Брови генерала полезли вверх, он положил перо и откинулся на спинку кресла. – А чья в этом вина, сэр?

– С сожалением должен вам сообщить: лейтенант Шарп ослушался приказа, доведенного до его сведения несколько раз. Майор Форрест свидетель: я отдавал приказ лейтенанту Гиббонсу, который затем передал его Шарпу. По вине лейтенанта Шарпа батальон лишился прикрытия, он нас предал. – Симмерсон говорил уверенно и с чувством, заранее приготовив обвинительную речь. – Я прошу вас, сэр, отдать лейтенанта Шарпа под суд военного трибунала...

Уэлсли поднял руку и остановил поток слов, бросил короткий взгляд на Шарпа. В голубых глазах генерала было что-то пугающее, они смотрели и оценивали, но понять, о чем думает сэр Артур Уэлсли, было совершенно невозможно. Глаза переметнулись на Форреста.

– Вы слышали этот приказ, майор?

– Да, сэр.

– А вы, лейтенант? Что произошло?

Гиббонс вскинул брови и посмотрел на Шарпа. Его тон был скучающим, высокомерным.

– Я передал лейтенанту Шарпу, что он должен расставить своих стрелков в соответствии с приказом полковника Симмерсона, сэр. Он отказался. Капитан Хоган встал на сторону Шарпа.

Симмерсон казался довольным. Пальцы генерала выбивали дробь по столу.

– Ах да, капитан Хоган. Я видел его час назад.

Уэлсли вытащил листок бумаги и принялся его внимательно изучать. Шарп не сомневался, что это самое настоящее представление. Уэлсли прекрасно знал, что написано в бумаге, но специально нагнетал напряжение. Голубые глаза снова остановились на Симмерсоне, голос звучал почти ласково:

– Я прослужил вместе с капитаном Хоганом много лет, сэр Генри. Он был в Индии. И я всегда считал его человеком, которому можно доверять.

Уэлсли поднял брови, словно приглашая Симмерсона выдвинуть свои возражения. Тому не оставалось ничего иного, как принять приглашение.

– Хоган – инженер, сэр. Ему трудно в полной мере разобраться в целесообразности размещения воинских подразделений. – Симмерсон был ужасно собой доволен, всячески стремился продемонстрировать генералу, что, несмотря на политические разногласия, не держит на него зла.

Где-то громко пробили часы – десять долгих, четких ударов. Пальцы Уэлсли по-прежнему выбивали барабанную дробь на столе, а потом он неожиданно посмотрел на Симмерсона. Очень пристально.

– В вашей просьбе отказано, сэр Генри. Я не отдам лейтенанта Шарпа под суд военного трибунала. – Он помолчал немного, потом заглянул в бумагу и снова уставился на Симмерсона. – Кроме того, нам необходимо принять ряд решений насчет вашего батальона, сэр Генри. Так что, я думаю, вам следует немного задержаться.

Лоуфорд направился к двери. Голос Уэлсли был жестким, холодным, безапелляционным, а вот Симмерсон взорвался и возмущенно завопил:

– Он потерял мое знамя! Он не выполнил приказ!

Кулак Уэлсли с грохотом опустился на стол.

– Сэр! Я знаю, какой приказ он нарушил! Я тоже не подчинился бы такому приказу! Вы предлагали ему послать стрелков против кавалерии! Это так, сэр?

Симмерсон промолчал. Он был потрясен взрывом гнева, который окатил его удушающей волной.

Уэлсли продолжал:

– Во-первых, сэр Генри, вам не следовало переводить свой батальон на другую сторону моста. В этом не было необходимости, вы зря потратили драгоценное время и повели себя как идиот. Во-вторых, – Уэлсли загибал пальцы, – только полнейший кретин выставляет небольшой отряд против кавалерии. В-третьих, вы опозорили армию, на создание которой я потратил целый год, перед врагами и союзниками. В-четвертых, – голос Уэлсли походил на хлыст,

наносающий безжалостные удары, – в этой жалкой битве только лейтенант Шарп проявил себя должным образом. Насколько я понимаю, сэр, он сумел отбить один из двух потерянных вами штандартов, а кроме того, захватил французскую пушку и успешно ею воспользовался против наших врагов. Это так?

Все молчали. Шарп смотрел прямо перед собой, на картину, висящую за спиной генерала. Он услышал шелест бумаги. Уэлсли взял листок со стола и заговорил немного тише:

– Вы потеряли, сэр, кроме королевского знамени, двести сорок два человека убитыми и ранеными. Вы лишились одного майора, трех капитанов, пяти лейтенантов, четырех прапорщиков и десяти сержантов. Мои цифры верны?

И снова все промолчали. Уэлсли поднялся на ноги.

– Ваши приказы, сэр, были приказами полнейшего дурака! В следующий раз, сэр Генри, я вам советую сразу вывесить белый флаг, чтобы французы не тратили силы на то, чтобы достать оружие из ножен! С работой, которую вы должны были сделать, могла справиться одна рота; дипломатия потребовала от меня послать батальон, и я отправил Южный Эссекский, сэр, чтобы ваши люди посмотрели на французов и поняли, что это такое. Я ошибся! В результате одно из наших знамен сейчас на пути в Париж, где его пронесут по улицам на потеху ликующей толпе. Вы скажите, если я вас несправедливо обижаю.

Симмерсон побелел. Шарпу еще не доводилось видеть, чтобы Уэлсли так сердился. Кажется, он забыл обо всех остальных и бросал слова в Симмерсона с мстительной яростью.

– У вас больше нет батальона, сэр Генри. Он прекратил свое существование в тот момент, когда вы бросили людей и знамена! Южный Эссекский – это полк, состоящий из одного батальона, верно?

Симмерсон кивнул и что-то пробормотал.

– Так что вряд ли вам удастся восполнить потери, затребовав новых людей из Англии. Я очень сожалею, сэр Генри, что не в моих силах отослать вас назад, домой! Я не могу этого сделать! Парламент, Хорсгардз⁵ и лезущие не в свое дело политики вроде вашего кузена связали мне руки. Я объявляю ваш батальон резервным. Сам назначу новых офицеров и позабочусь о пополнении. Вы будете служить под командованием генерала Хилла.

– Но, сэр... – Симмерсон был потрясен услышанным.

Стать батальоном резерва? Немыслимо! Заикаясь, Симмерсон начал было протестовать. Уэлсли перебил его:

– Я передам вам список офицеров, сэр. Вы хотите сказать, что уже обещали кому-то повышение?

Симмерсон кивнул. Уэлсли посмотрел на листок бумаги, который держал в руке.

– Ну и кого же, сэр Генри, вы назначаете командиром роты легкой пехоты?

– Лейтенанта Гиббонса, сэр.

– Вашего племянника?

Уэлсли молчал, дожидаясь ответа Симмерсона. Полковник снова кивнул. Уэлсли повернулся к Гиббонсу:

– Вы были согласны с приказом вашего дяди выставить отряд стрелков против кавалерии?

Гиббонс попался в ловушку. Он облизал губы, пожал плечами, но в конце концов был вынужден кивнуть. Уэлсли покачал головой:

– В таком случае совершенно очевидно, что вы не подходите для того, чтобы командовать ротой пехотинцев. Нет, сэр Генри, в качестве командира роты вы получите одного из самых лучших офицеров британской армии. Я произвожу его в чин капитана.

⁵ Хорсгардз – здание в Лондоне, в котором расположены некоторые отделы английского военного министерства.

Симмерсон промолчал. Гиббонс побледнел от гнева. Лоуфорд ухмыльнулся, глядя на Шарпа, и тот почувствовал, что еще не все потеряно.

Генерал переводил глаза с Шарпа на Симмерсона.

– Мне кажется, есть мало офицеров, более подходящих для того, чтобы командовать ротой легкой пехоты, чем капитан Шарп.

Шарп ликовал, он не стал жертвой несправедливости! Заявления Симмерсона – пустая болтовня, лейтенант превратился в капитана! Капитан Шарп! Он почти не слышал, что говорил Уэлсли, потому что одержал безоговорочную победу. Враг раздавлен. Капитан Шарп! Разве имеет какое-то значение, что он произведен в чин капитана временно, что его еще должно утвердить военное министерство? На данный момент хватит и этого. Капитан! Капитан Ричард Шарп из резервного батальона.

Уэлсли закончил разговор. Симмерсон попытался предпринять последнюю попытку:

– Я напишу... – Полковник был возмущен, но изо всех сил старался сохранить остатки собственного достоинства, утонувшего в потоке презрения Уэлсли. – ...Я обращусь в правительство, сэр, и они узнают всю правду!

– Можете делать все, что пожелаете, сэр, но, надеюсь, вы мне позволите продолжать вести эту войну. До свидания.

Лоуфорд открыл дверь. Симмерсон отсалютовал, и офицеры повернулись, чтобы уйти.

– Капитан Шарп!

– Сэр?

Впервые его называли «капитан».

– Прошу задержаться. Мне нужно с вами переговорить.

Лоуфорд закрыл дверь. Уэлсли посмотрел на Шарпа, лицо его было мрачным.

– Вы не подчинились приказу.

– Да, сэр.

Уэлсли закрыл глаза; казалось, он очень устал.

– Я не сомневаюсь, что вы заслуживаете чин капитана. – Генерал открыл глаза. – Удастся ли вам его сохранить – совсем другое дело. В этом вопросе от меня ничего не зависит, и вполне может так случиться, что в данных обстоятельствах министерство отменит мое решение. Вы это понимаете?

– Да, сэр!

Шарпу казалось, что он все понимает. Врагам Уэлсли всего год назад удалось заставить его оправдываться перед специальной комиссией, а сейчас те же самые враги хотели только одного – чтобы он потерпел поражение. Сэр Генри был одним из этих врагов, и наверняка полковник уже занят составлением письма, которое отошлет в Лондон. В письме будут приведены самые жестокие обвинения в адрес Шарпа, и тот факт, что генерал встал на его сторону, может означать серьезные неприятности и для самого Уэлсли.

– Спасибо, сэр.

– Не благодарите меня. Может получиться, что я вам только навредил. – Он посмотрел на Шарпа, и в его взгляде появилась едва заметная неприязнь. – У вас очень странная манера, Шарп, вы заслуживаете поощрения методами, которые достойны самого серьезного порицания. Я понятно говорю?

– Да, сэр.

Что значат эти слова? Может быть, Уэлсли хочет сказать, что встреча закончена? Шарп постарался скрыть свои чувства.

На лице Уэлсли промелькнул гнев, но он справился с собой и неожиданно хитро улыбнулся:

– Я рад, что у вас все в порядке. – Генерал откинулся на спинку кресла. – За вашей карьерой очень интересно наблюдать, Шарп, хотя меня и преследует опасение, что она может неожиданно и несвоевременно закончиться. До свидания, капитан.

Он снова взял в руки перо и начал царапать что-то на листке бумаги. У Артура Уэлсли хватало проблем. Испанцы не обеспечили британскую армию провиантом, как обещали, деньги для армии тоже не прибыли, кавалерия нуждалась в гвоздях и подковах, не доставало повозок и волов... А сверх всего испанцы сами не знали, чего хотят, – сегодня они выступают за активные боевые действия и славные победы, а завтра умоляют об осторожности и отводе войск.

Шарп вышел из кабинета.

Лоуфорд последовал за ним в пустую приемную и протянул руку:

– Поздравляю.

– Спасибо, сэр. Резервный батальон, да?

– Вряд ли это обрадовало сэра Генри. – Лоуфорд рассмеялся.

Он был совершенно прав. В любой армии существовали небольшие отряды вроде стрелков Шарпа, которые не входили ни в какое подразделение. Чаще всего это были настоящие отбросы армии, и командующий, когда их набиралось достаточное количество, собирал всех во временный резервный батальон. Кроме того, таким образом генерал получал возможность повышать в чине – пусть и временно – тех людей, кто, по его мнению, этого заслуживал, но причина недовольствия Симмерсона заключалась вовсе не в этом. Превратив разбитый Южный Эссекский в резервный батальон, Уэлсли стер название «Южный Эссекский» из списка подразделений, составляющих его армию; этим генерал постарался уязвить гордость сэра Генри, хотя Шарп и сомневался, что человек, так спокойно отнесшийся к потере королевского знамени, будет долго переживать из-за унижения батальона.

Вероятно, эти мысли отразились у него на лице, потому что Лоуфорд сказал:

– Тебя беспокоит Симмерсон?

– Да. – Не было смысла отрицать очевидное.

– Тут ты прав. Сэр Артур сделал все, что смог: повысил тебя в чине и, поверь мне, написал домой, где сообщил о твоих подвигах в самых лестных выражениях.

Шарп кивнул.

– Но...

Лоуфорд пожал плечами. Он подошел к окну и, отодвинув тяжелые бархатные шторы, посмотрел на долину, расстилающуюся за городскими стенами; она была залита безжалостно палящим солнцем.

– Да. Существует и «но».

– Расскажите.

– Симмерсон очень влиятелен. – Лоуфорду было явно не по себе. – У него множество знакомых среди людей, занимающих высокое положение. – Он снова пожал плечами. – Боюсь, он сделает все, чтобы навредить тебе как можно сильнее, Ричард. Ты стал пешкой в игре политиков. Симмерсон дурак, никто с этим не спорит, но его приятели в Лондоне не захотят, чтобы он выглядел дураком. Им понадобится козел отпущения. Ведь Симмерсон – нечто вроде их представителя, понимаешь?

Шарп кивнул.

– Когда он напишет из Испании и расскажет, что война ведется неправильно, его письмо будет зачитано в парламенте. И не имеет никакого значения, что он абсолютно не в своем уме! Симмерсон – их голос, их представитель на войне, и, потеряв его, они потеряют доверие.

Шарп устало кивнул:

– Иными словами, будет сделано все, чтобы пожертвовать мной ради спасения Симмерсона?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.